

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

МАЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

Горький КВЕСТ

Том 1

Annotation

Один из самых необычных романов Александры Марининой. При подготовке к его написанию автор организовала фокус-группы, состоящие из молодых людей, никогда не живших в СССР. Цель — понять, как бы они поступили в той или иной ситуации, если бы на дворе были 70-е годы прошлого столетия.

Представьте, что вы оказались в СССР. Старые добрые семидесятые: стабильность и покой, бесплатное образование, обед в столовой по рублю, мороженое по 19 копеек... Мечта?! Что ж, Квест покажет... Организаторы отобрали несколько парней и девушек для участия в весьма необычном эксперименте — путешествии в 1970-е годы. В доме, где предстоит жить добровольцам, полностью воссоздан быт эпохи «развитого социализма». Они читают пьесы Максима Горького, едят советские продукты, носят советскую одежду и маются от скуки на «комсомольских собраниях», лишенные своих смартфонов и прочих гаджетов. С виду — просто забавное приключение. Вот только для чего все это придумано? И чем в итоге закончится для каждого из них?

-
- [Александра Маринина](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
-

Александра Маринина
Горький квест. Том 1

Часть первая

Это полный идиотизм!

— Вы меня разыгрываете?

Глаза юриста слегка прищурены, брови приподняты, все лицо его, моложавое и ухоженное, выражает брезгливое недоверие. Что ж, его можно понять. В такое действительно поверить непросто. А если уж совсем честно говорить — то поверить трудно.

— К сожалению, я серьезен как никогда. Кажется, в России принято в подобных случаях говорить «полный идиотизм», я не ошибаюсь?

Юрист рассеянно кивнул, обдумывая услышанное, потом спохватился:

— Я бы не стал называть ваш проект идиотизмом... — чуть виновато проговорил он. — Но согласитесь, все это более чем необычно. Я бы даже сказал: странно.

— Согласен, — кивнул я. — Но что поделать, таково доставшееся мне наследие, и финансовое, и биологическое. Мой дальний предок, Джонатан Уайли, был таким человеком, которых принято называть эксцентричными. У него был ужасный характер, он перессорился со всей родней, ни с кем не поддерживал отношений, а общий язык мог находить только с такими же эксцентричными людьми, как он сам. Видимо, эта его особенность воплотилась и во мне.

— И..? — Брови юриста чуть сдвинулись, обозначая непонимание.

— Среди потомков Уайли я не один такой, — улыбнулся я. — Странные, кажущиеся глупыми и необъяснимыми поступки совершали и другие представители нашей семьи. И это, как мне думается, еще раз подтверждает, что в целом затея Джонатана Уайли и его единственного близкого друга Роберта Купера не так уж абсурдна. Разумеется, я понимаю, что за сто пятьдесят лет жизнь значительно изменилась, мир стал совсем иным, и предвидеть этого Уайли и Купер в те годы никак не могли. Жизнь текла медленно, письма шли долго, путешествия, на которые сегодня тратится несколько часов, тянулись месяцами. Тогда, в конце шестидесятых годов позапрошлого столетия, казалось, что и через сто пятьдесят лет все будет устроено так же, а если перемены и произойдут, то незначительные и в основном чисто технического характера. По их представлениям, слово джентльмена останется таким же незыблемым эталоном надежности, а пожелания родителей будут неукоснительно выполняться детьми. Одним

словом, моего предка и его друга обуял грех гордыни: они сочли, что в состоянии все учесть и все просчитать наперед.

Юрист некоторое время молчал. Я терпеливо ждал, рассматривая серый пейзаж за окном, и немного сожалел, что конференция по проблемам перевода, на которую меня пригласил Институт русского языка, проходит в такой безрадостный дождливый сезон. Мне нравилось бывать в Москве, я приезжал в Россию много раз, но никогда прежде здесь не было так уныло и некрасиво, как сейчас.

Мы сидели в тихом безлюдном баре отеля, в котором я остановился. По вечерам здесь сживало не более трех-четырех человек, а днем посетителей не было вообще, я хорошо это помнил по предыдущему приезду два года назад. Отель мне понравился еще тогда, он был небольшим, но неоправданно, просто безумно дорогим, поэтому гостей в нем немного. С точки зрения «здоровой» экономики такой отель — это как раз то, что можно назвать «полным идиотизмом». Но в России экономика не здоровая, а отмывания денег никто еще не отменил. Излишние траты в данном случае меня не смущали, хотя я никогда не был мотом и транжирой, а уровень комфорта казался более чем удовлетворительным. Самое главное — малоллюдно, а значит — тихо. Для меня это очень существенно.

Молчание затягивалось, и мне это не нравилось.

— Если у вас есть сомнения, я готов предоставить все документы, — предложил я.

Мой собеседник вздохнул:

— Хорошо, я верю, что вы меня не разыгрываете. Но у меня остаются вопросы.

— Постараюсь ответить полно. И гарантирую, что отвечу честно.

— Зачем вам это? Насколько я понял, вы не принадлежите к той ветви потомков, на которых лежит... Как бы это сказать... Моральное обязательство. Вы не ученый и не писатель, вы переводчик, и создание монументального труда...

Он снова запнулся, но я отлично понял, что он хотел сказать: «Создание монументального труда вам не по зубам, тем более в вашем преклонном возрасте, когда нормальные люди уже не берутся осваивать новые профессии». Именно эти слова я уже слышал, только из уст совсем другого человека. И именно они заставили меня всерьез взяться за выполнение условия Уайли — Купера. Впрочем, не только они...

— Мне семьдесят шесть лет, — ответил я, не дожидаясь, пока юрист подберет приемлемые слова для выражения своей мысли. — И я профессиональный переводчик. В моем арсенале четыре языка, с которых я

перевожу на английский научную литературу — доклады, статьи, монографии по физике, химии и биологии. И еще пять языков, владение которыми позволяет мне переводить любые тексты, не требующие специфических научных знаний. Этой работой я занимаюсь почти шестьдесят лет, а иностранные языки начал изучать в трехлетнем возрасте. Полагаю, вы вполне можете представить себе уровень и качество работы моего мозга и состояние памяти. Так что если вас смущает мой интеллектуальный потенциал, то могу вас успокоить. А на ваш вопрос: «Зачем?» — отвечу: люблю новизну, люблю учиться, люблю осваивать то, чего раньше не делал. Я ведь предупреждал вас, что унаследовал некоторую долю эксцентричности Уайли.

Он кивнул, видимо, удовлетворенный моим объяснением.

— Тогда я могу считать, что и на второй вопрос вы ответите так же, со ссылкой на особенности характера, — констатировал он задумчиво. — Я собирался спросить, почему вы придумали такой странный и трудоемкий метод сбора материала. Но вы ведь и его наверняка стали бы оправдывать своей эксцентричностью, верно?

— Верно, — рассмеялся я. — Но не думайте, что я не пытался решить вопрос другим способом, более легким и простым. Я провел много времени в беседах с русскими эмигрантами, но удовлетворительного результата не получил. Тот, кто мыслит как двадцатилетний юноша, не жил в России в семидесятые годы прошлого столетия, а те, кто жил и был в то время молодым, сейчас уже зрелые люди в солидном возрасте, они не в состоянии перешагнуть через собственный жизненный опыт, накопленный за все последующие годы. К тому же я не только эксцентричен, но и одинок, и весьма состоятелен, наследников у меня нет, а вкус к жизни и новизне сохранился. Так почему бы не поставить эксперимент, пусть даже трудоемкий и финансово затратный?

— Еще вопрос: почему вы решили приступить к работе сейчас? Вы ведь сказали, что по условиям Уайли — Купера материал должен собираться на протяжении ста пятидесяти лет, начиная с тысяча восемьсот семидесятого года, то есть до две тысячи двадцатого года, и только после этого на рассмотрение конкурсной комиссии можно будет представлять результаты. У вас впереди еще три года, даже чуть больше.

— Понимаю ваше недоумение. Сейчас только ноябрь шестнадцатого года, и вам кажется, что я взялся за дело слишком рано. Вы молоды, друг мой, и, как и все люди вашего возраста, строите планы на годы вперед, исходя из того, что сможете их осуществить, если не помешают какие-то уж совсем крайние обстоятельства. Но вероятность подобных

обстоятельств вы оцениваете как очень маленькую, я прав? В оценку вероятности вы закладываете экономическую составляющую в первую очередь, но почти никогда не закладываете составляющую естественную, физиологическую. Вам ведь в ваши годы не приходит в голову думать: а что будет, если я попаду под машину и останусь обездвиженным инвалидом, правда? Когда вам меньше тридцати пяти, вы обычно не принимаете в расчет болезни, несчастные случаи и тем более смерти. Когда вам за семьдесят, вы при составлении любых планов в первую очередь думаете именно об этом. Не помешает ли болезнь сделать то, что я задумал? И буду ли я вообще к этому времени еще жив? Жизнь сделала меня осторожным и предусмотрительным, поэтому я приступил к работе с большим запасом времени. Все доступные на сегодняшний день материалы я тщательно изучил и за последний год сделал довольно приличный анализ. Добавить к нему данные еще за три года — дело нескольких недель, а возможно, и дней. Сегодня я еще полон сил и энтузиазма, но кто знает, каким я стану через три года, если доживу? Возможно, как раз через три года большой труд окажется мне и в самом деле не по силам, а вот доделать совсем небольшую часть я вполне буду в состоянии.

Юрист снова умолк, но на этот раз не для того, чтобы подумать: он делал какие-то записи в раскрытом перед ним блокноте.

— Тогда у меня возник еще ряд вопросов, — проговорил он, отложив ручку в сторону. — Вы поддерживаете отношения с родственниками той ветви, которая непосредственно занималась сбором материалов?

Я не собирался лгать или что-то скрывать. Но хотелось ответить как можно более кратко. Разговор меня утомил, я вообще не люблю подолгу разговаривать.

— Почти не поддерживаю. Если быть точным — я не общался ни с кем из них с девяносто второго года, то есть с того момента, как они эмигрировали в США из России. Когда они приехали, состоялось наше знакомство, очень кратко, буквально в течение пары часов. Они мне не понравились, никаких родственных чувств я к ним не испытывал, мило поболтал с ними о каких-то пустяках и распрощался. Прошло двадцать лет, на протяжении которых я не питал к ним ни малейшего интереса, равно как и они ко мне, как только поняли, что я не собираюсь брать на себя функции опекуна, заботящегося о несчастных, сбежавших от коммунистического режима в поисках лучшей доли. Коммунистического режима, правда, к тому времени уже не было, он рухнул, но в США их ждали вполне приличные деньги, которые оставались недоступными, если бы эти люди жили в России. Если сформулировать более точно — мои родственники не

знали, в каком направлении пойдет экономическое развитие их страны, какие будут приниматься законы касательно валюты, и не были уверены, что смогут воспользоваться лежащими на американском счете деньгами. Как я успел понять из их рассказов, отъезд из России и жизнь за границей были давней, многолетней мечтой всей их семьи. Их было трое: пожилая женщина, ее дочь лет тридцати пяти примерно и внук-подросток. Три года назад я случайно столкнулся с этим внуком в конторе адвокатов, которые ведут дела нашей семьи, и узнал, что он собирается выполнить условие Уайли — Купера и получить причитающееся вознаграждение. Вот этого я допустить не могу.

— Почему?

— По личным причинам. Если вы настаиваете на их раскрытии, то нам с вами придется уделить этому вопросу еще какое-то время, но уже не сегодня. Сегодня мне нужно получить ваше принципиальное согласие на сотрудничество и составить план действий. Если вы отказываетесь, то я оплачу время, которое вы потратили на нашу встречу, и буду искать другого юриста.

Он не отказался. То ли сумма предложенного мной вознаграждения выглядела привлекательной, то ли сама затея показалась любопытной, а возможно — и то, и другое одновременно. Я несколько раз озвучил свое главное требование: все должно быть абсолютно законно и прозрачно, чтобы не возникало ни малейших проблем с государственными органами.

— Мы создадим юридическое лицо, в уставных целях которого укажем «проведение краткосрочного эксперимента для изучения поведенческих реакций в условиях отказа от современных носителей информации», — предложил юрист. — И все будет честно и открыто. Не возражаете?

Разумеется, я не возражал. Такая формулировка полностью соответствовала действительности.

— Сколько времени вам нужно на ваш эксперимент?

— Надеюсь уложиться в месяц. Буду рад, если получится быстрее.

— А если за месяц вы не достигнете желаемого результата?

— Значит, я потерплю поражение, — улыбнулся я. — Практика показывает, что мозговой штурм не может быть эффективным, если длится дольше месяца. Люди устают, глаз замыливается.

— Иными словами, вы готовы к тому, что ваши усилия и финансовые затраты могут оказаться бесполезными? — уточнил юрист.

— Готов. Я уже в том возрасте, когда готов к любому повороту событий.

— В какие сроки вы предполагаете провести всю подготовительную работу?

— Было бы неплохо, если бы вы уложились в полгода... Это реально?

Юрист задумался, что-то прикинул, покачал головой.

— Если вы готовы платить, то вполне можно успеть. Над вашим проектом должна работать целая команда: юридическое оформление, выбор объекта, решение массы технических проблем с оборудованием, кастинг и отбор участников, подбор персонала... Если делать это малыми силами и последовательно, времени потребуется много. Если приступить к работе одновременно по всем фронтам, придется задействовать многих людей, и все они должны получать свою зарплату. Не говоря уже о том, что при решении вопросов на административном уровне...

— Да, — продолжил я, — мне известна практика вашей страны. Не могу сказать, что она мне нравится, но я не борец за преобразование мира. Я привык принимать все таким, каким оно является.

Юрист еще раз пробежал глазами свои записи.

— Господин Уайли, ваши пожелания по персоналу...

— С ними что-то не так? — нахмурился я.

— Нет-нет, мне все понятно, кроме одного: вы просите двух переводчиков-синхронистов. Зачем они вам? Вы прекрасно говорите по-русски.

Я рассмеялся:

— Друг мой, я всю жизнь занимался письменными переводами. Мой русский хорош в достаточной мере, не спорю, но он в значительной степени академичен, у меня нет навыка восприятия на слух современной разговорной речи с ее оборотами и идиомами, принятыми в бытовой среде. Мозговой штурм — это обсуждение, участники будут говорить быстро, одновременно, перебивая друг друга. Моего знания русского языка не хватит на то, чтобы услышать и адекватно воспринять все сказанное, а я ведь не могу позволить себе упустить важную мысль. Я стараюсь предусмотреть все возможные сложности. Хотя и понимаю, что это нереально. Пример моего предка Уайли и его друга Купера свидетельствует об этом весьма наглядно.

Юрист поднялся и потянулся к куртке, небрежно брошенной на соседнее кресло.

— Мне нужно два дня на первоначальную проработку и составление первого варианта плана, — сказал он. — Вас устраивает?

— Вполне.

Он застегнул молнию, поправил шарф и капюшон, аккуратно сложил в

портфельчик на длинном ремне свои вещи — блокнот, гаджеты, ручку. Уже сделав шаг в сторону выхода, внезапно обернулся и спросил:

— И все-таки, господин Уайли, почему? Почему все началось именно в тысяча восемьсот семидесятом? Что тогда произошло?

— За год до этого вышла книга Фрэнсиса Гальтона «Наследственный гений».

Юрист пару секунд стоял молча, потом кивнул и ушел. Я был совершенно уверен, что он никогда не слышал ни о Гальтоне, ни об этой книге и вряд ли что-то понял из моего ответа. Но ответ был честным. Именно так все и произошло.

* * *

Мой прапрадед Джонатан Уайли, по мнению его современников, был просто невыносим. Владелец огромного состояния, доставшегося ему в наследство, он ухитрился жениться по любви на дочери богатого торговца алмазами из Голландии, за которой дали приданое, вполне сопоставимое с размерами капиталов самого Уайли. Прапрабабка моя Эмилия страдала сильными и частыми приступами мигрени, Джонатан страдал вместе с ней, возил ее по самым известным докторам и лечебницам, но ни пиявки, ни кровопускание, ни горячие ванны не помогали. Помогали только опиаты. После рождения первого ребенка, моей прабабки Грейс, приступы на какое-то время прекратились, и супруги решили, что средство борьбы с неизлечимым недугом наконец найдено. Они так радовались наступившей в скором времени второй беременности Эмилии! Однако младенец умер, не дожив и до трех месяцев. Третья беременность прервалась задолго до срока родов, после чего приступы мигрени возобновились и стали еще более тяжелыми и длительными. Эмилия, истовая пуританка, считала своим единственным долгом быть хорошей женой и матерью и глубоко переживала, что не может из-за своей болезни выполнять возложенные на нее обязанности. Не смогла родить много детей, не уделяет мужу и дочери достаточно времени и внимания, ибо вынуждена при каждом приступе два-три дня не выходить из своей комнаты, где царил постоянный полумрак. В конце концов несчастная Эмилия впала в черную меланхолию, от которой единственным спасением стали все те же опиаты. Финал оказался ужасен, хотя и предсказуем: перемены в ее поведении сделались столь заметны окружающим, что Джонатан счел за благо услатить больную жену подальше, ведь нужно было думать о будущем Грейс, а кто захочет взять в свою семью

девушку, когда психическое здоровье ее матери вызывает сомнения? Эмилия вернулась в Голландию, к своим родителям, и там довольно скоро умерла. Джонатан подозревал, что смерть жены была добровольной, но тесть и теща всячески этот факт отрицали. Их можно было понять: самоубийство по религиозному канону считалось огромным грехом, кладущим несмываемое пятно позора на всю семью.

Итак, к сорока годам мой прапрадед Уайли остался вдовцом с малолетней дочерью на руках. Он очень любил свою жену, и вынужденная разлука с ней далась ему отнюдь не легко, а смерть Эмилии произвела огромные изменения в его душе и рассудке. Оставив десятилетнюю Грейс на попечение гувернанток, Джонатан отправился путешествовать. Вернулся он через пять лет, преобразившийся до неузнаваемости. Оказалось, что все эти годы он переезжал из одной европейской страны в другую в поисках врачей, которые умели бы лечить мигрень. Исцеление от болезни, сломившей дух его любимой жены, превратилось для Уайли в навязчивую идею. Он находил медиков, завязывал знакомство, подробно выспрашивал их мнение о причинах болезни и способах ее облегчения, и если слышал что-то новое — немедленно предлагал деньги для проведения необходимых исследований и экспериментов. Он готов был на все, начиная от спонсирования бедных студентов, если в их головах возникали интересные теории о мигрени, и заканчивая строительством специальных клиник для изучения и лечения недуга. Неизвестно, сколько еще лет Джонатан провел бы в странствиях, если бы в Лондоне, где он с огромным интересом ходил на лекции Фрэнсиса Гальтона, его не застало письмо младшей сестры, в котором она напоминала брату о том, что его единственной дочери Грейс исполнилось пятнадцать, и если отец хочет иметь возможность влиять на дальнейшую судьбу девушки, то ему пора бы вернуться, чтобы быть рядом с будущей невестой. Девушка стала необыкновенной красавицей, и, учитывая ее положение единственной наследницы огромного состояния, необходимо твердое и мудрое руководство отца, дабы уберечь девицу от возможных необдуманных шагов.

Из Европы Джонатан Уайли вернулся не один. Вместе с ним по трапу парохода спустился молодой человек, англичанин, по имени Роберт Купер — один из тех студентов, кому оказывалась финансовая помощь. Купер был увлечен проблемами неврологии, и в его голове роились бесчисленные идеи, одна другой оригинальнее. Кроме того, Роберт был не только убежденным атеистом, но и человеком, не понимающим слов «правило» и «обычай», а посему оказался одним из очень немногих, кто воспринимал

чудаковатого американца без критики, удивления или скепсиса. Между миллионером Уайли и талантливым начинающим ученым завязалась настоящая дружба. Уайли предложил Куперу ехать вместе с ним в Америку, где обещал предоставить самые широкие возможности для занятия наукой.

Появившись дома, Джонатан уделил некоторое время дочери, оценил ее расцветшую красоту и уровень подготовки, которой на протяжении пяти лет занимались три гувернантки, после чего отправился с визитом к сестре, жившей со своим семейством в другом городе.

— Ты правильно поступила, вызвав меня, — констатировал он.

Сестра тут же принялась перечислять знатные семейства, имеющие сыновей подходящего возраста и уже проявившие интерес к Грейс Уайли, но Джонатан перебил ее:

— Моя Грейс предназначена не для этого. Я поговорил с ней и теперь знаю, что ты постоянно пишешь ей письма, в которых обсуждаешь ее будущее замужество. Так вот: если ты позволишь себе еще хоть раз завести с моей дочерью подобный разговор, можешь считать, что у тебя нет старшего брата.

Сестра сперва удивилась, потом недоумевала, потом пыталась возражать, разговор продолжался уже на повышенных тонах и завершился ссорой, столь же бурной, сколь необратимой: отношения оказались разорванными навсегда.

В течение последующих нескольких месяцев жизнь дома Джонатана Уайли кардинально преобразилась. Из трех гувернанток уволили двух: ту, которая отвечала за обучение «правильной жизни в обществе», манерам, этикету, светской беседе и домоводству, и ту, в обязанности которой входили музыка, живопись и танцы. Третья гувернантка, эмигрантка из Швейцарии, обучавшая Грейс основам естественных наук и французскому, была оставлена для преподавания немецкого языка. На рояль надели чехол, мольберт и краски с кистями нашли прибежище в чулане, бальную залу переоборудовали в библиотеку-лабораторию с огромными столами, на которых громоздились чертежи: для проведения экспериментов и опытов Роберту Куперу требовался питомник, где он мог бы работать с животными. Уайли увлеченно занимался организацией условий для научной деятельности своего молодого друга, напрочь пренебрегая общепринятыми светскими правилами: не делал визитов по случаю возвращения после длительного отсутствия и не отдавал их, а тех, кто наносил визиты ему самому, не принимал; не принимал и приглашений на приемы, вечера и балы, при этом не утруждаясь написанием вежливых отказов; при случайных встречах со знакомыми даже не пытался делать

вид, что интересуется беседой, на вопросы отвечал скупой и равнодушно и всячески давал понять, что хотел бы поскорее закончить разговор... Даже недавнее создание Республиканской партии, конфликты Северных штатов с Конфедерацией, нерешенные проблемы заселения Западных земель — вопросы, без обсуждения которых не обходился в обществе ни один разговор между представителями сильного пола, — не интересовали Джонатана.

Вместо двух уволенных гувернанток для занятий с Грейс выписали двух преподавателей из Германии и Англии, на них возложили обязанность дать девушке хотя бы минимальные знания из области физиологии и медицины.

— Ты станешь звездой научного мира, — убежденно повторял Уайли своему другу Куперу, — а Грейс станет твоей правой рукой, помощником, ассистентом. Только не вздумай, что я позволю тебе жениться на ней.

При этих словах Роберт заливался краской и отводил глаза. Он был по уши влюблен в юную красавицу, и ни для кого это не было секретом. Грейс тоже посматривала на него с интересом, и все обитатели дома Уайли были уверены, что брак между молодыми людьми — всего лишь вопрос времени. В пятнадцать лет, конечно, рановато еще, а года через два уже можно и свадьбу сыграть. Правда, миллионеры своих дочек отдают обычно совсем в другие руки, и нищий начинающий ученый это совсем не та партия, на которую могла бы рассчитывать наследница капиталов Уайли, но мистер Джонатан стал таким странным после смерти жены, таким непредсказуемым, что от него вполне можно ожидать и такого...

Однако сам мистер Джонатан придерживался совершенно другого мнения. Его дочь — умница и красавица, она должна быть рядом с Купером и вместе с ним совершить прорыв в неврологии, найти средство, позволяющее полностью вылечить мигрень. Роберт вообще не должен жениться и заводить семью, он должен полностью посвятить себя науке и отдать все свои силы облегчению страданий больных. Семья будет только помехой, отвлекающей от главного. А для решения всяких интимных проблем существует масса разнообразных возможностей, начиная от хорошеньких вдовушек и заканчивая девицами из дорогих заведений. Этими возможностями и сам Уайли пользуется постоянно.

Что же касается дочери, то здесь все сложнее. Медики говорят, что женщина должна исполнить свое природное предназначение, иначе пострадает здоровье и испортится характер. Ну что ж, значит, Грейс нужно позволить выйти замуж и родить пару-тройку деток. Но при этом соблюсти неперемное условие: ее муж должен быть человеком мягкотелым,

бесхребетным, тихим, ни во что не вмешивающимся и умеющим быть счастливым от одного только факта, что он может жить, ни в чем себе не отказывая. Никаких амбиций, никаких устремлений, никакой патриархальной властности. Грейс будет заниматься научными исследованиями рука об руку с Купером, детьми займутся няньки и гувернантки, а муж будет сидеть тихо и не возмущаться тем, что жены целыми днями нет дома.

Была у Джонатана еще одна задумка, но он до поры до времени ни с кем ею не делился. Сперва он хотел закончить строительство питомника и увидеть, как Роберт и Грейс начнут вести исследования. Дочь радовала отца своим искренним интересом к наукам и заметными быстрыми успехами, но Уайли при всей своей эксцентричности все-таки допускал, что в значительной части этот интерес продиктован романтическими чувствами. «Это все глупости, — говорил он себе. — Первая юношеская влюбленность. Пройдет. Сейчас главное — дать девочке знания и пустить в научное плавание вместе с Купером, а когда она вкусит первый, пусть даже незрелый и кислый, плод успеха, она уже не сможет отказаться и будет делать так, как я велю. Она на все согласится, лишь бы почувствовать этот вкус еще раз. Успех сильнее любого наркотика. Морфий сломил дух Эмилии. Успех укрепит дух нашей дочери Грейс».

За два месяца до семнадцатого дня рождения Грейс в питомник завезли первую партию животных. К этому времени Грейс знала и умела вполне достаточно, чтобы ассистировать Куперу: она научилась пользоваться микроскопом и разбиралась в строении тканей, могла делать уколы и перевязки, чистить и зашивать раны и не падала в обморок при вскрытии, отлично усвоила систему кровообращения и назубок выучила строение скелета. Кроме того, девушка изучила историю медицины в той ее части, которая касалась лечения мигреней, и сделала вполне определенный вывод: никто так и не разобрался, почему возникает эта болезнь и как ее лечить. Зато она прочла множество сделанных врачами и пациентами описаний проявления мигрени и пришла в ужас от того, какие страдания приходится переносить тем, у кого заболевание протекает в тяжелых формах.

— Бедная мама, — сказала она Джонатану, — она мучилась невыносимо. Если то, что ты подозреваешь о ее кончине, правда, то я не удивляюсь. Нужно иметь огромную волю к жизни, чтобы это вытерпеть.

— Теперь ты понимаешь, насколько важно найти способ помочь таким больным? — спросил Уайли.

— Да, папа, понимаю. Я сделаю все, что смогу.

— И не будешь мне перечить?

— Не буду. Я поступлю так, как ты скажешь.

Джонатан остался весьма доволен разговором. Собственно, ничего иного он от своей девочки и не ждал: покорность воле родителя — хорошая традиция, правильная, и гувернантки отлично справились со своей работой, вырастив Грейс послушной, доверяющей мнению отца и одновременно развивая ее ум в самых разных направлениях. Тогда, семь лет назад, он принял правильное решение, хотя все окружение удивлялось и недоумевало, для чего одной девочке целых три гувернантки, если испокон века достаточно было всего одной.

Пришло время заняться поисками подходящего жениха. Джонатан Уайли отправился в адвокатскую контору «Берлингтон и сын», где уже много лет велись дела его семьи.

— Соберите мне сведения обо всех, кто носит фамилию «Уайли», — заявил он.

— Вы ищете родственников? — деловито спросил Берлингтон, дородный плешивый мужчина, годами чуть старше самого Уайли. — Возникли какие-то новые обстоятельства с наследованием? Вы хотите изменить завещание?

— Я ищу жениха для своей дочери. И хочу, чтобы он носил имя Уайли.

— Можно поинтересоваться, для чего это нужно?

— Для того, чтобы моя дочь и в замужестве оставалась Уайли.

— Но зачем?

— Я не обязан это объяснять, — сердито ответил Джонатан. — Считайте это моей прихотью. Моя дочь должна остаться Уайли — и точка! Если она в браке не возьмет фамилию мужа, это вызовет ненужные толки. Кроме того, это смертельно обидит ее мужа и его семью, а этого мне хотелось бы избежать.

— Бог мой, Джонатан, — расхохотался адвокат. — Да ваше поведение в последние два года и без того вызывает массу толков! Все вас обсуждают и никто не понимает. И на вас обижено все общество. С каких это пор вас стали беспокоить толки, сплетни и обиды?

— Меня это не беспокоит ровно до того момента, пока не касается моей дочери, — сухо произнес Уайли. — Так вы сделаете то, о чем я прошу?

— Разумеется, — вздохнул адвокат. — Ваша семья наш давний клиент, мой отец вел дела вашего отца. И я сделаю все, что в моих силах. Вас интересуют только жители нашего города?

— Мне все равно. Пусть эти Уайли живут где угодно, лишь бы у них оказался подходящий сын.

— А если он не захочет жениться на вашей дочери?

— Захочет. Он в любом случае будет жениться не на Грейс, а на моих деньгах. Я куплю ей мужа, главное — не ошибиться с покупкой и выбрать наименее противного.

Адвокат снял очки и прищурился, разглядывая своего клиента.

— Джонатан, весь город говорит о том, что вы собираетесь выдать свою дочь за Купера, которого вы привезли из Англии специально для этой цели. Разве это не так?

— Это не так и никогда не было так, — отрезал Уайли. — Купер вообще не собирается жениться. Ни на ком. Я этого не допущу. А Грейс нужно выдать замуж за какого-нибудь более или менее приличного Уайли.

— Приличного? — переспросил Берлингтон-младший. — Вы имеете в виду деньги? Состояние?

— Я имею в виду характер. У меня есть определенные требования.

— И все-таки я не понимаю, для чего вам это нужно. Какая разница, какую фамилию будет носить ваша замужняя дочь, если эта фамилия не опозорена преступлениями или грехами?

— Потому что я так хочу, — твердо и невозмутимо ответил мой прапрадед...

* * *

Вы имеете полное право не поверить мне и спросить, откуда мне известны все эти подробности? Ваши сомнения вполне понятны, ведь события, о которых я рассказываю, происходили больше полутора веков тому назад. Дело в том, что Джонатан Уайли в 1870 году составил свое подробное жизнеописание, запечатлев в нем не только весь жизненный путь, но и отдельные сцены, эпизоды. Вот эти-то эпизоды я вам и пересказываю. Покончив с жизнеописанием, он принялся вести дневник и вносил в него записи каждые два-три дня вплоть до самой кончины в 1877 году.

Я самым внимательным образом изучил обе рукописи, перечитал их неоднократно, что и позволило мне составить определенное мнение о характере Джонатана. Поэтому когда я говорил юристу, что предок мой был весьма эксцентричен, а порой и просто невыносим, эти утверждения не были голословными. Он запретил Куперу вступать в брак, угрожая

прекратить финансирование его исследований. Он выдал дочь замуж за человека, носящего фамилию «Уайли», бесхарактерного глуповатого мямлю, не способного ни к какой деятельности, кроме чисто биологического функционирования, но не способного в то же время и на подлость, воровство или предательство. Проще говоря, Фрэнк Уайли не был способен вообще ни на что, чем и приглянулся моему прапрадеду. Моя прабабка Грейс его не любила и не уважала, но с благодарностью терпела, ибо Фрэнк давал ей статус замужней дамы, что позволяло иметь детей, и ничем не мешал ее жизни, наполненной любовью к науке, к детям и к Роберту Куперу.

Шла война между Севером и Югом, когда Грейс в 1862 году родила Фрэнку первенца, сына. Второй ребенок, девочка, родился уже после окончания войны, в 1866 году, и отцом его был вовсе не Фрэнк. Джонатан прекрасно знал обо всем, более того, всячески содействовал тому, чтобы его дочь и его друг могли беспрепятственно любить друг друга. Он, познавший всю силу любви к женщине и всю бездонную горечь утраты, не без оснований считал, что сердечная привязанность способствует совместной работе, а вот общая семья этой самой работе может и помешать... Не берусь судить, прав он был или нет. Чудак, самодур, несносный человек — да, таким был мой прапрадед. Про таких иногда говорят: сумасшедший миллионер. Человек, вбивший себе в голову, что его имя должно остаться в науке на долгие века.

Спустя еще два года Грейс родила третьего ребенка, моего деда Фрэнка-младшего. На этот раз отцом снова был законный супруг. А еще через год, в 1869 году, появился труд Гальтона «Наследственный гений». И вот тут-то Джонатану в голову пришла его «великая идея», последствия которой я и расхлебываю спустя полтора века.

* * *

Юрист по имени Андрей и по фамилии Сорокопят, против всех моих ожиданий, объявился и впрямь через два дня с первым вариантом плана. Насколько мне известно, в России к соблюдению сроков относятся не слишком уважительно, посему я был приятно удивлен. План не вызвал у меня никаких возражений, да и какие могли быть возражения с моей стороны, если я совершенно не представлял, как устроены правовые и управленческие механизмы в России? Я не мог должным образом оценить ни набор включенных в план действий, ни их последовательность, ни

сроки. Мне оставалось только положиться на компетентность и добросовестность Андрея Сорокопята. Однако был пункт в этом плане, который привлек мое внимание: «Поиск людей, знавших семью Лагутиных».

— Вы полагаете, это возможно? — усомнился я, ткнув концом ручки в строку документа. — Меня интересует период сорокалетней давности. Я, конечно, мало что понимаю в современной российской жизни, но моего личного опыта достаточно, чтобы предположить: все данные о сотрудниках Лагутиных и их соседях по месту жительства находились на бумажных носителях и впоследствии, уже через четверть века, вряд ли переносились на электронные носители. Или я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь, — лукаво усмехнулся юрист. — Но можно потратить время на то, чтобы поискать эти сведения в архивах. А возможно, все окажется еще проще. Я, не согласовав с вами, позволил себе предпринять всего одну небольшую попытку, и она, как ни удивительно, дала результат. Я забил в поисковик фамилии, имена и отчества интересующих вас персонажей и среди кучи всякого мусора выловил упоминание о них в интервью, которое давал ветеран МВД в связи с какой-то юбилейной датой уголовного розыска.

Я ушам своим не поверил.

— Какое отношение Лагутины могли иметь к уголовному розыску?

— Абсолютно никакого. Исключительно личные отношения, но начинались они, конечно, с профессионального. Прочтите сами, я распечатал интервью целиком и выделил маркером то, что может вас заинтересовать.

Я оценил его деликатность: текст был распечатан крупным шрифтом. Что ж, юрист уважает мой преклонный возраст, спасибо ему. Мысль о поисках друзей, коллег и знакомых семьи Лагутиных, конечно же, приходила мне в голову, но по здравому размышлению я ее отбросил как неперспективную. Зинаида Лагутина родилась в 1924 году, ее муж — в 1921-м, их друзья и коллеги никак не могли быть значительно младше, стало быть, сейчас им всем за 90. Ну, в самом крайнем случае, за 80. Скорее всего, и в живых-то мало кто остался. На соседей по дому надежды тоже немного: если какие-то дети в те годы знали Лагутиных, то вряд ли понимали происходящее, а со взрослыми расчет у меня получился примерно таким же, как и с друзьями и сотрудниками. В общем-то за эту ниточку тянуть можно, но результат будет столь мизерным, что не оправдывает вложенных усилий.

Я принялся читать.

«**Корр.** Во времена Брежнева и Щелокова партийно-советская элита вмешивалась в работу по раскрытию и расследованию преступлений? И если вмешивалась, то в чем это проявлялось?

Н. Б. Вмешательство, разумеется, было, и шло оно на двух уровнях: общем и частном. На общем уровне существовал тезис о том, что по мере продвижения советского общества к коммунизму преступность будет неуклонно сокращаться, а когда коммунизм будет в скором времени построен, в нашем обществе не останется ни одного преступника. Кто первым выдумал такую глупость — сказать не берусь, но данный тезис требовалось постоянно подтверждать. Иными словами, в каждый отчетный период органы МВД должны были рапортовать о снижении уровня преступности и повышении раскрываемости. Не сможет руководитель конкретного органа подтвердить свой отчет красивыми цифрами — тут же получает по шапке от партийных и исполкомовских начальников. За неправильные показатели легко снимали с должности и переводили с понижением, объявляли выговоры. Так что всей милиции приходилось выкручиваться и манипулировать статистикой, чтобы в отчетах все выглядело как надо. Старались по возможности не регистрировать заявления граждан о преступлениях, а если уклониться от регистрации не удавалось, то искали варианты с квалификацией, чтобы признать содеянное менее тяжким, а в докладе потом заявить, что уровень тяжких преступлений заметно упал, остается в основном мелочовка. Или другой вариант: поступает сверху команда начать бороться с хищениями или взяточничеством. Понятно, что о таких преступлениях граждане сообщали милиции крайне редко, поскольку в этих случаях осведомлены только сами участники, которые заинтересованы в сокрытии своих деяний. Преступления такого рода нужно было выявлять самим работникам милиции, и уж тут, наоборот, чем шире размах, чем больше сумма, тем лучше. Есть о чем победно рапортовать! Крупного расхитителя поймали! А к концу отчетного периода, чтобы повысить показатели раскрываемости, начинали халтурить, быстро заканчивать предварительное расследование, чтобы выставить карточку на переданное в суд дело. Раз передано в суд, значит, раскрыто. А то, что в этом деле дыра на дыре и вина человека почти не доказана, значения уже не имело. Ведь как рассчитывали? Да пусть дело сляпано на живую нитку, суд разберется и отправит его на дополнительное расследование, тогда мы все и доделаем как нужно. Но возвращенное дело пойдет уже в отчетность следующего года. Одним словом, ложный тезис очень на нас всех давил, с нас требовали и за невыполнение строго наказывали. Но это, как я уже сказал, на общем уровне. А на частном все

было так же, как сейчас, никакой разницы, только если в те годы звонили из партийных и советских органов, то сегодня звонят или приносят конверты из других офисов. Кого надо — посадят, кого надо — отмажут. В этом смысле ничего не меняется.

Корр. А не было в вашей практике или практике ваших коллег случаев, когда партийные и советские органы, наоборот, помогли в раскрытии преступления и поимке преступника? Или они всегда только мешали?

Н.Б. В партийных и советских органах работали живые люди, и в этом качестве им, конечно же, приходилось сталкиваться с нами, сотрудниками уголовного розыска. Вот вы спросили сейчас — и я вспомнил ситуацию, когда на улице белым днем было совершено разбойное нападение на человека, имевшего при себе большую сумму денег, и нам нужно было проводить поквартирный обход двух домов, из окон которых просматривалось место преступления. Один из домов самый обычный, а второй заселен процентов на семьдесят руководителями разного уровня, в том числе партийными и исполкомовскими. Квартиры в этом доме просторные, с необычной для тех времен планировкой, и обставлены, сами понимаете, не той мебелью, какая у нас всех дома стояла. Мне тогда было лет тридцать или чуть меньше, жена, сынишка маленький, жилищные условия очень стесненные, а тут такие хоромы барские... Я в таких и не бывал никогда. В одну квартиру позвонил, в другую, нигде дальше порога не пускали, сразу заявляли, что ничего не видели, ничего не слышали — и до свидания. Разговаривают в буквальном смысле через губу. И вдруг в очередной квартире мне открывает дверь очень приятная дама, выслушивает мои вопросы и говорит: «Вы проходите, пожалуйста, раздевайтесь, у нас все дома, вот мы сейчас у всех и спросим. Мы как раз ужинать сели. Будете с нами?» А у меня списочек-то, составленный участковым, в руках, я же видел, к кому иду: в той квартире проживала семья Лагутиных, он — заведующим Московского горкома партии, она — из аппарата Мосгорисполкома, сын-студент и дочка-старшеклассница. Ну, думаю, напортачил участковый, с номером квартиры ошибся, не те это люди. На всякий случай спросил, оказалось — нет, не напортачил, и в самом деле Лагутины. Помнится, растерялся я в тот момент: с одной стороны, пригласили разделить трапезу, а я голоден ужасно, с самого утра на ногах и без обеда, с другой стороны — и неудобно, и время поджимает, ведь еще столько квартир обойти нужно! А с третьей стороны, если я откажусь от ужина и начну прямо сейчас задавать вопросы, то у людей еда остынет, хозяйка огорчится, а огорчать ее в ответ на проявленную

любезность как-то не хотелось. Ну, я и пожелал им приятного аппетита и сказал, что зайду через полчаса. Обошел еще три этажа, вернулся к Лагутиным. Они усадили меня пить чай. Сам-то Лагутин оказался мужиком строгим, хмурым, немногословным, видно было, что все семейство его побаивается, а вот жена легкая такая, веселая, разговорчивая, гостеприимная. Детей тоже позвали, все добросовестно стали вспоминать, что делали около четырех часов дня, день-то был субботний, все дома находились. И представьте — девочка вспомнила, что видела машину, на которой приехали и уехали преступники! И не просто вспомнила машину вообще, а очень подробно ее описала, и даже дала кое-какие приметы одного из нападавших. Очень наблюдательная была девчонка, все примечала, все запоминала. Бандитов этих мы дня через три отловили, все совпало — и описание машины, и приметы. Мы с ребятами из отдела тогда скинулись, купили торт, меня отправили делегатом к Лагутиным, чтобы поблагодарить. Вообще-то такого мы никогда не делали, но тут как-то нас всех, что называется, проняло: и семья на своих соседей не похожая, и девочка существенную помощь оказала... Вот с той поры и сложились у меня с семьей Лагутиных приятельские отношения, не очень близкие, но добрые и теплые. Так что партийные и советские работники бывали разными, не нужно всех одной краской мазать».

Орготдел горкома партии, аппарат Мосгорисполкома... Да, никаких сомнений, это те самые Лагутины, родственнички мои дальние. Надо же, нашелся человек, которому Зинаида Лагутина показалась приятной дамой, любезной, легкой и веселой. А вот мне она совсем не понравилась. Не было в ней ничего приятного, легкого и веселого. Любезность была, этого не отнять, но любезность какая-то вымученная, наигранная. Хмурого и строгого мужа ее мне увидеть не довелось, он умер задолго до того, как его семья уехала из России. А та женщина лет тридцати пяти с сыном-подростком, стало быть, как раз и была в прошлом наблюдательной и приметливой девочкой-старшеклассницей.

— Кто такой этот ветеран Эн Бэ? — спросил я.

Андрей вытащил еще один листочек с распечаткой.

— Назар Захарович Бычков, полковник полиции в отставке, тридцать пять лет прослужил в уголовном розыске, после чего перешел на преподавательскую работу. Теперь уже на пенсии. Есть адрес и телефон, если нужно.

— Думаете, он готов со мной встретиться? — без всякой надежды произнес я.

Если бы мне позвонили и попросили уделить время какому-то

неизвестному иностранцу, интересующемуся людьми, которых я знал в незапамятные времена, я бы совершенно точно отказался. Не так много дней и лет осталось мне провести на этой земле, чтобы бездумно растрачивать отпущенное время на то, что мне не интересно.

— А почему нет? Вы ничем не рискуете. Если хотите, я сам позвоню ему и попробую договориться о вашей встрече.

— Попробуйте, — согласился я, ни на что, впрочем, особо не рассчитывая.

Андрей тут же взялся за телефон, и уже минут через десять место и время встречи с полковником в отставке Бычковым было определено: сегодня вечером, в 19 часов, здесь же, в холле отеля в центре Москвы.

— Я вам буду нужен? — спросил Сорокопят.

— Спасибо, не имеет смысла тратить ваше время на выслушивание того, что вам и без того известно. Мне ведь придется излагать господину Бычкову все с самого начала, иначе он меня не поймет. Так что мы уж с ним вдвоем побеседуем, по-стариковски. Кстати, сколько ему лет?

— Назар Захарович примерно ваш ровесник, за семьдесят. Но судя по манере речи, он весьма и весьма бодр и находится в прекрасной форме.

Мы еще какое-то время поработали над планом, после чего отправились вместе обедать в ресторан, расположенный через дорогу от отеля.

* * *

Очередь к кассе перестала двигаться: у расплачивающейся покупательницы возникли какие-то проблемы с банковской картой. Касс в супермаркете было всего три, и две из них закрыты. Дуня не злилась, она понимала: каждую осень, ближе к зиме, в городе начинается эпидемия очередного вида вирусной инфекции, все поголовно болеют, и всюду возникают проблемы с нехваткой персонала, и в банках, и в магазинах, и в поликлиниках. Да и время сейчас не горячее, первая половина дня, покупателей мало, очередей обычно не бывает. Вот только сегодня что-то застопорилось... Она присмотрелась к сидящей на кассе молоденькой девушке и сразу поняла: новенькая, совсем неопытная, потому и работает медленно, очередь собрала. Постоянных кассиров в этом магазине Дуня давно запомнила в лицо, она часто покупала здесь продукты: и от дома совсем близко, и выбор неплохой. Девушка вздохнула и принялась терпеливо ждать, рассеянно разглядывая выставленные на стойке яркие

пачки жевательных резинок и разных фруктовых драже.

В кармане куртки запереливался простенькой мелодией телефон, и в эту же секунду какая-то женщина с маленьким громко плачущим ребенком стала пробираться сквозь очередь. Ребенок размахивал руками, задевая пластиковые корзинки, женщина сердито одергивала малыша, Дуня сделала шаг в сторону и вытащила телефон, забыв посмотреть, кто звонит.

— Привет, — слышался такой знакомый, бархатный уверенный голос с неизменными снисходительными нотками. — Что подельываешь?

— Стою в очереди в магазине, — автоматически ответила она.

— Что покупаешь?

— Продукты. — Дуня зло усмехнулась. — Что еще я могу покупать? Не шубу же.

И тут же раскаялась в своих словах. Ну зачем, зачем она вступает в какие-то обсуждения? Ведь собиралась же... Давала себе слово... Пыталась взять себя в руки... И ничего не получается.

— Продукты? — чуть удивленно протянул бархатный голос. — Ты хочешь сказать, что учишься готовить? Или уже научилась?

Она промолчала. Готовила Дуня хорошо, ее еще бабушка учила, та самая, которая в молодости любила фильм «Евдокия» и настояла, чтобы внучке дали такое старомодное имя, из-за которого Дуне все школьные годы приходилось отвечать на дурацкие насмешливые вопросы. Родители хвалили ее стряпню, и Ромке тоже всегда нравилось то, что она готовила. И Ромкиным друзьям тоже нравилось.

— Ладно, — все так же снисходительно продолжал голос, доносящийся из мобильного, — уговорила, я готов попробовать, чему ты там научилась. Давай-ка купи хорошей рыбки благородных сортов, красной и белой, морепродукты какие-нибудь и сделай мне буйабес. Проверю, насколько ты продвинулась. Раньше, помнится, я твои произведения есть не мог.

— И ты хочешь дать мне еще один шанс, как говорят в американских фильмах?

Это прозвучало одновременно язвительно и устало, и девушка расстроилась еще больше. Ведь обещала же себе разговаривать с ним спокойно, равнодушно и по возможности кратко. Обещала-обещала — и вот результат...

— О! — обрадовался собеседник. — Ты стала разбираться в американском кино? Ты прогрессируешь, Евдокия! Наша временная разлука пошла тебе явно на пользу. У тебя появился шанс стать для меня интересным собеседником. Ты теперь сможешь без раздумий ответить на

вопрос, сколько фильмов снял Вуди Аллен. Так сколько же?

Дуня молчала. Дама с проблемной картой наконец расплатилась, очередь сдвинулась. Она не знала, сколько фильмов снял Аллен, и вообще этот режиссер ей не нравился.

— Молчишь? Не знаешь? Ну хорошо, задам вопрос попроще: почему «Китайский квартал» считается вехой в американском кинематографе? Что такого нового и необычного в этом фильме? Тоже не знаешь? Ты его хотя бы смотрела?

Очередь сдвинулась еще на шаг, теперь перед Дуней оставалось только три покупателя. «Молчи, — твердила себе девушка, — молчи, не отвечай, не ввязывайся в разговор. А еще лучше — не слушай». Это было трудно. Она терпела из последних сил.

— Так вот, моя дорогая, — голос в телефоне стал твердым и строгим, — заруби себе на носу: никогда не пытайся делать вид, что разбираешься в чем-то, о чем не имеешь ни малейшего представления. Ты выглядишь глупо. Иди покупай рыбу, я вечером приеду и посмотрю, на что ты вообще способна...

Она не выдержала. Терпение закончилось, Дуня нажала красную кнопку «отбой», сунула телефон в карман и застегнула молнию. Спустя несколько секунд звонок раздался снова. Она терпела.

— Девушка, у вас телефон надрывается, — заметил стоящий за ней паренек азиатской внешности в грязноватой рабочей одежде.

— Спасибо, — процедила она сквозь стиснутые зубы.

Снова достала телефон, сбросила вызов и выключила звук. Еще шаг к кассе. Скорей бы все это закончилось! Она придет домой и займется обычными хозяйственными делами. Выключить телефон нельзя — родители испугаются, если абонент окажется недоступен, они видят, какая Дуня мрачная и расстроенная в последнее время, переживают за нее и боятся, как бы она глупостей не наделала. И с работы тоже могут позвонить, нужно быть на связи. На сегодня ей дали отгул, чтобы мальчик-практикант попробовал поработать самостоятельно, но предупредили, что, если возникнут трудности и что-то срочное и ответственное, ее вызовут. Раньше Дуня работала в ломбарде, и ничего особо ответственного там не было, главное — отличить натуральные камни от искусственных, а теперь ее, специалиста-геммолога, взяли в солидную фирму, торгующую ювелирными изделиями, и здесь ответственность уже совсем другая, да и объем работы намного больше. Но дома есть возможность отвлечься на привычные бытовые заботы: приготовить еду, сделать уборку, белья неглаженого целая стопка накопилась. В конце концов, можно кино какое-

нибудь посмотреть, книгу почитать.

Лежащий в кармане телефон вздрогнул: звук выключен, а вибрация осталась. Пришло какое-то сообщение. «Не смотри, — Дуня на мгновение крепко зажмурилась. — Не читай. Нет, ну как не читать? А вдруг это с работы? Или от мамы? Или еще что-то важное? Не обманывай себя, это не с работы и не от мамы, и ничего важного. Не смотри. Ну хорошо, посмотришь потом, когда выйдешь из магазина. Не читать ты не можешь, но хотя бы подождать три минуты ты в состоянии? Даже если тебя разыскивают с работы — три минуты ничего не решают».

Наконец она расплатилась и вышла на улицу. Телефон в кармане все жужжал и подергивался: настойчивые звонки чередовались с сообщениями. «Еще немножко, — уговаривала себя Дуня, направляясь к перекрестку, — вот перейду через дорогу — тогда и посмотрю». На светофоре сменялись красные цифры: 86... 85... 84... Как долго еще ждать зеленого сигнала... Вон там, на полпути к ее дому, есть скамейка, можно поставить на нее пакеты, вынуть телефон и посмотреть... Ну почему, почему она такая слабая! Почему она так нервничает, почему не может не отвечать на звонки! Что с ней не так?

Зеленый светофор на этом перекрестке был совсем коротким, всего 12 секунд, нужно идти быстро. Времени смотреть под ноги и тщательно выбирать, куда ступить, не было. Зато лужи, огромные и глубокие, были. Ноги ушли в воду по щиколотку, но Дуня этого даже не заметила, стараясь побыстрее добежать до скамейки, освободить руки от магазинных пакетов, достать телефон и... И — что? Получить очередную оплеуху? Она сошла с ума? Что с ней не так?

Дисплей на телефоне показывал 8 непринятых вызовов от абонента «Денис» и несколько сообщений от него же. «Не читай», — приказала себе Дуня и тут же открыла их.

«Не смей отключаться посреди разговора».

«Не смей сбрасывать мои звонки!»

«Немедленно ответь!»

«Ты меня слышишь? Ответь на звонок!!!»

Она заплакала. И вдруг увидела себя со стороны: серый дождливый грязный день, серая грязная улица, мокрая грязная скамейка, девушка в серо-черной куртке, с заплаканным мокрым лицом и грязной душой... Неужели так теперь будет всегда? Она, Дуня, теперь всегда будет чувствовать себя грязной и виноватой. Как она могла такое сотворить? Что с ней случилось? Морок какой-то... Ведь все было ярко, светло и радостно, было же, было! Зачем она полезла в этот беспросветный мрак? Ну да, она

не знала, не предполагала, что отношения с Денисом окажутся мраком, они казались сперва блеском, вихрем, праздником. Денис так много знал, был таким умным, таким сильным, таким сложным, загадочным, непредсказуемым, и рядом с ним искренний и открытый Ромка почему-то померк и стал выглядеть каким-то... пресным, что ли. Она не обманывала Ромку ни одного дня, сразу обо всем ему сказала, собрала вещи и ушла из той квартиры, которую он снимал и в которой они почти полтора года прожили вместе. Ромку она не обманула, а вот себя... Безумная всепоглощающая любовь, в которую Дуня погрузилась, как в омут, через несколько месяцев оказалась даже не влюбленностью и не увлечением, а невесть чем. Чем дальше — тем больше девушка ощущала, что ею манипулируют, ее унижают, изо дня в день углубляя в ней чувство собственной неполноценности, глупости, неумелости. Она — никчемная и бездарная, и ей страшно повезло, что такой замечательный умный и талантливый Денис хорошо относится к ней, терпит ее рядом с собой и, так уж и быть, даже любит. Иногда.

В какой-то момент Дуня смогла найти в себе силы посмотреть на ситуацию трезво и вернуться в родительский дом. С Денисом она простилась, а вот он с ней — нет. Он не отпускал. Звонил постоянно. Ежедневно ловил ее в соцсетях и писал сообщения. Иногда приходил к ней на работу, приносил цветы. Он не извинялся и не просил вернуться, общий тезис его посланий, как письменных, так и устных, всегда был одинаков: Евдокия просто валяет дурака, она совершила глупый поступок, уйдя от него, но он снисходительно относится к этой глупости и уверен, что она одумается, а он, мудрый философ, готов ее простить, если она покается и признает, что была неправа, и милостиво позволит ей вернуться. Дуня не понимала, что происходит и почему это происходит, она знала только одно: возвращаться к Денису она не хочет и не будет, но почему-то у нее не хватало внутренних сил на то, чтобы не читать его сообщения и не отвечать на его звонки. Разумеется, она сначала делала все, что обычно делают в таких случаях: заблокировала номер телефона Дениса, чтобы он не мог ей дозвониться, «забанила» его в соцсетях, исключив из числа «френдов», и тут же закрыла свои страницы, сделав их доступными только для тех, кто остался «в друзьях». Сделала — и уже через пять минут вернула все в прежнее состояние. Ей стало стыдно. Выходило, что она прячется от человека, который не сделал ей ничего плохого, не бил, не предавал. Уйти было ее решением, и с какой стати она собралась вести себя так, словно за что-то наказывает Дениса? Разве он виноват в том, что она больше не хочет быть с ним? Или все-таки хочет и теперь ждет, что он осознает свои

ошибки и изменится?

Дуня не могла разобраться в себе, не могла понять, что с ней происходит. Она ничего не понимала. И вот теперь стояла посреди улицы возле скамейки с телефоном в руках и тихо плакала под холодным ноябрьским дождем. Аппарат в ее руке снова завибрировал: звонок от Дениса. Она всхлипнула, сбросила вызов и привычно полезла в список «недавних соединений», пролистала до конца, ища номер, и с болью осознала, что этого абонента там нет. Она так давно не звонила Ромке... И он ей тоже не звонил. Даже притом, что она регулярно чистила список, удаляя из него ненужные, случайные или повторяющиеся номера, и самый давний из звонков был датирован сентябрем прошлого года, Ромкиного телефона там не было, последний их разговор состоялся еще раньше, и количество сохраненных «недавних» вытеснило Дзюбу. Теперь его номер переместился в общий список контактов.

Руки дрожали, капли дождя падали на дисплей, от слез буквы расплывались. Что она делает? Зачем звонит Роману? Что собирается ему сказать? Наверняка он уже давно с другой девушкой, может, даже женился. Да какая разница, женился он или нет! Она должна только попросить прощения. Больше ничего. Она должна сказать ему, что ей стыдно. Потому что сказать очень хочется, просто нестерпимо, стыд жжет ее изнутри и отравляет, и получается, что никому она в своем стыде признаться не может. Никому. Кроме Ромки.

Номер не отвечал. Дуня позвонила еще раз, но результат оказался тем же. Внезапно ее парализовала страшная мысль: а вдруг с ним что-то случилось? Ранен? Погиб? Он же оперативник, случиться может все, что угодно. Третья попытка. Длинные гудки и никакого ответа.

Слезы мгновенно высохли. Дуня нашла номер Антона, Ромкиного друга и коллеги, и позвонила ему.

— Дуняша? — удивленно проговорил Антон. — Что-то случилось?

Дуня понимала, что звонит сотруднику уголовного розыска в рабочее время, и это означало, что разговаривать нужно коротко, быстро и только по делу.

— Не могу до Ромки дозвониться. С ним все в порядке?

— А... ты...

Паузы выдавали одновременно удивление и неуверенность Антона. Ну, понятно, он же в курсе, что Роман и Дуня давно расстались и не общаются.

— Так с ним все в порядке? — настойчиво повторила девушка. — Он здоров? Работает?

— Да все с ним нормально, — рассмеялся Антон с облегчением. —

Спит он. Ночью прилетел из командировки, утром отчитался перед руководством и был отпущен на двое суток отсыпаться. Отгулы за длительную работу без выходных. Так что не беспокойся.

Дуня с облегчением перевела дыхание и почувствовала, что ноги у нее ослабели. Пришлось сесть прямо на мокрую скамейку. Куртка на ней не длинная, ткань джинсов сразу начала промокать, но Дуня не обращала на это никакого внимания. Ромка спит. Наверное, выключил звук или вообще оставил телефон где-нибудь в прихожей или на кухне. Интересно, он живет все в той же квартире, которую снимал? Или тоже вернулся к родителям? Или переехал в другое место? К другой женщине?

Ромка... Ромчик... Добрый и умный, сильный и честный... Отдыхай, мой хороший.

Она быстро набрала текст сообщения: «Прости меня, мне очень стыдно за то, что я сделала. Я скучаю по тебе. Если не хочешь — не отвечай. Мне очень важно было сказать тебе это». Перечитала несколько раз. Исправила две опечатки, заметив, что поставила точки вместо запятых. Перечитала еще раз.

И отправила.

* * *

В оговоренное время я снова сидел в баре отеля, поджидая ветерана МВД и полковника в отставке Бычкова. Пришел я чуть раньше, чтобы, сидя у большого прямоугольного окна, понаблюдать за улицей и за людьми: это всегда успокаивало меня и позволяло привести мысли в порядок. Образ жизни, который я веду с молодости, приучил меня не радоваться новым знакомствам и не искать их. Как правило, ничего хорошего я от людей не ждал, ни на какие позитивные эмоции не надеялся и относился к общению с теми, кто выходил за пределы моего ближнего круга, как к неприятной, но неизбежной необходимости. Уж не знаю, то ли в этом повинна моя чудаковатость, доставшаяся в наследство, то ли особенности моего здоровья, которые, впрочем, тоже в изрядной своей части обусловлены законами наследственности...

Мне не повезло. Мало того, что я получил тот ген, который несет ответственность за приступы мигрени, так еще и сами приступы протекали так тяжело, что я постоянно вспоминал свою прапрабабку Эмилию: если она страдала хотя бы даже в половину меньше, чем я, то можно простить ее увлечение опиатами. А уж если ее приступы были такими же, как мои... В

рукописях Джонатана Уайли внешние проявления приступов мигрени у Эмилии описывались довольно подробно, и на бумаге выглядело это поистине устрашающе. Сначала у Эмилии начинались проблемы со зрением, потом она становилась какой-то растерянной, забывала слова и не могла вспомнить, как зовут горничную или как называется то горячее, что наливают в чашки и пьют. Быстро нарастала нестерпимая головная боль, любые запахи и звуки становились непереносимыми, возникала рвота, к рвоте присоединялся понос. Эмилия уходила в свою комнату и ложилась в постель. Появлялась она обычно на третий день, бледная, осунувшаяся, покачивающаяся от слабости и головокружения. Сама Эмилия говорила своему мужу, что в эти периоды ей «невыносимо плохо и жить не хочется», но Джонатан мог лишь наблюдать картину извне, не понимая, что и как на самом деле чувствует его любимая супруга.

Зато я понимал очень хорошо. И прочувствовал всю прелесть тяжелой мигрени на собственной шкуре. Первый приступ случился, когда мне было 8 лет. Я был на детском празднике, откуда меня привезли домой с сильной головной болью. Рвота и понос заставили моих родителей подумать, что я банально отравился, а головную боль списали на интоксикацию. В следующий раз все повторилось через полгода, но и тогда ни моим родителям, ни мне самому не пришло в голову, что вся эта ерунда может превратиться в огромную проблему. Я учился в школе, и по мере усложнения предметов и заданий уроки требовали все большего умственного напряжения. Приступы сделались чаще, примерно каждые два-три месяца, и тут уж пришлось обратиться в клинику, где нам объяснили, что мы имеем дело, вероятнее всего, с мигренью. Но и утешили: как правило, с окончанием пубертатного периода, когда гормональный статус становится устойчивым, приступы делаются реже, протекают легче, а зачастую и вовсе прекращаются навсегда. Мы поверили и обрели надежду: всего несколько лет нужно потерпеть, зато потом этих мучений больше не будет. Ведь доктор сказал: как правило. То есть в среднем. То есть чаще всего.

И снова мне не повезло: я не вписался в правило. Годы шли, мне уже исполнилось 16, потом 17, 18, а приступы, настигавшие меня с регулярностью раз в четыре-пять недель, становились только тяжелее. Первым предвестником было посверкивание на периферии зрения, приступ развивался быстро, и до первого позыва к рвоте у меня было минут 20–30, за которые мне следовало убраться как можно дальше из публичного места, с глаз одноклассников или приятелей. Однажды случилось так, что вовремя скрыться мне не удалось: предвестник настиг меня в разгар вечеринки, во

время танца с девчонкой, которая мне ужасно нравилась и которая уже дала мне понять, что в моей машине после вечеринки нам будет чем заняться. В глазах сверкало, я понимал, к чему дело идет, но уйти просто так, без всяких объяснений, не мог. Ни хозяин вечеринки, ни моя пассия меня не поняли бы и не простили. Я попытался проблеять хоть что-нибудь в собственное оправдание, но с ужасом понял, что несу какую-то ахинею и путаю слова... Удрать красиво мне не удалось, меня рвало прямо посреди комнаты, заполненной нарядно одетыми девочками и изрядно подвыпившими парнями. Не буду живописать всю картину насмешек и издевательств, которым я подвергся, пусть ваше воображение само дополнит недостающие детали. Могу только сказать, что главной темой сказанного были утверждения, что я обос...лся от страха перед первым сексом с девчонкой и что я слабак и меня рвет от одного бокала пива. Это было самое приличное из услышанного, все прочее оказалось намного хуже.

Я вырос таким же, как все. Среднестатистическим во всем, кроме мигрени. Это означало, что никаких выводов я в тот момент для себя не сделал, продолжая жить так же, как прежде, и полагая единственной своей заботой умение вовремя заметить ауру и спрятаться дома. Как и большинство тинейджеров, я стеснялся своей болезни и не хотел ее афишировать, поэтому наготове у меня всегда были приличествующие случаи отговорки, объясняющие внезапно возникшую необходимость уйти домой. Собственно, я и болезнью-то свою мигрень не считал: в перерывах между приступами я был абсолютно здоров, занимался спортом, хорошо учился, а врачи с самого начала объяснили нам, что мигрень не опасна для жизни, от нее не умирают. Должно было пройти еще немало времени, прежде чем в мою легкомысленную голову впервые закралось опасение, что приступ может настичь меня в самый неподходящий момент. Например, на вечеринке. Или когда я буду с девушкой. И не лучше ли заранее отказаться от участия в мероприятии и ничего не планировать?

Поразмыслив, я пришел к выводу, что на вечеринку или еще куда-то можно спокойно идти, если приступ был недавно. «Отмучился — и две недели гарантированно свободен», — сказал я себе. С девушками все оказалось сложнее, ведь невозможно учитывать мигрень, назначая свидание... И отказаться от свидания так же невозможно, как заявить: «Конечно, ты мне очень нравишься, и я с удовольствием проведу с тобой время, только нужно недельку подождать, у меня скоро должен случиться приступ мигрени, я его переживу, а потом мы сможем встречаться беспрепятственно целых две недели, а то и две с половиной...» Ну можно

ли представить подобное, когда тебе 17 лет?

Я сильно рисковал. Какое-то время судьба и болезнь берегли и щадили меня, и хотя интервалы между приступами перестали быть предсказуемыми, то увеличиваясь до двух-трех месяцев, то сокращаясь до недели и полностью лишая меня возможности планировать что бы то ни было, я ни разу не «попался» и не осрамился ни перед своей очередной дамой сердца, ни перед преподавателями колледжа, а затем и университета. Да и приступы стали сами по себе не такими мучительными и долгими с того момента, как я принялся интенсивно заниматься собственной личной жизнью. Все чаще обходилось без «позорных» явлений в виде рвоты и поноса, а головную боль, даже и очень сильную, я научился терпеть и скрывать, потихоньку принимая обезболивающие таблетки. Таблетки, правда, почти не помогали, ну если только совсем чуть-чуть. И еще я заметил, что приступы случались после каждого посещения кинотеатра: яркие краски, громкие звуки и большое скопление людей оказывались для меня провоцирующими факторами. Так что большой кинематограф пришлось для себя закрыть и довольствоваться подробными пересказами фильмов из уст тех, кто их посмотрел.

Одним словом, когда мне исполнилось 24 года и я, недавний выпускник университета, нашел после долгих поисков свою первую работу — перевод с французского таможенной декларации на декорации и оборудование, которые вез через океан приглашенный на гастроли по США парижский театр, я несколько расслабился и начал подумывать о серьезных отношениях с перспективой создания семьи. Надо сказать, родители мои устремления поддерживали лишь частично. Намерение жениться их вполне устраивало, хотя они и полагали, что мне об этом думать еще рановато. Намерение же посвятить всю жизнь работе с иностранными языками им не нравилось: семья наша была более чем состоятельной, и отец полагал, что я непременно войду в его бизнес, а изучение языков — это так, баловство, которое, конечно же, окажется весьма полезным при переговорах с иностранными партнерами. Я хитрил и выкручивался, уверяя отца, что он сам еще достаточно молод и будет прекрасно руководить своим бизнесом как минимум лет пятнадцать-двадцать, а то и дольше, я же за это время поднаторю в языках, в деловой лексике и переписке и потихоньку освою основы экономики, а когда придет время — займу его кресло. На самом деле я не испытывал ни малейшего интереса к «делу» и не чувствовал у себя никаких способностей к занятию бизнесом, более того, был уверен, что под моим руководством все развалится в мгновение ока, бизнес отца, принятый им от деда, прогорит, и я стану банкротом. Я пытался

переключить внимание родителей на мою младшую сестренку и вселить в них надежду на то, что уж она-то наверняка выйдет замуж за парня с крепкой деловой хваткой, которому можно будет со спокойной душой передать дело...

Всё случилось неожиданно. Пожар в кинотеатре во время премьеры нового фильма, на которую собралась вся городская элита, унес жизни 38 человек, среди которых оказались и мои родители, и сестра. Меня по понятным причинам с ними не было, я оставался дома.

Спустя год мы закончили решать все юридические вопросы. Из наследника хорошо поставленного бизнеса я превратился в вольного переводчика с весьма солидным банковским счетом. Шок от одновременной потери близких был настолько сильным, что я не сразу сообразил: приступы мигрени снова стали тяжелыми, даже более тяжелыми, чем прежде. На душе было так темно, что на физические страдания я в тот период внимания не обратил. Опомнился только спустя какое-то время, когда собрался сделать предложение прелестной молодой женщине, с которой встречался уже несколько месяцев. В течение этих месяцев мигрень отчего-то не настигла меня ни разу, я был влюблен, окрылен и совсем забыл об опасности. Предложение-то я сделал, и оно было принято с благосклонной и ласковой улыбкой. Мы решили устроить вечеринку и объявить о помолвке. Избранница моя жила с очень строгими родителями, посему наша близость хоть и имела место, но была лишь эпизодической и весьма краткой и неполной: секс в машине казался ей грязным и унижительным, а оставаться на ночь у меня дома она считала неприличным. Родители ее смягчились, узнав, что готовится помолвка, и разрешили любимой единственной дочери провести в моем (и нашем будущем) доме два дня: нужно было позаботиться об угощении для компании человек на тридцать, да и дом с лужайкой хотелось украсить и принарядить. Так и получилось, что первая полноценная наша ночь должна была состояться накануне торжественного мероприятия, такого важного для любой девушки из традиционной американской семьи.

Должна была.

Но не состоялась. Вернее, она началась, как положено, но, когда наступил ответственный момент, я уловил предательское сверканье сначала слева, потом справа. Поле зрения сузилось, перед глазами замелькало нечто похожее на серую тряпку. «Ничего, — малодушно утешал я себя, — может быть, все обойдется только головной болью, и мне удастся ее скрыть и не опозориться перед невестой».

Надеялся я напрасно. Все обернулось просто ужасно и закончилось

скандалом. Мало того, что я не смог выполнить супружеский, вернее, в данном случае — жениховский долг, мало того, что я вынужден был оставить свою невесту одну в спальне и провести остаток ночи в бывшей комнате сестры, мало того, что я, скрывая мучительную боль и слабость, попытался с утра выйти и помочь на кухне, но через минуту, оглушенный видом и запахами продуктов, помчался в туалет и после этого снова закрылся в комнате с задернутыми шторами и затворенными ставнями... Мало всего этого. Самое страшное в данной ситуации оказалось в том, что я не смог принять участия в вечеринке. Не вышел к гостям. Не улыбался, обнимая свою суженую за талию и принимая поздравления, не пил шампанское, не надевал на девичий палец кольцо и никак и ничем не подтвердил своего наличия в жизни вообще и в жизни девушки в частности. А ведь это был ее праздник! Потому что почти все, за небольшими исключениями, приглашенные были ее друзьями, а не моими. Моих друзей было только двое, и оба знали и об особенностях моей мигрени, и о моем категорическом нежелании ее афишировать. Но я не смог выйти к гостям: даже доносившихся с первого этажа и с лужайки приглушенных звуков музыки и голосов было достаточно, чтобы наряду с пульсирующей болью, наполнившей половину черепа раскаленным чугуном, в висках ломило и стучало так, словно мозг сверлили дрелью. Я лежал, накрыв голову подушкой, и тихо стонал, пытаюсь справиться с тошнотой.

Праздник был испорчен, помолвка не состоялась, гости в недоумении разошлись, предприняв довольно вялую попытку сделать вид, что ничего особенного не произошло, и повеселиться. Резкий неприятный (впрочем, в подобные моменты никакие звуки не казались мне приятными) женский голос визгливо хохотал на крыльце, и я улавливал отдельные фразы, дескать, даже смешно обсуждать... какая уж такая головная боль может помешать помолвке... у всех людей голова болит, но никто не заморачивается... наверняка жених в последний момент испугался и решил таким вот примитивным способом увильнуть от выполнения обещания... а может быть, и жениха-то никакого не было вовсе...

Проводив последнего гостя, моя невеста поднялась ко мне в комнату, зажгла свет, вырвала из моих рук подушку и, сверкая глазами, высказала все, что думала. О том, что я ее опозорил и выставил на посмешище. О том, какой я негодяй. О том, что ни видеть меня, ни слышать она более не желает. Коробочка с кольцом, которое я, по первоначальному замыслу, должен был надеть ей на палец у всех на глазах, была в ярости брошена на пол. Хлопнула дверь. Послышался звук двигателя: подъехало такси.

Уехало.

Таким образом, моя первая попытка завести семью бесславно провалилась.

Следующий этап своей личной жизни я начал уже более осознанно, встретив умную серьезную девушку, скрипачку из симфонического оркестра. Первого свидания, во время которого мы ходили в театр, потом ужинали в ресторане, оказалось для меня достаточно, чтобы понять, что мне будет с ней хорошо. Времена были уже далеко не пуританскими, и девушка явно готова была в тот же вечер принять приглашение на чашку кофе у меня дома, но я решил сперва поговорить. Стараясь быть максимально честным и объективным, я поведал ей о своей мигрени и предупредил о возможных неприятных моментах, связанных с отменой назначенных встреч и невыполненными обещаниями.

— Давай попробуем, — предложила она. — Ты славный, и ты мне нравишься. Не могу пока представить, как буду реагировать, если случится то, о чем ты предупреждаешь, но уверена, что мы справимся.

Эти слова меня воодушевили. И как оказалось — напрасно. К отмененным свиданиям моя музыкальная девушка относилась без раздражения: у нее была масса увлечений и много друзей, и невозможность провести время в моем обществе отнюдь не делала ее жизнь неполноценной. В такой благодати прошло года полтора, и я уже совсем было решил, что пришла пора делать предложение...

Оркестр возвращался из гастрольного турне, моя скрипачка позвонила из Филадельфии, сказала, что заболела, у нее высокая температура и ей очень плохо, и попросила непременно встретить ее в аэропорту, чтобы отвезти домой, потом купить все лекарства и побыть с ней несколько дней, пока она придет в себя. Разумеется, я пообещал. И — как назло...

Нет, на этот раз никакого скандала не было. Когда я приехал к девушке через три дня, бледный и осунувшийся, на дрожащих от слабости ногах, она, тоже слабая и тоже бледная и осунувшаяся, попросила подругу, ухаживавшую за ней, сделать нам чай. Деликатная подруга минут через десять ретировалась, якобы за покупками.

— Нам было хорошо вместе, — сказала скрипачка грустно. — Но ты должен учитывать одно обстоятельство.

— Какое? — обреченно спросил я, не упустив прозвучавшего в ее словах прошедшего времени. «Было хорошо». Значит, больше не будет.

Так и оказалось.

— Все девушки хотят выйти замуж.

— Я в курсе. И я готов... — начал было я, но она меня перебила:

— Ты-то готов, но они не готовы. Они.

Я растерялся. Я ничего не понимал.

— Но ты же сама сказала, что все девушки хотят замуж.

— Не за первого встречного. Нормальная девушка хочет выйти за надежного человека. За человека, который не подведет. На которого можно положиться. Который пообещает и сделает.

— Но я же...

— Знаю, — мягко сказала она. — Ты не виноват. Это болезнь. Ты честный и ответственный. Но в семейной жизни этого недостаточно. Семья состоит не из одного тебя. И те, кто входит в твою семью, хотят строить планы и хотят, чтобы эти планы выполнялись. Планы могут быть большими, например, карьерными или касающимися развития бизнеса, а могут быть маленькими: как провести выходные, куда поехать в отпуск, кто будет покупать для бабушки подарок ко дню рождения, кто сегодня заберет ребенка из школы. И если невозможно построить даже самый маленький план и быть уверенным, что сможешь его выполнить, совместная жизнь становится невыносимой. Начинаются взаимные упреки, растет взаимное недовольство, брак дает трещину. Ничем хорошим это не заканчивается, поверь мне. У меня перед глазами пример моих родителей.

— Тоже мигрень? — удивился я.

Мы много рассказывали друг другу о своих семьях, но она ни разу не упоминала о том, что кто-то из ее родителей был болен.

— Пьянство, — коротко ответила она. — Я тебе рассказывала о своей матери.

— Ну да, — кивнул я. — Я помню. Но разве можно сравнивать мигрень и алкоголизм? Это абсурд!

— С точки зрения медицины — да, согласна, — слабо улыбнулась моя скрипачка. — А с точки зрения семейной жизни разницы никакой нет. Человек ненадежен. На него нельзя положиться, на него нельзя рассчитывать. Он может в любой момент подвести. Вот и все.

Я помолчал, обдумывая то, что она сказала. Это был отказ? Предупреждение? Или что?

— Значит, ты не выйдешь за меня, если я попрошу твоей руки?

— Нет, — сказала она твердо и снова улыбнулась. — Но за намерение спасибо, мне приятно.

Я все понял. Еще примерно полчаса мы пили чай и болтали о пустяках, потом вернулась с покупками подруга, и я распрощался. Навсегда.

Полвека прошло, скрипачки моей уже нет в живых, а я до сих пор с нежностью и теплотой вспоминаю и наш последний разговор, и ее улыбку на исхудавшем лице, и тонкую кисть руки с сильными длинными пальцами. Ни одну женщину в своей долгой жизни я не любил так, как ее. Наш разрыв не оставил во мне обиды: я понимал, что она права. Любой человек имеет право хотеть, чтобы рядом с ним был тот, кого можно считать надежным. Я надежным считаться никак не мог...

За этими воспоминаниями я и коротал время, сидя в мягком удобном кресле, попивая кофе и поглядывая в окно в ожидании ветерана МВД Назара Захаровича Бычкова. Бар находился в той же части здания, что и главный вход в отель, и мне отлично видны были подъезжавшие автомобили. Почему-то я пребывал в уверенности, что полковник в отставке приедет либо на такси, либо на недорогом стареньком, но очень ухоженном корейском автомобильчике. Однако я ошибся: сухощавый мужчина с очень морщинистым лицом вышел из массивного черного джипа и стремительно зашагал в сторону входа, а через несколько секунд уже двигался в направлении моего столика. Ладонь его была жесткой и сильной, а взгляд — цепким, спокойным и уверенным. Почему-то мне сразу стало неуютно, и я начал жалеть о том, что позволил юристу Сорокопяту организовать эту встречу. Совершенно неожиданно для самого себя я растерялся и сделал знак бармену, чтобы хоть чем-то заполнить возникшую неловкую паузу. Тут же подбежала официантка.

Я попросил еще чашку эспresso, официантка кивнула и перевела вопросительный взгляд на моего гостя.

— А мне, дочка, — зажурчал мягкий говорок, — сделай, будь так ласкова, чайку какого-нибудь безопасного, как для больного старика. Сможешь?

Что такое «безопасный чай для больного старика», я не понял, выражения такого никогда прежде не слышал, но официантка, видимо, знала это очень хорошо, потому что улыбнулась и тут же принялась уточнять:

— Ромашка? Лесные ягоды? Боярышник? Мята с лаймом?

— Вот давай-ка мяту с лаймом.

— Чайничек маленький принести или большой?

Бычков взглянул на меня, и в глазах его мне почудилась насмешка, отчего неприязнь к новому знакомому сделалась еще сильнее. Но смысл

этого взгляда я, разумеется, уловил: долгим ли предполагается разговор? Эх, ну зачем я согласился? Нужно было поручить юристу встретиться с этим полковником, пусть бы задал ему вопросы и все выяснил, избавив меня от необходимости снова все объяснять, да еще человеку, который отчего-то вызывает у меня не самые положительные эмоции.

— Большой, — обреченно произнес я.

Едва официантка отошла, Бычков заговорил:

— Мне сказали, что вас интересуют Лагутины. Это верно?

— Верно.

Он немного помолчал, задумчиво глядя в окно.

— Видите ли, господин Уайли, моя профессиональная жизнь почти целиком состояла в том, что я задавал вопросы. И если вместо ответа мне говорили: «А что?» или «А почему вы спрашиваете?», у меня складывалось твердое убеждение, что человек сначала хочет узнать, в чем моя цель, а потом подстроить под эту цель свой ответ. Солгать, что-то скрыть, что-то переиначить. А спрашивали подобным образом всегда. Не припомню случая, чтобы на вопрос сразу начинали отвечать по делу. Поэтому у меня стойкое недоверие к тем, кто не отвечает, а задает встречные вопросы. Давайте я вам сразу расскажу о Лагутиных, что помню, но вы дадите мне слово, что после этого сами объясните причину своего интереса.

Неприятнь мою как рукой сняло.

— Договорились, — улыбнулся я. — Если можно, начните с момента вашего знакомства. Я читал интервью, где вы об этом рассказываете, но мне хорошо известно, как часто итоговый письменный текст отличается от сказанного.

— А сказанное — от реальности, — ответно усмехнулся Бычков.

Я опешил. Выходит, то, что он рассказал журналисту, не было правдой? Может, он и Лагутиных не знал совсем, и я напрасно возлагал надежды на его информацию...

— Что вы имеете в виду? Что не были знакомы с семьей Лагутиных?

— Был, а как же, был знаком, и неплохо. Только не так все было пушисто, как в интервью написано. Мадам Лагутина... это я так ее про себя называл — мадам, а мужа ее — хозяин. Так вот, мадам Лагутина была человеком крайне неприятным. Всем улыбалась, со всеми была приветливой, но чуял я в этой ее любезности что-то гаденькое, нарочитое. Сперва не понимал, в чем дело, думал, что просто ошибаюсь, плохо думая о хорошем человеке.

Если бы упавший с души камень не был фигурой речи, в полу, наверное, образовалась бы огромная дыра. Я испытал непередаваемое

облегчение, ведь сидящий напротив меня человек с морщинистым лицом и ясными спокойными глазами сказал вслух именно то, что думал и я сам.

— Почему же вы сказали журналисту...

— А из старческой вредности, — Бычков лукаво подмигнул. — Или из озорства, если вам так понятнее. Журналист молодой, неопытный, явно получил заказ сделать материал о том, как раньше было плохо и как сейчас стало хорошо. Вот я и старался всячески ему помешать. Терпеть не могу заказов на подачу информации, меня от этого прямо корежит всего. Конечно, я понимал, что он все равно напишет так, как ему надо или его главному редактору, но облегчать задачу этим прихвостням не собирался. Поэтому всюду, где только можно, проводил параллели, мол, тогда было плохо, но и сейчас с этим не лучше, а если сейчас хорошо, то и раньше с этим было не хуже. Лично я к советским и партийным органам отношусь очень критически, но считаю, что ругать их имеет право только тот, кто видел ситуацию своими глазами, жил в ней, а не сопливый мальчишка, родившийся после перестройки и никогда не слышавший слова «партсобрание».

Бычков отпивал маленькими глоточками горячий чай и рассказывал о семье Лагутиных. О самом старшем члене этой семьи, Ульяне Макаровне Кречетовой, полковник знал, как выяснилось, немного: дочь рабочего-сталелитейщика, она всю жизнь посвятила комсомольской и партийной работе, искренне верила в идеалы коммунизма и отдала все силы борьбе за эти идеалы. Жесткая, негибкая, упрямая. На доброе слово скупа, на брань и критику щедра. Муж ее, отец Зинаиды, был, как сказали Бычкову, комсомольцем и умер через несколько месяцев после рождения дочери. В общем-то это было правдой, так что Бычкова не обманули. Только это была не вся правда. Никто в те годы не упоминал о том, что муж Ульяны, Майкл Линтон, был американцем, членом Молодежной коммунистической Лиги, приехавшим в 1922 году в Россию в числе нескольких десятков таких же «комсомольцев»-энтузиастов помогать поднимать из руин молодую советскую республику и строить светлое будущее. Правительство Страны Советов разрешило молодым американцам въезд и создание сельскохозяйственных коммун в некоторых регионах Северного Кавказа, но с условием, что те привезут с собой передовую технику. Разумеется, в коммуну тут же стали регулярно наведываться агитаторы и пропагандисты — советские комсомольцы, то есть настоящие борцы. Одним из таких агитаторов и оказалась Ульяна Кречетова, поразившая Майкла Линтона в самое сердце. Комсомольскую свадьбу справили, пели революционные песни и говорили речи о том, что дети Ульяны и Майкла станут истинными

интернационалистами и непременно внесут огромный вклад в разжигание пожара мировой революции. Обо всем этом я прочитал в дневниках Ульяны.

Умер Майкл и в самом деле вскоре после рождения дочери Зины. С медицинской помощью в той местности, где существовала коммуна, было плохо, и, судя по описанным Ульяной симптомам, скончался ее молодой муж от разлитого перитонита. Молодая женщина вырастила дочь одна и больше замуж не выходила. Фамилию Зиночке записала свою — Кречетова, а отчество — Михайловна. Зинаида Майкловна Линтон — уж больно чудно звучит, не по-советски. Но эти подробности остались для Бычкова тогда неведомы.

На момент знакомства молодого капитана милиции с семейством Лагутиных Зинаида Михайловна руководила в аппарате Мосгорисполкома отделом развития пищевой промышленности, торговли и общественного питания города, имела в подчинении более 20 человек, была на хорошем счету у руководства и мечтала о назначении на должность руководителя управления делами: отдел огромный, почти 140 человек по штатному расписанию, большая власть, неисчерпаемые возможности. Разумеется, о «возможностях» моя родственница не распространялась ни при Бычкове, ни в своих записях, но для меня, довольно много знающего о жизни в Советском Союзе, это было очевидным, а уж для полковника — тем более.

Я человек довольно циничный, поэтому не удивился тому, что молодой Бычков старался поддерживать неожиданное и такое полезное знакомство, но совершенно не понимал, почему Зинаида пошла ему навстречу. Зачем ей, руководителю такого уровня, обыкновенный капитан милиции?

— Да я и сам сперва не мог понять, — признался Назар Захарович. — Сначала суть-то не разглядел, думал: просто милые приветливые люди. Потом, когда гадливость начал ощущать, спросил себя: а на кой ляд ты, Назарушка, им сдался? С чего это Зинаида Михайловна так тебя привечает? Одно дело, если бы я, допустим, только по праздникам заходил с поздравлениями и цветами, а она б меня из вежливости чай пить приглашала. И совсем ведь другая картина, когда мадам сама тебе звонит, в гости зовет, мол, пироги у них сегодня, или шарлотка, или сам хозяин с охоты кабанятину привез и котлеты получились просто необыкновенные. Ну, начал я прислушиваться, присматриваться и очень быстро заметил, что все ее светские беседы со мной — это выпрашивание, вынюхиванье, одним словом, сбор информации. Ей нужно было знать всё и обо всех, начиная от сведений о том, в какую квартиру в их доме и по какому поводу на днях приходил участковый, и заканчивая тем, что говорил начальник на

партсобрании нашего райотдела, какие установки партии и правительства озвучивал, как формулировал цели и задачи, на кого какие взыскания наложили по партийной линии. Как только я это все понял, мне так противно стало! И не в том дело, что я какие-то секреты разглашал, нет, я лишнего слова Зинаиде не сказал, а в том, что меня пытались использовать.

— И что вы сделали, когда поняли это? — поинтересовался я.

— Перестал к ним заходить. И приглашения принимать перестал.

— Что, вот так сразу и перестали? Прервали отношения в один миг?

— Ну, зачем же сразу-то? Я аккуратненько, постепенно, чтобы не обидеть. Приглашения сначала принимал через раз, потом через два на третий, ссылаясь на загруженность по службе. И с поздравлениями так же поступил: два праздника или дня рождения пропущу, потом зайду, цветы вручу и поздравлю со всеми прошедшими. Так и сошло на нет постепенно.

— Как долго вы общались с Лагутиными, пока не поняли, что к чему?

— Года два примерно. И еще годик или чуть больше после этого.

Принесенного официанткой «большого» чайника хватило как раз на воспоминания Назара Захаровича о муже Зинаиды, Николае Васильевиче Лагутине, и об их детях — сыне Владимире и дочери Ульяне. Ульяна, по словам Бычкова, была девочкой любознательной, чтобы не сказать — любопытной, и если во время визитов оперативника оказывалась дома, то старалась сидеть за столом вместе со взрослыми, внимательно вслушиваясь в их разговоры, хотя Зинаида ее присутствие не очень-то поощряла. Николай Васильевич в этих посиделках никогда не участвовал, да его и дома-то, как правило, не бывало, когда приходил Бычков. Если же хозяин был дома, то выходил, коротко здоровался, пожимал руку и тут же скрывался в кабинете.

— Суровый мужик, вечно хмурый, озабоченный, никогда, в отличие от жены, не улыбался. По-моему, его все в семье боялись, — вывел заключение Назар Захарович.

— А сын? Что о нем помните?

— Да почти ничего. Видел его буквально пару раз всего. Симпатичный паренек, на отца похож, такой же неразговорчивый и хмурый. Он-то в свои студенческие годы дома особо не сидел.

— Зинаида о нем что-нибудь рассказывала?

— Говорила, что учится в МГИМО, хочет заниматься дипломатической работой, старается, овладевает знаниями, из библиотек не вылезает.

— А про его личную жизнь говорила? Может быть, он жениться собирался? Или девушка была?

— Не припомню, — покачал головой Бычков. — Вот что хорошо помню — так это постоянные сетования Зинаиды на то, что в институте никак не найдется подходящая девочка для Володи, а когда же еще студенту жениться? Только в институте, потом уж поздно будет, холостого специалиста на работу за границей не пошлют, так и будет в МИДе бумажки перебирать до самой старости.

— Почему же невесту нужно было искать непременно в своем институте? — удивился я. — А в других местах разве нельзя познакомиться с девушкой?

Бычков разразился дробным журчащим смехом.

— Можно, конечно. Всем можно, а будущим работникам дипломатического фронта — нельзя! Если, конечно, они хотят получить назначение на должность в каком-нибудь посольстве или представительстве за границей. В том институте учились только проверенные детки проверенных родителей, поэтому с любой сокурсницей можно было заводить отношения, так сказать, с гарантией.

Я кивнул. Ну конечно, вездесущее КГБ... Работа за границей. Все должно быть под контролем государства. Анкету каждого абитуриента проверяли вдоль и поперек, и при малейших сомнениях даже до вступительных экзаменов не допускали, так что брак со студентом своего института избавлял от множества проблем, в том числе и от перспектив «невыезда».

Пришла моя очередь объяснять Бычкову причины интереса к семье Лагутиных.

— Рассказ будет долгим, — предупредил я. — Вы временем располагаете?

Он усмехнулся:

— Нам, старикам, спешить некуда. Но если разговор наш предполагается не коротким, то я предложил бы вам сменить место. Стыдно признаться, но от вредной привычки курить я не избавился. Да и не пытался, если честно. Теперь за приятной неспешной беседой таким, как я, и посидеть-то негде. Я бы пригласил вас прогуляться, посидеть в парке или хоть на бульваре, но не сезон, погода не располагает.

Я рассмеялся. Снег с дождем и ветром — и в самом деле не лучшая погода для беседы на открытом воздухе.

— Да уж!

— Поэтому я осмелюсь пригласить вас к себе домой. Заодно и поужинаем. Моя жена будет рада, а уж готовит она просто превосходно.

Заметив на моем лице замешательство, которое я не успел скрыть,

Бычков добавил:

— Потом я привезу вас назад, сюда или куда скажете. Да это и не так уж далеко по московским меркам, минут за двадцать доедем.

Подписав принесенный официанткой счет, я поднялся к себе в номер за курткой. Бычков ждал меня на крыльце у входа, под навесом, в пальцах одной руки зажата дымящаяся сигарета, в другой руке прижатый к уху телефон.

— Сколько баллов? — услышал я его мягкий говорок. — Шесть? Нормально, быстро доедем... Минут двадцать...

Он заметил меня и слегка кивнул.

— Сейчас спрошу.

Бычков опустил руку с телефоном, сделал глубокую резкую затяжку и обратился ко мне:

— У вас есть какие-нибудь ограничения по продуктам? Что-то такое, чего вам нельзя или вы просто не любите и не едите?

Вопрос меня приятно удивил: мне казалось, что в России едят то, что нравится, не придавая ни малейшего значения понятию «нельзя». А уж сколько раз, принимая приглашения на обеды и ужины в домах своих коллег-переводчиков, я сталкивался с тем, что хозяйки настойчиво подкладывают в тарелки гостям разнообразное угощение со словами: «Вы должны это попробовать! Ну попробуйте!», нимало не заботясь о том, что гость, возможно, это не любит или ему этот продукт запрещен медиками. Почему-то я был уверен, что в России больше, чем в любой другой стране, укоренен принцип: если нравится лично мне, то это обязательно должно нравиться всем, а если кому-то не нравится, то он не нашего круга, он ничего не понимает, и вообще он идиот и должен быть подвергнут остракизму. Выходит, я ошибался. Но, возможно, семья ветерана МВД Бычкова — просто приятное исключение.

— Я всеяден, — с улыбкой ответил я. — Мне все можно. Другое дело, что в моем возрасте уже не все нужно.

— Понял.

Он снова поднес телефон к уху.

— Можно все, но без фанатизма, — проговорил Назар Захарович в трубку. — Скромно, по-стариковски.

Он затушил сигарету, бросил окурочок в урну, и мы сели в черный джип.

Жена Назара Захаровича оказалась женщиной изящной и элегантной, и даже в свои далеко не молодые годы сохранившей прежнюю изумительную красоту. В первый момент я напрягся, испугавшись, что Элла (так ее звали) будет на правах хозяйки сидеть с нами за столом и слушать мои рассказы, чего мне совсем не хотелось. Я даже не мог отчетливо сформулировать природу и суть собственного нежелания распространяться о своей истории, ведь я изначально, задумывая свой экспериментальный проект, закладывался на то, что придется многократно излагать одно и то же огромному числу все новых и новых людей. Но эта готовность была рассчитана на тех, кого необходимо проинформировать в интересах дела, а вот сама мысль о том, что меня будет слушать человек, к делу отношения не имеющий, почему-то вызывала дикое раздражение.

Однако нервничал я напрасно.

— Давайте, мальчики, быстро ужинайте, без разговоров, — произнесла Элла, — все уже готово. Потом я пойду поработаю, а вы поговорите.

Это непринужденное «мальчики», адресованное двум солидным джентльменам за семьдесят, моментально растопило лед в моем сердце. Все-таки я профессиональный переводчик, и слова имеют для меня огромное значение: я умею не только слышать их, но и понимать стоящее за ними чувство.

Обводя глазами комнату, в которой был накрыт стол, я сделал первоначальный вывод: много книг и мало фотографий. Вернее, книг очень много, а вот фотографий не было совсем. Ни одной. Любопытно. Получается, в этом доме у знания приоритет перед традиционными семейными ценностями?

Мясо с зеленым салатом оказалось превосходным, с едой мы покончили минут за десять, после чего красавица Элла убрала со стола грязную посуду, принесла кофе для меня и чай для мужа и, мило улыбнувшись, скрылась в другой комнате.

— Кем работает ваша жена? — поинтересовался я.

— Элка? Никем. Она работает моей женой. С моим характером это, знаете ли, труд немалый, спасибо хоть зарплату с меня не требует, — с легким смешком отвечивал Бычков.

— Мне показалось, она сказала, что пойдет поработать...

— Ах, это! — Он широко улыбнулся. — Она рисует. Акриловыми красками. У нее отлично получается, Элка всем знакомым свои картины дарит.

— Сколько лет вы женаты? — не удержался я от вопроса.

— Немного. Чуть больше десяти лет.

Ну вот, хоть какое-то объяснение нашлось тому странному факту, что столь красивая и наверняка умная женщина остановила свой выбор на таком невзрачном мужчине. Десять лет назад ей было около шестидесяти, и в этом возрасте спутника жизни выбирают уже не по внешности. Со свойственным мне цинизмом я подумал, что в шестьдесят лет женщины вообще уже не выбирают, с кем им быть, и радуются любому предложению. Но почему Назар женился на ней? Мужчины в возрасте за шестьдесят, как правило, женятся на молодых дамах, с которыми могут почувствовать себя самцами-производителями.

— Это ведь не первый ваш брак? Или первый?

— Второй, — коротко ответил Назар Захарович. — А у Эллы третий. Я вдовец, она — в разводе. Мы с ней полвека знакомы... Познакомились как раз незадолго до моей свадьбы. Так что там с Лагутиными-то? Я ведь жду, когда вы расскажете.

Надо же: полвека знакомы... Что-то эти полвека меня сегодня буквально преследуют, я ведь тоже думал о пятидесяти годах, прошедших после расставания с девушкой-скрипачкой. Мне было любопытно, что за история произошла пять десятков лет назад между Назаром и Эллой, но судя по тому, как круто полковник сменил тему разговора, распространяться об этом у него намерения не было. Что ж, можно понять: кто я ему? Совершенно незнакомый человек, о существовании которого он еще сегодня утром и не подозревал.

Я старался рассказывать как можно короче, потому что заметно устал. С утра — круглый стол в рамках конференции, потом встреча с юристом Сорокопятом, теперь вот с Бычковым. Интенсивное общение с людьми меня сильно утомляло, я давно стал затворником и привык к одиночеству. Наконец я добрался до конца истории.

— Да-а, — задумчиво протянул Назар Захарович, когда я закончил, — ваш род оказался щедрым на эксцентричных потомков. И мигрень ваша меня, надо признаться, удивила. Я ведь всегда думал, что мигрень — это как у Понтия Пилата в булгаковском романе. Ну, сильно голова болит, пусть даже очень сильно, но жить и работать не мешает. Пилат с такой болью даже ухитрился принять судьбоносное для мировой истории решение. Вы читали «Мастера и Маргариту»?

— Не только читал, я этот роман и переводил. Поверьте мне, господин Бычков, та форма гемикрании, которой страдал Пилат, это просто детский лепет по сравнению с тем, что приходится переносить мне. Вернее, приходилось раньше, в молодости. Сейчас-то все уже не так ужасно, но тоже достаточно тягостно.

Он сочувственно посмотрел на меня.

— Понимаю. Что касается вашего дела, то я не удивлен: Зинаида Михайловна была дамой лживой и лицемерной. В общем-то ее можно даже назвать гением адаптации, она прекрасно приспособилась к режиму и играла по его правилам. Советские чекисты никогда не позволили бы ей отсылать свои записки за границу, если бы не подвергали их тщательной цензуре. Поэтому совершенно понятно, что правды в этих записках было совсем немного. Жаль, что вы не удосужились поговорить с ней, когда Лагутины эмигрировали. Бояться ей было больше нечего, и вполне вероятно, она рассказала бы намного больше.

— Мне в тот момент это всё было не интересно, у меня было много работы, я привык к своему образу жизни, который выстроил так, как мне нравится и как мне удобно. А Лагутины мне не понравились, и общаться с ними не возникало ни малейшего желания.

— Но вы же в то время знали об условии Уайли — Купера?

— Конечно. Знал с самого детства. Но интереса у меня это не вызвало, как не вызвало и у моих родителей. Наша ветвь давным-давно утратила право вести записи, жизнь очень изменилась, потомки Джонатана Уайли родственные отношения почти не поддерживали. А деньги, о которых идет речь... Да, они весьма существенны, но не для меня. После гибели родителей и продажи бизнеса отца у меня осталась такая сумма, которой при моем более чем скромном образе жизни хватило бы еще лет на сто, даже если бы я не зарабатывал переводами. А переводы приносят мне весьма неплохой доход. В общем, вся эта волынка с завещанием Уайли — Купера как-то прошла мимо моего сознания. Мне это было просто не нужно, я считал это блажью чудаковатого старика.

— Ну да, ну да, понимаю, — задумчиво покивал полковник. — Мадам давно умерла, а Ульяна... Может быть, она могла бы рассказать? Или вы с ней в контрах?

— Она не расскажет. Для нее это вопрос денег, и отдавать их она не намерена.

— Неужели вы думаете, что она возьмется выполнить такую работу? Хотя... Почему бы и нет? — ответил он сам себе. — Она толковая, всегда работала, вот вы говорите, что она и в Штатах быстро нашла для себя дело и не бедствовала. Она бы справилась, я так думаю. Значит, вы считаете, что она хочет получить деньги Уайли — Купера?

— Я в этом уверен.

— А вам эти деньги для чего? Вы же только что мне заявили, что у вас средств более чем достаточно. Зачем вам ввязываться в эту канитель? Да

еще таким сложным манером. Ульяна-то, поди, и без того располагает всеми нужными сведениями, сядет да и напишет. У нее перед вами огромное преимущество, вы за ней все равно не угонитесь. Если она чего-то по малости лет не знала или не понимала, так Зинаида после отъезда из России уже сто раз ей все рассказала и разобъяснила.

Бог мой, как же я устал! У меня просто нет сил рассказывать еще и об этом! Юрист тоже никак не мог взять в толк, для чего я все это затеял. И я решил ответить так же, как ответил Андрею Сорокопяту:

— Это личное.

Заметив, как похолодели ясные внимательные глаза Бычкова, я добавил:

— Если вам интересно, я обязательно расскажу почему. Но не сегодня, хорошо? И потом, вы же сами заметили, что в нашем роду регулярно появляются эксцентричные особы. Считайте, что я просто чудак. Сумасшедший миллионер.

Взгляд Бычкова немного смягчился.

— А вы действительно миллионер? В прямом смысле, не в переносном?

— Действительно. Что, верится с трудом?

— Честно говоря — да. Вот вы живете в дорогом отеле, но не в самом дорогом. И лимузина с водителем у вас нет, иначе вы не поехали бы со мной в моем джипе. Живете затворником, зарабатываете переводами... Как-то не вяжется одно с другим. Конечно, про мигрень вы мне объяснили, и одинокий образ жизни я понять могу, но все остальное... Нет, не укладывается у меня в голове.

Он мне не поверил. Жаль. Впервые за все мои приезды в Россию я встретил человека, с которым мне хотелось бы продолжать общение. Болезнь и особенности характера сделали меня капризным и привередливым, я с трудом выстраивал отношения с теми немногими людьми, которые не вызывали у меня отторжения или раздражения, а такие люди попадались на моем жизненном пути с каждым годом все реже и реже. Назар Захарович мне понравился, его ум был достаточно острым, чтобы улавливать нюансы, скрытые за словами, и не требовать подробностей, не имеющих решающего значения для понимания смысла. Этот человек не был излишне любопытен и навязчиво многословен. Одним словом, он мне полностью подходил.

А я ему, судя по всему, — не очень. Или даже — совсем нет.

— Пожалуй, мне пора, — сказал я, взглянув на часы. — Не хотелось бы утруждать вас. Может быть, лучше вызвать такси?

Брови Бычкова взлетели вверх, собрав гармошкой глубокие морщины на лбу.

— Такси? Да бог с вами! Разве вас можно отпускать на такси одного, да еще в такое позднее время? Уже половина двенадцатого. Вы, конечно, говорите по-русски безупречно, но акцент все равно есть, и заметный, а немолодой иностранец ночью — самая лакомая добыча. Глазом моргнуть не успеете, как останетесь без штанов. Вас таким маршрутом повезут, что потом никаких денег не хватит расплатиться.

Он решительно встал и громко произнес:

— Элка! Мы уходим!

* * *

Ехали молча. Каждым миллиметром кожи я ощущал стену недоверия, вставшую между мной и Назаром Захаровичем. Настроение испортилось, побаливала голова. Мне было жаль, что я сам, своими руками, уничтожил то тепло взаимопонимания, которое только-только начало зарождаться.

— Меня не назовешь приятным собеседником, верно? — спросил я. — Особенно к концу дня. Не хочу, чтобы вы подумали, будто я пытаюсь что-то скрыть или обмануть вас.

— У вас есть хороший выход, — сухоvalo ответил он.

— Какой?

— Не скрывать и не обманывать.

— Не делаю ни того, ни другого. Просто давно отвык так много разговаривать. Стал уставать.

— Надо же, — хмыкнул Бычков, — а я-то всегда считал, что переводчики в силу своей профессии умеют трещать с утра до вечера.

Что-то в его интонации почудилось странное, но я списал это на собственную головную боль, искажающую восприятие.

Я объяснил, что моя основная работа — это письменные переводы, причем преимущественно научной и технической литературы. Правда, в последние десять лет я начал развлекаться переводом фильмов и сериалов, чтобы следить за развитием разговорной речи в тех странах, языками которых я владел. К сожалению, кинопродукция российских производителей на американском рынке спросом не пользовалась, поэтому заказов на переводы с русского не было, и научиться распознавать на слух все новые и новые сленговые выражения я не успел. Технический прогресс позволил мне залатать брешь в образованности по части кино: можно было

не страдать от того, что не можешь посещать кинотеатры, а спокойно смотреть фильмы дома, настроив громкость так, чтобы не звенело в ушах, и делая паузы через каждые 15–20 минут. Благодаря этому для меня открылась новая ниша, в которой можно было зарабатывать. Конечно, заработок для меня важен чисто психологически, так что русские фильмы я могу смотреть и без всяких заказов, что я, собственно, и делаю довольно регулярно, но при этом сталкиваюсь с очень смешной проблемой. Живую современную речь можно услышать чаще всего в дешевых сериалах, снятых за очень скромные деньги, но в таких сериалах пишется «живой звук», при котором и русскоязычному-то зрителю порой трудно разобрать слова и целые диалоги, а уж мне и подавно. Если же фильм сделан как следует, со студийным озвучанием, то и диалоги персонажей, как правило, более академичны и приносят мне мало нового.

— Слушать я могу действительно долго, а вот много говорить не люблю. Трудно.

— Как же вы намерены осуществлять свою затею, коль не любите много говорить? Там ведь отмолчаться не удастся, — скептически заметил Назар Захарович.

— Буду терпеть, — коротко ответил я и добавил: — Если хочешь получить результат, приходится терпеть неудобства.

С покорностью овцы, идущей на заклание, я ждал вполне логичного следующего вопроса: зачем же мне терпеть неудобства, если не ради денег? Для чего мне так уж нужно получить искомый результат? И мне снова придется отделяться нейтральным «это личное» и почувствовать новую волну холода и отчуждения.

Но полковник ничего не спросил.

В молчании мы проехали оставшуюся часть пути. Заговорил Бычков только тогда, когда машина остановилась у входа в отель.

— Вам будет непросто, господин Уайли...

— Просто Ричард, — перебил я. — Или еще короче — Дик.

— Хорошо, Дик. Ко мне тоже можно обращаться без отчества. Так вот, вам будет очень непросто осуществить ваш проект. Надеюсь, юрист, который с вами сотрудничает, вас не подведет. Но если нужна будет какая-то помощь — обращайтесь. Уверен, что смогу быть вам полезен.

— Чем же? — спросил я, довольно, надо признать, глупо и даже бестактно.

— У любого преподавателя есть ученики. А если преподаешь долго, то и учеников много. Жизнь — она штука разнообразная, особенно в нашей стране и особенно в наше время, никогда не угадаешь, где можешь

встретить того, кого когда-то обучал. Мои ученики — это ведь не только те, кто у меня в аудитории сидел, но еще и те, кого я натаскивал, пока работал на практике.

Как он сказал, когда мы разговаривали в баре? «Из стариковской вредности»? Вот именно она-то и выиграла во мне в этот момент. Слова слетели с языка прежде, чем я успел сообразить, что не стоило бы их произносить.

— Для чего вам это? Зачем ввязываться в сомнительный и сложный проект, который не принесет вам ничего, кроме хлопот и беспокойства?

Бычков на несколько мгновений будто окаменел, потом расхохотался.

— Да-а, — протянул он сквозь смех, — похоже, ваш предок... как его звали?

— Джонатан, — подсказал я недоуменно.

— Да, Джонатан. Так вот, он, похоже, был не так уж и неправ. В его затее определенно есть рациональное зерно. Если он действительно был эксцентричным человеком с несносным характером, то вы — вполне достойный его потомок. Не знаю, как там у вас в Америке, а в нашей стране во времена моего детства на слова «Ты дурак!» мальчишки обычно отвечали «Сам дурак!» или «От такого же слышу».

— Хотите сказать, что я впадаю в детство?

— Я тоже впадаю, — спокойно проговорил Бычков. — Не зря же на Руси говорят: старый — что малый.

Он вынул из кармана бумажник, достал и протянул мне визитку.

— Подумайте, Дик. Интересующий вас период я знаю неплохо, не забыл еще. Так что звоните, если будет нужда во мне. И с людьми помогу. Переводчиков, конечно, вряд ли подыщу, это не моя епархия, но с этим, я так полагаю, вы и сами справитесь, это все-таки ваши коллеги. А вот охранники или психологи — это по моей части. И кто вам еще будет нужен?

— Культурологи и актеры.

— Вот! С актерами тоже помогу и с реквизитом, если будет нужно.

— Неужели кто-то из ваших учеников переквалифицировался в артисты? — не поверил я.

— Ну, чудес-то не бывает, — усмехнулся Назар Захарович, — но у моих учеников есть друзья, родственники и иногда даже супруги.

Мы распрощались, и я снова ощутил жесткую силу его сухой ладони.

Сидя в старенькой, забрызганной грязью машине, взятой на время у приятеля, он с тоскливым нетерпением ждал, когда эти два старых перечника в черном джипе закончат наконец трепаться. Ну сколько можно! Уже почти полночь, он устал, голоден, и вообще хочется прийти домой, растянуться на диване и предаться своему любимому занятию — мечтать. Строить планы. Представлять, как это будет... Он получит деньги, уедет туда, где всегда солнечно и тепло и тихо плещет море, купит дом, заведет длинноногую куколку и будет каждый день любоваться закатом, попивая хорошее вино на увитой цветами веранде... Собаку заведет обязательно, большую, лохматую, умную. Например, ретривера. Нет, лучше двух собак. Или даже трех.

Открылась пассажирская дверь, американец вышел и направился к дверям отеля, джип отъехал и через несколько секунд скрылся из виду. Ну вот, на сегодня все. Можно двигать домой. Только позвонить нужно, чтобы дома не тратить на это время и сразу, едва раздевшись, приступить к мечтам.

Он вытащил из кармана телефон, посмотрел на дисплей и поморщился: интернет не тянет, слишком близко к Кремлю, кругом сплошные глушилки. Телефонная связь, конечно, работает отлично, но не звонить же за свои деньги! Их и без того не хватает. Нет уж, лучше позвонить минут через пять, когда отъедет подальше от этого клятого центра с его повышенными мерами безопасности. Хорошо быть богатым и не считать каждую копейку! Ну ничего, скоро, уже совсем скоро и он тоже считать не будет.

Мысль привычно съехала на сладкие мечты, и спохватился он только минут через двадцать, стоя на перекрестке на «долгом» светофоре: он же не позвонил! В этом месте интернет работал отлично. Прикосновение пальца к иконке вотсап, еще одно прикосновение к строчке с нужным именем — и вот уже слышны гудки, а потом голос, от звуков которого на лице почему-то невольно расплывается улыбка. И пусть голос недовольный, это совершенно не влияет на хорошее настроение!

— Почему так долго? Ну, что там?

— Ничего особенного. С утра был на конференции, потом встречался с юристом.

— Юрист тот же? Или другой?

— Тот же самый.

— Ладно. Дальше что?

— Дальше встречался с каким-то дедом, сначала в отеле в баре сидели, потом поехали куда-то на квартиру...

— Точно на квартиру?

— Ну не знаю, там жилой дом, они вошли в подъезд, а уж что там и как — я не в курсе.

— Ладно. Что потом?

— Потом вышли. Дед отвез его в отель, высадил, уехал. Всё.

— Что за дед?

— Слушай, птичка, а ты не зарываешься? — рассердился он. Больше, правда, наигранно, потому что по-настоящему сердиться на птичку с таким божественным голосом он никогда не умел. — Я не справочное бюро и не экстрасенс. Делаю, что могу. И между прочим, пока бесплатно.

— Ладно, не кипятись, — голос стал мягче. — Значит, опять юрист... И дед какой-то... Наследство, что ли, пытается выкопать? Зачем ему юрист?

— Птичка, твои вопросы не по адресу.

Красный сигнал светофора сменился зеленым, машины тронулись, и ему пришлось переключить внимание, поэтому последние слова он произнес быстро и скомканно.

— Что? Что ты сказал? — нервно переспросил божественный голос.

Просто удивительно, что он так и не смог забыть этот голос за столько лет! Птичку давно забыл и не вспоминал, а стоило услышать ее голос — и появилось ощущение, что разговаривал с ней в последний раз только вчера.

— Я сказал, что твои вопросы не по адресу, — терпеливо повторил он. — Если ты хочешь иметь разветвленную шпионскую сеть с подслушиванием и подглядыванием, то это не ко мне. У меня из техники только машина, старая и трухлявая, и та не моя. От отеля до жилого дома за дедовым джипом еле угнался, хорошо еще, что пробки, движение затруднено. А по свободным дорогам мне за ним тащиться вообще беспонтово, так что когда дед американца высадил у отеля, я за ним не поехал.

— На завтра какой план? — требовательно спросил божественный голос.

— Завтра закрытие конференции и банкет.

— Смотри, не упусти ничего.

— Да иди ты, — беззлобно усмехнулся он. — Тоже мне, начальница. Начальник тот, кто платит. А тот, кто просит, это уже не начальник, птичка моя сладкоголосая.

Он жил у самой Кольцевой дороги, в блочном доме, в квартире, превращенной бывшей женой в коммуналку: после весьма недолгого брака и быстрого развода она разделила лицевой счет, превратила отдельную

квартиру в коммунальную, стала собственницей одной из двух комнат и продала свою жилплощадь. С тех пор соседи менялись несколько раз. Теперь у него за стеной жила молодая пара с маленьким ребенком. В общем и целом ему было все равно, с кем делить квартиру, лишь бы соблюдался график уборки и никто не мешал лежать и мечтать.

Стараясь не шуметь, он вошел в прихожую, скинул куртку и ботинки, отпер дверь в свою комнату. Когда уходил утром — сказал себе, что надо бы прибраться, комната и без того небольшая, а он такой бардак развел. Решил отложить уборку на вечер, не думал ведь, что вернется так поздно. Глаза б не глядели на этот развал... Ничего, можно и не глядеть. Просто не зажигать свет, пробраться к дивану, лечь, натянуть плед. И мечтать. О собственном доме, в котором всегда будет порядок, потому что за ним следит горничная.

* * *

Заключительное мероприятие конференции прошло без неожиданностей: всех участников благодарили, всех проинформировали о порядке подготовки сборника докладов и выступлений, рассказали, какой неоценимый вклад в искусство перевода с русского языка и на русский мы внесли... Одним словом, ничего нового. В самом конце — рассказали об организации оставшейся части культурной программы и пригласили на банкет, который должен был начаться в этом же здании через полчаса.

На банкет я, разумеется, идти не собирался, равно как и не намеревался участвовать в предлагаемых экскурсиях и посещении театра: у меня хватало других дел, а многолюдное общество отнюдь не прельщало. Дабы не показаться невежливым, нужно было найти в бурлящей в просторном холле толпе нескольких человек и попрощаться. Лавируя между людьми и чувствуя, как нарастает раздражение и трусливое желание просто сбежать, никого не предупреждая, я вдруг заметил изящную элегантную женщину. Именно так: заметил. Оценил чисто по-мужски. И только через несколько мгновений узнал. И тут же засомневался. Нет, это никак не может быть она, наверняка я ошибся, обознался, что и неудивительно, ведь я видел ее всего один раз на протяжении нескольких минут и особо не разглядывал...

Женщина повернула голову, ища кого-то глазами, наткнулась взглядом на меня, улыбнулась и приветственно помахала рукой. Значит, я не обознался. Но как? Почему?

Да, это была она, Элла, жена Назара Захаровича Бычкова. Дорогой васильково-синий костюм, на груди, на широкой ленточке, висит бейдж с именем латиницей и кириллицей: «Элеонора Лозинцева».

— Вы имеете отношение к переводчикам? — спросил я, подходя к ней.

Да, знаю: хорошими манерами я не отличаюсь. И вообще, я несносный человек, мне об этом рано или поздно заявляли почти все мужчины и все без исключения женщины, с которыми приходилось общаться.

— Я и сама переводчик, — улыбнулась она. — Назар вам не сказал?

— Нет. Он сказал только, что вы рисуете акриловыми красками. А основная ваша работа состоит в том, чтобы быть его женой.

— Только в свободное время, — рассмеялась Элла. — Узнаю Назара! Это вполне в его стиле. Впрочем, если женщина в шестьдесят лет вступает в третий брак, то у мужчины появляются все основания считать, что несчастная всю жизнь искала и ждала именно его, и теперь он — главное в ее жизни.

— А это не так?

— Смотря что именно. Третий брак — правда. У меня за спиной два развода. Но Назара я не искала и не ждала, я просто знала, что он есть. И не могла забыть.

В это легко было поверить, я ведь тоже не мог забыть свою скрипачку и всех женщин, а их было отнюдь не мало в моей жизни, сравнивал с ней. Сравнение всегда оказывалось в ее пользу...

— Вы идете на банкет? — спросила она.

— Нет, как раз ищу кое-кого, чтобы попрощаться и предупредить, что меня не будет.

Элла понимающе кивнула.

— Я вот тоже размышляю... Жаль тратить время на застолье. Со всеми, кто мне нужен, я уже встретилась и пообщалась. Пожалуй, поеду. Если хотите, могу вас подвезти.

Вообще-то еще пять минут назад я намеревался пройти пешком, прогуляться, благо дождя сегодня не было, над Москвой висел тихий серенький день, безветренный, унылый, но спокойный.

— Спасибо, с удовольствием приму ваше предложение, — ответил я в полном соответствии с собственным несносным характером и готовностью принимать странные, глупые решения.

Через 15 минут мы встретились на забитой автомобилями парковке и уселись в маленькую белую машинку, «Ниссан Джук». Выходит, мне не показалось, что слова Бычкова были произнесены с какой-то не такой

интонацией, когда накануне он рассуждал о способности переводчиков часами разговаривать без усталости. Его жена — моя коллега, но по каким-то причинам полковник счел нужным об этом умолчать. А может быть, и не было никаких причин? Может быть, просто особенности характера?

— И все-таки мне непонятно, — сказал я, — когда вчера нас с вами познакомили, разве не естественно было бы сказать, что вы тоже переводчик?

— Естественно, — кивнула она, не отрывая глаз от идущей впереди машины, — для большинства людей. Но не для Назара. Он никогда не скажет лишнего, такого, что не имеет непосредственного отношения к обсуждаемому делу. К вашей проблеме моя профессия отношения не имела, поэтому он промолчал. У него это называется «не перегружать информационное пространство».

— Значит, вы знаете, какая у меня проблема?

— Конечно. Назар рассказал еще вчера, когда вернулся. Вас это беспокоит? Он не должен был мне ничего говорить?

— Нет-нет, все в порядке, — заверил я ее, — здесь нет никаких секретов. Даже наоборот, хорошо, что вы уже все знаете, это избавляет меня от необходимости еще раз долго и нудно рассказывать.

— Да, — снова кивнула она, — Назар предупредил, что вы не большой охотник до болтовни. И еще он сказал, что к вам можно обращаться по имени. Мне тоже можно?

— Ну разумеется!

— Так вот, Дик... — она помолчала. — Назар очень заинтересовался вашим проектом. Не могу объяснить почему, но вижу, что ваши вчерашние разговоры разбередили какую-то старую рану. Что-то из того времени не дает ему покоя. Не отталкивайте его, пожалуйста. Если вам будет нужна любая помощь — позвоните ему, он будет рад. Искренне рад.

И неожиданно для самого себя я испытал облегчение. Бычков мне очень понравился, но я все-таки был убежден, что и помощь он предлагал, и визитку свою оставил исключительно из вежливости, и искренне сожалел, что не произвел на него хорошего впечатления.

Элла довезла меня до нотариальной конторы, где была назначена встреча с Андреем Сорокопятом для составления доверенности.

— Отчаянный вы человек, — заметила жена Бычкова на прощание. — Собираетесь доверить совершенно незнакомому человеку открыть от вашего имени фирму и все организовать... Я бы не решилась. У вашего юриста хотя бы рекомендации есть? За него кто-нибудь поручился?

— Рекомендации есть, очень хорошие, и поручители солидные. Но в целом вы, конечно, правы, — я усмехнулся, — в приличном обществе

таких, как я, именуют большими оригиналами, а в неприличных — полными идиотами. Но я смирился и привык, а с годами стал находить в этом обстоятельстве особую прелесть. Когда тебя считают идиотом, от тебя ничего не требуют и не ждут. Согласитесь, это весьма удобно.

Элла рассмеялась и протянула мне руку на прощание. Наверное, следовало бы руку даме поцеловать, но я ее крепко пожал. Отвык я от хороших манер, а может быть, и не обладал ими никогда.

* * *

Если бы меня спросили, чьи черты в моем характере проявлены наиболее выразительно, я бы ответил, что я — истинный Уайли. И даже Уайли-Уайли, ибо, как я уже говорил, Джонатан и его зять носили одну и ту же фамилию вовсе не по причине кровного родства, а по прихоти моего прапрадеда. Так же, как и Джонатан, я обладал скверным характером, совершал необъяснимые поступки и принимал нелогичные и не самые удачные решения. Так же, как Эмилия, любимая жена Джонатана, я страдал мигренью. Так же, как и Фрэнк Уайли, «назначенный» быть мужем Грейс, я любил одиночество и умел без особого труда терпеть неудобные обстоятельства и мириться с ними. Так же, как прабабушка Грейс, я был одержим тем, чем занимался, и готов был совершенствоваться в своем деле до бесконечности.

Моим прямым предком суждено было стать младшему сыну Грейс и Фрэнка, родившемуся в 1868 году. Кстати, эксцентричность Джонатана забавным образом проявилась и в выборе имени ребенка: в английской традиции именем отца обычно называли старшего сына, а не младшего. В семье Уайли поступили иначе: старшему мальчику дали имя Эндрю, а вот младшего по настоянию Джонатана назвали как раз Фрэнком. Средний ребенок, девочка, рожденная моей прабабкой не от мужа, а от Купера, носила имя Марджори.

Благодаря тому, что Джонатан ухитрился испортить отношения не только со всей родней, но и со всем «обществом» города, на чудачества в семье Уайли со временем перестали обращать внимание, как, впрочем, и на саму семью в целом. Грейс с утра до ночи пропадала в клинике, где могла заниматься научными изысканиями рядом со своим обожаемым Купером, ее муж, тихий философ, любивший книги и не любивший светскую жизнь, целыми днями просиживал в своем кабинете над толстыми томами, что-то без конца записывал в тетради, порой выходя из дома и неспешно

прогуливаясь по улицам, при этом он настолько погружался в размышления, что не замечал знакомых и не отвечал на приветствия. Приемов супруги Уайли не устраивали, визитов не делали, клубы не посещали, в благотворительных балах не участвовали, одним словом, как сказали бы в нынешнее время, они «выпали из обоймы».

В 1865 году монах Грегор Иоганн Мендель обнародовал перед Обществом естествоиспытателей результаты своих опытов с растительными гибридами, фактически положив начало генетике, хотя в тот момент этого никто не понял и не оценил. Спустя четыре года вышла монография Фрэнсиса Гальтона «Наследственный гений». Новое понимание законов наследственности взбудоражило ум Джонатана Уайли, одержимого желанием разобраться в природе мигрени и найти лекарство от этого недуга. Его интерес был горячо поддержан не только Купером, но, совершенно неожиданно, и зятем, Фрэнком Уайли. Какие особенности характера и физического здоровья передаются по наследству, а какие определяются воспитанием и условиями жизни? Для того чтобы судить об этом, нужно вести тщательное наблюдение за несколькими поколениями, а затем обобщить накопленные знания.

Жаркие споры и увлеченные обсуждения велись несколько недель, после чего Джонатан огласил свой вердикт: весь имеющийся в его распоряжении капитал он делит на две части. Одна часть предназначена для поддержания жизни семьи и научных исследований Купера, другая же часть становится основой для долгосрочного проекта, рассчитанного на 150 лет. Ведение и юридическое обеспечение проекта поручается адвокатской конторе «Берлингтон и сын», в случае же, если контора прекратит свое существование, проект передается адвокатской фирме из «первой четверки лучших в США». По окончании проекта, в 2020 году, должно быть написано добросовестное научное исследование по результатам полуторавековых наблюдений. Автором исследования может явиться кто угодно, гражданин любой страны, любого пола, возраста и социального статуса. Более того, число авторов и, соответственно, число итоговых исследований не ограничено: каждый человек может иметь право на попытку. В любом случае научный уровень и научная добросовестность работы должны быть оценены экспертной комиссией, состоящей из ученых-специалистов. Если будет представлено несколько работ, комиссия выберет лучшую. Если же работа окажется всего одна, комиссия все равно подвергнет ее оценке и имеет право отказать соискателю в выплате вознаграждения, если сочтет уровень недостаточно высоким. В этом случае прием работ будет вестись до тех пор, пока комиссия не признает какой-

либо труд действительно достойным.

Джонатан в тот момент не сомневался, что все его потомки будут вести требуемые записи, в которых скрупулезно и дотошно отразят события своей жизни, опишут чувства, эмоции и даже сны, обоснуют принимаемые решения, проанализируют состояние здоровья. Непрерывность наблюдения из месяца в месяц и из поколения в поколение стала тем стержнем, на который нанизывались все прочие условия проекта, в том числе и финансовые. Тот, кто добросовестно и постоянно ведет записи, получает ежегодное вознаграждение, довольно существенное. Если записи в течение длительного времени не ведутся, право на вознаграждение утрачивается навсегда. Исключением могут быть только случаи, когда перерыв в наблюдениях вызван уважительными причинами, но и в этом случае «Берлингтон и сын» должны быть предварительно поставлены в известность о том, что в положенное время ежемесячный отчет представлен не будет, но пропущенный период непременно будет подробнейшим образом отражен в следующем отчете. При отсутствии подобного предупреждения выплаты прекращаются.

На контору Берлингтона и ее будущих правопреемников налагалась также обязанность по приисканию финансовых инструментов, позволяющих не только сохранять, но и приумножать выделенные на проект средства с тем, чтобы итоговая выплата через 150 лет стала достаточно внушительной и при этом не утрачивалась возможность поддерживать сам проект, то есть обеспечивать документооборот, финансовый контроль и регулярно выплачивать вознаграждение тем, кто ведет записи.

Мой прапрадед был уверен, что предусмотрел всё. Документ, в котором он расписывал свою затею, оказался огромным и наполненным множеством мелких подробностей и уточнений. Берлингтон давно уже перестал чему бы то ни было удивляться, когда на пороге его кабинета возникала фигура Джонатана Уайли: он просто выслушивал богатого чудаковатого клиента и делал так, как тот хотел.

Надо признать, что в первые несколько лет у Джонатана не возникло никаких оснований для сомнений в своей правоте. Фрэнк с энтузиазмом принялся за дело, совершенно забросив свои философские труды и полностью погрузившись в наблюдения за детьми. О том, что Марджори не его дочь, он, разумеется, знал, но счел, что это более чем умеренная плата за возможность вести спокойный уединенный и достаточно роскошный образ жизни в просторном и красиво обставленном удобном доме. Кроме того, девочка в глазах Фрэнка вообще имела малую ценность, зато оба сына

— несомненно его дети, его гордость, наследники, похожие и на самого Фрэнка, и друг на друга. Джонатан же, не страдавший излишней деликатностью, заявил напрямую:

— Очень хорошо, что Грейс родила одного ребенка от Купера и двоих от Фрэнка. Это даст возможность проследить, как проявится наследственность Уайли в сочетании с наследственностью разных отцов, но в условиях одинакового воспитания.

Такая циничная откровенность покорила и Фрэнка, и Купера, и саму Грейс, но все промолчали, сделав вид, что ничего особенного не случилось. Все зависели от старого Джонатана, все жили на его деньги и плясали под его дудку. Без денег Джонатана придется закрыть клинику Купера, и Грейс не сможет проводить с ним дни напролет. Без денег Джонатана не на что будет растить детей, а Фрэнку придется искать работу учителя или репортера вместо того, чтобы наслаждаться теплым уютным домом с немногочисленной, но вышколенной прислугой.

Бестактный цинизм моего прапрадеда простирался так далеко, что себя самого, а также дочь, зятя и Купера он стал называть «производителями».

— Каждый производитель должен написать подробнейшее изложение своей жизни, а также все, что он знает о своих предках. Это станет первоначальной базой для исследования, — говорил он.

И начал с себя. Всё, что мне известно о Джонатане, я вычитал в его жизнеописании и в последующих дневниках, которые правильнее было бы именовать ежемесячниками. Джонатан подавал пример всем остальным, старательно ведя записи и строго в установленные дни передавая их в контору «Берлингтон и сын».

Все шло как по маслу. После смерти Джонатана в 1877 году проект продолжал развиваться благодаря неослабевающим усилиям Грейс, ее мужа и ее любовника. Жизнь менялась не так быстро, и технический прогресс хотя и казался стремительным, но на самом деле, если сравнивать с концом XX века и началом XXI, полз черепашьям шагом. Ничто не предвещало, как говорится...

Перелом наступил в середине 1880-х, когда дети Грейс один за другим начали выпархивать из родительского гнезда.

Первой из дома ушла Марджори, по уши влюбившись в Оливера Линтона, нищего журналиста, сочувствовавшего идеям социализма. Ежегодное пособие, высылаемое Берлингтоном, оказалось для молодой семьи единственным способом выжить, ибо полученное приданое прожили даже раньше, чем родился первый ребенок. Старший сын, Эндрю, с детства

проявлял склонность к профессии актера, но честно пытался, под давлением Фрэнка-старшего и Грейс, получить «приличное» образование, однако не преуспел, какое-то время болтался без дела, а потом просто сбежал, оставив прощальную записку и пообещав непременно дать знать о себе. Записка была показана в конторе «Берлингтон и сын» с обещанием непременно представить отчет за пропущенный период. Письмо от беглеца пришло только через год: Эндрю сообщал, что поступил в труппу где-то на Юге. Никто в семье Уайли не сомневался, что труппа какая-нибудь третьеразрядная. Старшему сыну немедленно был направлен ответ, в котором говорилось примерно следующее (самого письма я не видел, цитирую по записям Грейс): «Ты можешь жить как хочешь и где хочешь, на все твоя воля, но каждый месяц ты должен присылать отчет. И не забудь подробнейшим образом изложить все события последнего года. Помни, что интересы науки выше твоих личных амбиций». Вероятно, Эндрю был сильно задет, потому что второе письмо, оно же и последнее, пришло довольно быстро. Оно оказалось приложено к очередному отчету Фрэнка-старшего, поэтому я имел возможность с ним ознакомиться. «Я всегда чувствовал, — писал Эндрю, — что мы с братом и сестрой являемся лишь инструментом для набивания ненасытной утробы ваших чудовищных устремлений, не имеющих ничего общего с настоящей наукой. Я не желаю класть свою жизнь и свое личное счастье на этот ложный, гнилой алтарь. Занимайтесь своей алхимией без меня. Мардж слишком дорожит своим бездарным писакой, чтобы отказаться от денег, которые получает от Берлингтона. Надеюсь, Фрэнки окажется умнее и тоже откажется подпитывать ваши никчемные амбиции, которые если и есть, то как раз у вас, а вовсе не у меня. Я просто хочу жить свободно. Можете сказать Берлингтону, что в его деньгах я не нуждаюсь и от меня он не получит больше ни слова».

О том, как сложилась жизнь старшего сына Грейс, в записках не сказано больше ничего. Но его надежды на рассудительность и независимость младшего брата оказались не напрасными. Мой дед Фрэнк имел хорошие способности к математике и вкус к бухгалтерскому делу, и карьера финансиста занимала его куда больше, чем ведение дневников самонаблюдения. Он занялся биржевыми операциями, причем настолько успешно, что очень быстро разбогател. Надо ли говорить, что ежемесячные отчеты он прекратил писать в тот же день, когда понял, что за одну неделю заработал больше, чем получал в год от Берлингтона.

Вот так и получилось, что из всех потомков Джонатана Уайли в проекте после смерти Грейс, Фрэнка-старшего и Роберта Купера

участвовали только Марджори и ее семья.

Первый ребенок Марджори не дожил и до трех лет. Долгое время детей больше не было, и вторая беременность наступила, когда сестре моего деда было уже за тридцать. Родился тот самый Майкл Линтон, который, напитавшись идеями отца и его окружения, в 1922 году вместе с товарищами-единомышленниками приехал в послереволюционную Россию, где и женился на Ульяне Кречетовой, а вскоре умер.

Оригинальный поступок, не правда ли? Что ж, кровь Уайли — Куперов, никуда не денешься. И это притом, что ни бабушка Мардж, ни ее муж Оливер эксцентричностью не отличались, а Джонатан Уайли и Роберт Купер не могли оказать никакого воздействия на воспитание Майкла, ибо к моменту его рождения уже давно скончались. Да и жили Линтоны в другом городе, довольно далеко от Уайли.

Несмотря на то, что вместе Майкл и Ульяна пробыли совсем недолго, чуть больше года, этого времени хватило, чтобы юная комсомолка загорелась идеей Уайли, правда, переиначив ее на модный революционный лад. Ведь как будет замечательно, если ученые в конце концов докажут: наследственность советского человека сильнее, чем наследственность потомка буржуев, потому что вся буржуазия прогнила насквозь и вся ее мораль рассыпается в прах перед веселым задором молодой республики! Ульяна приняла выпавшее знамя из рук мужа-американца и начала вести записи, в которых отражала и свою жизнь, и жизнь маленькой Зиночки. Записи она отсылала Берлингтонам и деньги от них получала исправно.

Активную энергичную комсомолку заметили и начали выдвигать на руководящие должности, потом приняли в партию, перевели на работу в Москву. Шел 1933 год, троцкистско-зиновьевскую оппозицию вывели на чистую воду и ликвидировали, начали колхозное строительство, жизнь налаживалась... Но Ульяна Макаровна Кречетова внезапно забеспокоилась: участились случаи, когда органы ОГПУ изымали валюту у лиц, получающих ее официальным путем по переводам из заграницы. Почему? Законно ли это? Вроде бы на первый взгляд незаконно, но ведь там, наверху, лучше знают. И не может советский человек, служащий в ГПУ, совершать незаконные действия: преступления совершают только отбросы общества, пережитки капитализма, каковыми работники ГПУ не могут являться просто по определению. Ульяна колебалась, нервничала, но недолго. Спустя короткое время стало известно, что местные органы ОГПУ начали арестовывать людей, в адрес которых поступали ценные пакеты с иностранной валютой, пересылаемой в СССР иностранными банками. Кречетова не стала ждать, когда за ней придут. Отвела дочку Зиночку к

подруге, оставила деньги и детские вещи, собрала в узелок две пары теплых носков, чай, сахар, сухари, надела телогрейку и отправилась в ОГПУ «сдаваться». Рассказала все без утайки.

— Я делала все это для блага нашей Родины, — говорила Ульяна и была в этих словах совершенно искренна. — Ведь я описывала жизнь не только свою, но и всей нашей страны. Мне хотелось, чтобы там, за океаном, все знали о наших успехах и достижениях. Пусть все видят, как хорошо живется в СССР. И пусть через сто лет все узнают, что советская кровь — самая горячая кровь в мире. У меня не было намерения что-то скрывать от советского государства.

— Н-да, пропаганда — это дело хорошее, полезное дело, — задумчиво ответили ей. — А вот валюта нашей стране очень нужна...

Ульяна Кречетова никогда не была глупой, намеки умела ловить на лету и мгновенно перестраивала линию поведения.

— Если вы не запрещаете мне вести записи, то хорошо было бы, если бы вы их просматривали перед тем, как я их отправлю, — предложила она. — Я, конечно, опытный партработник, но при этом всего лишь человек, вдова, воспитывающая дочь, и мне не чужды невольные ошибки и упущения. Я могу что-то не так понять, не так оценить, а о чем-то забыть. Вы бы мне подсказывали, а я допишу или перепишу, если будет нужно. Тем более Зиночка растет, через несколько лет сама начнет дневники писать, а молодежи нужны опытные наставники, крепкая рука старших товарищей. Что же до денег, то я готова все отдавать стране, для меня деньги не важны, мне важна идея. Советская кровь — самая сильная, и советский человек непобедим!

Трудно сказать, что возымело более сильное действие: убежденность ли, горевшая в глазах Ульяны, или разумность и выгодность ее предложения, но, так или иначе, предложение это было принято и поддержано на всех уровнях. Кречетову не просто отпустили — доставили на машине сначала к подруге, потом, уже вместе с Зиной, домой.

Жизнь продолжалась. Ульяну повышали в должностях, поручая все более ответственные участки работы, дочка росла, записи регулярно отправлялись в контору Берлингтонов, разросшуюся к тому времени до размеров очень крупной фирмы, валютные переводы поступали без перебоев. Правда, уже не на имя Кречетовой, а на совсем другой счет, номер которого ей дали все в том же Экономическом управлении ГПУ.

Началась война. Зину отправили в эвакуацию, Ульяна Макаровна осталась в Москве: в тяжелое для всей страны время партии нужны идеологические работники, презирующие опасность. Особенно в столице, в

самом сердце Родины.

После войны Зина окончила институт и начала строить собственную карьеру. Перед глазами был пример матери, которая и уму-разуму учила, объясняя, как правильно жить, и собственным авторитетом поддерживала, помогая устраиваться на хорошие должности. И конечно же, Ульяна бдительно следила за тем, чтобы дочь вовремя составляла подробные и «правильные» записки.

— Мы с тобой должны приносить пользу всей нашей Родине, — строго говорила она. — Мы должны доносить до рабочего класса в странах капитализма всю правду о преимуществах социалистического строя, мы должны вселять в бедняков по всему миру твердую веру в неизбежную и скорую победу коммунизма. И нашей стране в условиях послевоенного восстановления и строительства очень нужна валюта. Мы с тобой просто обязаны вносить свою лепту, пусть даже она маленькая.

Судя по записям, Ульяна Макаровна и дома с дочерью разговаривала так же, как на митингах, собраниях и совещаниях.

Зиночка все понимала, соглашалась и делала так, как велит мать. Правила игры девушка усвоила еще в школе, а к окончанию института сформулировала для себя и установку по поиску будущего мужа: выбирать только из «своих», то есть либо из комсомольских или партийных активистов «с перспективой», либо из советских работников — сотрудников исполкомов. Выбирала Зиночка Кречетова долго и придирчиво, пока наконец не остановила взгляд на Николае Лагутине. Ульяна кандидатуру одобрила: для парторга цеха на крупном заводе Лагутин был, пожалуй, слишком молод, и это означало, что руководство видит в нем немалый потенциал. Коль выбрали на такую должность, значит, заслужил. Да и сам по себе Лагутин производил положительное впечатление своей немногословностью, серьезностью, принципиальностью. «Крепкий парень, надежный. Настоящий партиец. Жену, если надо будет, вовремя поправит, в узду возьмет», — написала о нем Ульяна Макаровна.

Пожились Зинаида и Николай в 1952 году. Через два года родился первенец, Володенька, названный в честь Ленина, потом дочка, названная в честь бабушки Ульяной. Сама Ульяна Макаровна вела и отсылала записи до середины 1960-х, до последнего борясь с артритом и подагрой и со стремительно ухудшавшимся из-за диабета зрением. Участие в проекте Кречетова прекратила только тогда, когда руки уже не держали авторучку, а полуослепшим глазам не помогали никакие очки. Зинаида Лагутина, включившаяся в проект перед самым началом войны, на какое-то время

осталась единственным участником, но уже совсем скоро дети подрастут и тоже включатся в работу. На мужа, конечно, надежды нет, он с самого начала твердо отказался вести записи, но дети-то не подведут! А за записи от трех человек платить будут в три раза больше. В три раза больше денег — в три раза больше пользы для государства, а это означает, что положение семьи станет более стабильным, более надежным. Более привилегированным. Шире поле для карьеры. Больше возможностей и связей. Разумеется, эти планы и расчеты в записках того периода отражены не были, ведь каждую рукопись по-прежнему читали и правили «там, где положено». Все это Зинаида описала уже после эмиграции в США, задним числом, не боясь никакой цензуры.

Но с детьми что-то не задалось. Володя, выслушав резоны Зинаиды Михайловны, поморщился и заявил, что подумает, а пока пусть мать сама описывает его жизнь. Дочь Ульяна, лет в 15 с интересом подключившаяся было к работе, быстро остыла, пренебрегала своевременностью и тщательностью, а после нескольких довольно громких стычек с матерью нашла неожиданно защиту в лице старшего брата:

— Мам, ты сама отлично справляешься, вся наша жизнь у тебя на виду, у нас нет от тебя никаких секретов. Вот станем с Ульянкой совсем взрослыми, создадим свои семьи, будем жить отдельно — тогда и начнем записывать, потому что ты уже кое-чего видеть и знать не сможешь. А пока мы у тебя на глазах, ты прекрасно можешь все про нас расписать.

Был ли подобный диалог на самом деле — судить не берусь, я вычитал его в цензурированных записях, в более же позднем, американском, варианте об этом эпизоде не было сказано ни слова.

Однако факт остается фактом: дети от участия в проекте уклонялись, а Зинаида уступила. Почему? Неизвестно. В ее записях вплоть до эмиграции, до 1992 года, вопрос о привлечении детей к проекту больше ни разу не упоминался. Почему она не смогла убедить сына и дочь, что оплата их участия принесет благо всей семье? Уже переехав в США, Зинаида Лагутина составила отдельную рукопись, в которой рассказала о том, как ее мать ходила в ОГПУ и как впоследствии все отчеты подвергались перлюстрации. «Ни моя мать, ни я сама ничего не скрывали, описывая свою жизнь и жизнь членов семьи, мы ни в чем не солгали. Но учитывая идеологическую сторону, не акцентировали внимания на том, что могло бы не понравиться нашим цензорам. Например, если приходилось два часа стоять в очереди за плохим мясом, то мы об этом просто не писали, ограничиваясь лишь упоминанием, что мы зашли в магазин купить продукты. Если мы шли в Большой театр или в Театр на Таганке, то

делились в записях своими впечатлениями от спектакля, но не рассказывали, каких трудов и ухищрений стоило достать билеты и кому и сколько мы за них переплатили». Я был бы полным дураком, если бы поверил этим словам. Зинаида банально «подстилала соломку», чтобы ее записи и записи Ульяны не сочли недобросовестными и даже лживыми. Если бы такое произошло, если бы ее поймали на фальсификации, это автоматически перекрывало бы для нее возможность продолжать участвовать в проекте и получать деньги.

Деньги Зинаида очень любила. И цену им хорошо понимала. В 1971 году фирма Берлингтона получила письмо от Зинаиды Лагутиной. В письме, отправленном из Чехословакии, Лагутина просила открыть на ее имя счет в США и переводить на него некоторую часть причитающихся ей выплат, а остальное — как обычно, на счет во Внешэкономбанке СССР, при этом, если возможно, направить ей официальное уведомление о том, что в связи с финансовыми затруднениями увеличения ежегодных выплат в ближайшее время не предвидится. Об увеличении выплат упомянуто было не случайно. В уставных документах Джонатан Уайли четко прописал обязанность фирмы Берлингтона прилагать все усилия к возрастанию капитала, дабы по возможности увеличивать не только итоговое вознаграждение автору исследования, но и регулярные выплаты участникам проекта. И выплаты действительно регулярно росли благодаря усилиям опытных биржевиков, в том числе и моего деда Фрэнка, который хоть и отказался от участия в затее Джонатана, но Берлингтонам охотно помогал. Продолжали они расти и во второй половине XX века. Так вот, моей дальней родственнице пришло в голову, что глупо отдавать советской стране все деньги полностью. Не отдавать нельзя, себе дороже.оборот валюты официально запрещен, хождение имеет только рубль, за 5 долларов в кошельке рядового гражданина могут посадить без долгих разговоров. Пока отдаешь заработанную валюту в доход государства, ты на коне, тебе почет и уважение и все различные поблажки и преференции. Если прекратить работу на проект, государство перестанет получать твои деньги, и ты превратишься в самого обычного человека, которого уже никто не поддержит в карьере. Но ведь так жалко отдавать всё! А тут сын школу оканчивает скоро, за ним и дочка подтянется, оба смогут поступить в МГИМО, а дальше все пойдет совсем хорошо: за пополнение счета во Внешэкономбанке детям помогут получить хорошее распределение, назначение на должности в посольствах за рубежом, а там уж у них будет полная свобода получить накопившиеся деньги и потратить на свои нужды и удовольствия. И родителей не обидят, надо полагать. Главное —

накопить! Пусть советская страна получает деньги в прежнем размере, а если выплаты увеличиваются, то вот эти «излишки» и будут оседать на втором, тайном счете, доступ к которому будут иметь только члены семьи Лагутиных. А чтобы «там» не удивлялись, что выплаты не растут, хотя раньше постоянно увеличивались из года в год, как раз и нужна была официальная бумага от Берлингтонов.

План, по-видимому, показался Зинаиде вполне дельным, и она приступила к его осуществлению. Во избежание неприятных неожиданностей письмо в контору Берлингтонов отправила из Карловых Вар, где отдыхала вместе с мужем.

Сын Владимир окончил школу и благополучно поступил в МГИМО, дочь Ульяна склонялась к Институту иностранных языков или к Институту стран Азии и Африки, что тоже, по мнению Лагутиных-старших, было неплохо, ибо при правильном развитии событий давало хорошие возможности для постоянных выездов за рубеж и даже пребывания за границей в течение длительного срока. Но МГИМО, конечно, надежнее, и Зинаида Михайловна надеялась, что за оставшиеся до окончания школы два года сможет убедить дочь.

Разумеется, такой картина выглядит лишь в моем изложении, основанном на сопоставлении двух рукописей Зинаиды: цензурированной и свободной. На самом же деле в первом варианте было сказано: «Ульяна никак не может решить, к поступлению в какой вуз ей нужно готовиться, выбирает между МГИМО, Инязом и ИСАА. Мы с мужем надеемся, что в выпускном классе она наконец определится и начнет усиленно заниматься теми предметами, знание которых потребуется на вступительных экзаменах. Иностранный и русский языки сдают во всех трех вузах, но для поступления в МГИМО необходимо отличное знание истории, так что девочке придется подтянуться: изучению истории в школе она, как мне кажется, должного внимания не уделяет, в ее дневнике то и дело мелькают «четверки» по этому предмету». Иными словами — мир, благодать и согласие, только вот историю немножко подучить... По второму варианту ситуация выглядела несколько иначе: «Ульяна упрямилась, иностранный язык в школе давался ей плохо, а уж сколько коробок конфет и пакетов с дефицитом я перетаскала завучу, чтобы дневник выглядел прилично! Возможностей Николая Васильевича было достаточно, чтобы запихнуть Ульяну в любой институт, да и у меня связи имелись, но все равно нужно было стараться и готовиться, а Ульяна все свободное время рисовала, вместо того чтобы усиленно заниматься английским. Про знание истории и говорить нечего, моя дочь проявляла полное отсутствие усердия и

внимания и не могла не только сопоставить две-три даты, чтобы сделать вывод, но даже и просто запомнить их. Но я была уверена, что переломлю ее упрямство и лень и заставлю поступить туда, куда нужно, чтобы иметь возможность регулярно выезжать».

Да, какую-то часть правды Зинаида Лагутина поведала в записях, сделанных после эмиграции. Но я понимал, что это не вся правда, далеко не вся. Мое недоверие основывалось на моих же впечатлениях от личного знакомства с родственниками, показавшимися мне хитрыми, лживыми и какими-то скользкими. Но было и еще кое-что. Я потратил много времени на ознакомление со всем массивом имеющихся в распоряжении Берлингтонов рукописей, тщательно сопоставил друг с другом оба варианта текстов Зинаиды и почувствовал, что концы с концами не сходятся. То есть какие-то события получили свое объяснение, вполне, на мой взгляд, удовлетворительное, например, желание родителей видеть своих детей на дипломатической работе. Но другие события не только не разъяснялись, но, напротив, вызывали все больше и больше вопросов. Я пришел к неутешительному выводу, что полностью полагаться на эти записи было бы глупо и неосмотрительно.

Однако жадность Зинаиды и ее любовь к деньгам сослужили мне хорошую службу: в моих руках оказались документы, значимость которых пока никто не оценил. Возможно, я придаю этим документам слишком большое значение, но для того, чтобы сделать окончательный вывод, я и придумал свою затею, с которой обратился к юристу Андрею Сорокопьяту. Затее, следует признать, совершенно немыслимую. Таковую же немыслимую, впрочем, как и вся моя жизнь. И как проект Джонатана Уайли.

* * *

Дуня не могла толком объяснить, зачем позвонила Роману, для чего попросила встретиться. Она просто чувствовала, что должна это сделать. Это нужно. Нужно им обоим. И это будет правильно.

Она очень нервничала, собираясь на встречу с Дзюбой. Да и сама встреча получалась не совсем такой, как Дуня представляла себе. На ее эсэмэску Дзюба ответил тоже сообщением, в котором было всего два слова: «Можно позвонить?» Дуня перезвонила ему сама, и едва услышав его голос, одновременно настороженный и радостный, сразу представила, как придет к нему домой, они заварят чай, сядут в кухне на мягкий угловой

диванчик и будут долго-долго разговаривать... Впрочем, насчет диванчика она явно погорячилась, еще неизвестно, где теперь живет Ромка, в той же квартире, что и раньше, где на кухне стоял этот самый диванчик, или в другом месте. Как много времени прошло, как долго они не виделись!

Но все получилось не так. Ромка сказал, что его друг Антон сегодня на суточном дежурстве, а ночным рейсом прилетает с соревнований дочка Антона, которую он, Дзюба, пообещал встретить в аэропорту и отвезти домой.

— Хочешь, поедem вместе Ваську встречать, — предложил он. — Но это бессонная ночь, а тебе завтра на работу. Мне-то нормально, у меня отгулы после командировки, а вот ты... Может, лучше я завтра встречу тебя после работы?

Дуня собралась было согласиться встретиться завтра, но внезапно поняла, что не выдержит. Ей придется ждать еще сутки. Целые сутки! Длинные, бесконечные, тягостные часы, наполненные чувством вины и осознанием собственной глупости и слабости. Она не видела Ромку больше года, и эти сутки могут оказаться той последней каплей, которая разрушит то, что еще можно спасти. Если вообще можно еще что-то спасти.

Он не задал ей ни одного вопроса, не спросил, что случилось и почему она вдруг захотела встретиться. Просто обрадовался, открыто и искренне.

Когда Роман приехал за ней, Дуне казалось, что от волнения она уже на грани обморока. Как он изменился за этот год! Похудел, осунулся, глаза уставшие, лицо бледное, даже какое-то сероватое. Или это только последняя командировка так его вымотала? А она сама как выглядит? Наверное, не лучше.

Роман обнял ее, поцеловал в щеку, помог сесть в машину. И сразу сказал:

— Дуняша, если ты хочешь о чем-то поговорить, то не бойся, ладно? Я не скажу тебе ни одного дурного слова и вообще не обижу тебя, что бы ты мне ни сказала. Не бойся.

Помолчал немного и добавил негромко:

— Я очень скучал по тебе.

— Я тоже скучала, — едва слышно проговорила Дуня и заплакала.

По Каширке в сторону Домодедова пролетели стрелой, благо время ночное. Рейс, которым должна прилететь Василиса, опаздывал на 30 минут. Оставив машину на стоянке, они зашли в одно из многочисленных кафе в здании аэровокзала. Там было пусто и неуютно, пахло выпечкой и почему-то маринованной селедкой. Но кофе и булочки оказались на удивление вкусными.

Что она хочет ему объяснить? То, что сама ощущает лишь смутно? То, что не находит понимания у ее подруг, которые считают поведение Дуни полным идиотизмом? Чего проще: купить и вставить в телефон новую сим-карту, завести новые страницы в соцсетях, может быть, под ником, а не под своим настоящим именем, и без фотографий, или остаться со старыми страничками, но забанить Дениса и всюду включить «невидимку», чтобы он не видел, когда она находится в сети. Конечно, он может ловить ее в группах, когда она заходит туда пообщаться, но это тоже решаемо, можно перестать туда заходить или выйти и вновь зарегистрироваться под другим именем. Короче, есть варианты. Но Дуне почему-то казалось унижительным так поступить. Если она перекроет Денису возможность общаться, это будет выглядеть трусостью. Слабостью. Это будет выглядеть так, будто она сдалась, признала его силу и превосходство и спряталась в укрытие, где противник ее не достанет. Она так не хотела. Она хотела, чтобы все было по-человечески, по-взрослому, а не как в детском саду. Чтобы Денис сам отступился, перестал ее преследовать и прессовать. Чтобы он понял наконец, что все его изощренные, а порой и грубые манипуляции бесполезны. Прячутся воры. Бандиты. Убийцы. Почему она должна прятаться, умышленно сужая свое жизненное пространство и скрываясь за вымышленными именами или никами? Разве она делает что-то плохое?

Никто ее не понимал. Никто. Наверное, она не в состоянии хорошо объяснить. А может быть, причина в том, что она на самом деле не права? Дуня никогда не работала в полиции, но детективы любила, и книги читала, и фильмы смотрела с удовольствием. Так вот очень часто, особенно в кино, попадают сцены, когда, например, полицейский приходит в дом, чтобы поговорить с подростком, а его родители начинают сопротивляться, орать, чтобы ребенка не трогали, он несовершеннолетний, и не смейте задавать ему вопросы, он ничего не знает, и все в таком духе. Или другой вариант: подростка задерживают, приводят в полицию, тут же прибегает кто-то из родителей, опять же начинает орать, угрожать, хватать дитяtko за руку, тащит к двери и гордо объявляет: «Мы уходим!» Такие эпизоды всегда вызывали у Дуни недоумение и растерянность, они казались ей лишены смысла и логики. Ведь если полицейский хочет о чем-то поговорить с человеком, значит, есть вопросы, а то и подозрения. Они уже есть. И от того, что мамочка будет кричать, грозить адвокатом или прокурором, эти вопросы и подозрения никуда не денутся, не рассосутся от страха, не исчезнут сами собой. Если полиция захочет что-то выяснить, она же все равно это выяснит, только другим способом. И вполне возможно, избранный ею способ окажется для опекаемого подростка куда более

болезненным и травматичным. Кстати, и для его родителей — тоже. Почему такая вот активная защитница-мамочка считает, что захлопнуть дверь перед носом полиции означает решить проблему раз и навсегда? Это же глупо! Куда правильнее перетерпеть, дать возможность полицейским задать все свои вопросы, прояснить картину, чтобы они ушли с уверенностью: больше им здесь делать нечего. В противном случае они все равно вернутся, только, как часто говорится в фильмах, «уже с ордером».

Раздражение, вызываемое такими эпизодами, Дуня тоже не могла сама себе объяснить, но чувствовала, что оно имеет тот же источник, что и ее никем не понятое нежелание прятаться от Дениса.

Объявили о задержке вылета двух рейсов, и тут же в кафе потянулся народ. По лицам людей, нервным и уставшим, было понятно, что задержка рейса уже далеко не первая, и ждать им надоело, и выхода никакого не было. Через пару минут все столики оказались заняты. В небольшом помещении стало шумно и как-то суточно.

— Вовремя мы пришли, — усмехнулся Роман. — Повезло. Самый удобный столик успели занять.

— Я сделала тебе больно, — вместо ответа произнесла Дуня.

— Да, — спокойно кивнул он.

— Ты меня презираешь теперь?

— За что? Ты не сделала ничего такого, за что тебя можно презирать.

— Ромка, я такая дура!

Ее глаза снова наполнились слезами, губы затряслись. Дуня схватила чашку обеими руками и сделала большой глоток. Перевела дыхание.

— Я словно ослепла, понимаешь? Не замечала очевидного. Какое-то безумие на меня нашло, что ли... Знаешь, я ведь довольно быстро прозрела и ушла от Дениса.

— Ты от него ушла, а он от тебя не ушел?

— Ну да. Я была с ним чуть больше двух месяцев. А потом началось... вот это...

— Значит, вы уже давно не вместе?

— Давно. Мне очень хотелось позвонить тебе... Но было ужасно стыдно. Мне и теперь стыдно. Стыдно за свою глупость, за слабость... В общем, ты понимаешь?

— Понимаю, конечно.

Он улыбнулся и погладил Дуню по руке.

— Один мой знакомый адвокат, Борис Александрович Орлов, как-то рассказывал, что его мать уходила от мужа к любовнику после двадцати пяти лет счастливого брака. И меньше чем через год вернулась. То, что она

вернулась, меня не удивило, а вот то, что муж ее принял и больше никогда ни единым словом не попрекнул, сильно озадачило. Я слушал Орлова и все размышлял: ну как это возможно — простить такую измену? Как можно сделать вид, что ничего не было? Простить, принять и быть счастливым. Я был уверен, что я бы точно не смог и никто не сможет. Сперва я решил, что Борис привирает или чего-то не договаривает. Потом стал думать, что все-таки двадцать пять лет вместе, столько пережито, сын взрослый... Короче, искал всякие объяснения, пытался понять алгоритм. А когда ты рассталась со мной, у меня в голове была только одна мысль: я буду тебя ждать. Сколько надо — столько и буду ждать. Потому что не хочу быть ни с кем, кроме тебя. Про родителей Орлова я даже не сразу вспомнил, а когда вспомнил, долго смеялся над самим собой. Мы никогда не знаем, как поведем себя в ситуации, в которой прежде не бывали. Мы можем предполагать, надеяться, рассчитывать, можем даже быть уверены, но на самом деле все всегда происходит иначе.

Он помолчал немного. За соседним столиком капризничал и плакал ребенок лет трех, который должен был улететь еще несколько часов назад и которому давно пора было спать. Отец, угрюмый и недовольный, что-то жевал, отвернувшись в сторону, мать малыша безуспешно пыталась напоить свое чадо соком из пакетика.

— Мне очень хотелось позвонить тебе, — признался Роман. — Каждый день хотелось. Иногда настолько сильно, что приходилось зубы стискивать, чтобы удержаться. Особенно когда видел, что ты онлайн. Меня останавливала только мысль о том, что в этот момент ты с ним, вам хорошо вместе и я тебе на фиг не нужен. Если бы знал, что вы расстались, давно позвонил бы сам. Жаль, что ты только сейчас сказала об этом.

— Честно?

— Абсолютно, — подтвердил он.

— И ты понимаешь, почему...

Она запнулась, снова не находя правильных слов, чтобы объяснить то, что чувствовала, но не могла четко сформулировать. То, чего не понимал никто из ее окружения.

— Конечно, понимаю. Ситуация должна быть пережита от начала и до конца, она должна быть прочувствована полностью, иначе незавершенность не даст потом спокойно жить. Это как в швейном ремесле: нельзя оставлять рваные края, они должны быть аккуратно подшиты. И не потому, что выглядят некрасиво, а из чисто практических соображений: неподшитая ткань начинает лохматиться, из нее выпадают нити, и ничего хорошего в итоге не выходит. Если ты принимаешь решение

прекратить отношения, а твой партнер с этим не согласен, то это и есть те самые рваные края, незавершенная ситуация. Подшивать необходимо, хотя на это иногда уходит очень много времени. Не у всех хватает терпения и сил. Но у тебя хватит, я уверен. И я теперь буду рядом.

— Спасибо тебе.

Дуня посмотрела на Романа с нежностью и благодарностью и хотела добавить что-то еще, но объявили о прибытии рейса, которым прилетела Василиса Сташис.

Они вышли из кафе и направились туда, где уже толпились встречающие, а также таксисты, выискивающие пассажиров. В группе ребят, одетых в одинаковые красно-серые куртки с эмблемой спортивного общества, Роман сразу увидел Васю: выше всех ростом, темноволосая, с яркими глазами — точная копия Антона.

Девочка радостно бросилась к ним, повисла на шее у Дзюбы.

— Ромчик-Дунчик! — завизжала она с восторгом. — Вы помирились?! Уррааа!

Вот так: Ромчик-Дунчик. Василиса всегда воспринимала Романа и Дуню как единое целое, называла их одним общим именем «Ромчик-Дунчик», звучащим как одно длинное слово, и ужасно расстроилась, когда Дуняша перестала приходить вместе с Ромкой в гости к Сташисам.

— Ромчик без Дунчика прямо инвалид какой-то, половинка человека, — горестно вздыхала она.

Следом за Васей к ним подошел невысокий рано облысевший молодой мужчина со списком в руках. Дзюба представился, мужчина кивнул и сделал отметку в списке. Правила в спортшколе строгие, подростков без контроля не оставляют, тем более в аэропорту и ночью. Антон специально предупреждал, да Роман и сам знал.

В машине Вася без умолку трещала, рассказывая, как позорно она проиграла два поединка и как блистательно выиграла третий, о том, как конфликтовала с ужасно вредной девчонкой, с которой делила комнату, и о том, какой симпатичный парень из команды Красноярска к ней подкатывался и как гордо она его «отбекарила», а попросту говоря — отшила.

— Может, зря отшила-то? — насмешливо спросил Дзюба. — А вдруг это твоя судьба? Смотри, пробросаешься.

— Да ну тебя, — отмахнулась девочка. — Мне рано еще.

— Чего ж рано-то? Четырнадцать лет — самое время начинать развивать ментальность невесты, а то потом в девках засидишься, — продолжал поддевать ее Роман.

— Не пугай, — пренебрежительно проговорила Василиса тоном умудренной жизнью женщины, и Дуня невольно прыснула. — Это в старорежимное время страшно было в девках засидеться, а теперь замуж выходить — голимый низачет. Теперь у всех свободные отношения или, в крайнем случае, гражданские браки. И вообще, иметь постоянного мужчину — полный отстой. Надо карьеру делать и деньги зарабатывать, чтобы от мужчин не зависеть. Вот вы же не женитесь и отлично живете, а меня зачем-то науськиваете.

— Пусть твой папа сначала женится, — давясь смехом, ответил Дзюба. — Он старше меня по возрасту и по званию, а младшим поперек бабки в пекло лезть не положено.

Василиса хитро прищурилась.

— Значит, по-твоему, семейная жизнь это пекло? Тогда я тем более туда не полезу.

— А тебе палец в рот не клади, — весело заметила Дуня. — По локоть всю руку оттяпаешь.

— По плечо, — с важным видом поправила ее девочка. — Да, я такая. Поэтому папа мне Степку доверяет, знает, что я ни себя, ни его в обиду не дам. За брата глотку порву любому.

Слова были совсем детскими, но прозвучали очень уверенно, не по-девичьи, даже как-то мужественно. Дуня обернулась и внимательно посмотрела на Васю, устроившуюся на заднем сиденье. Хорошая девочка выросла у Антона, сильная, стойкая, настоящий боец. Интересно, это спорт сделал ее такой или от природы было заложено? Антон ведь тоже боец, столько горя пережил и не сломался, не запил, не опустил руки. После гибели жены растил двоих детей... Если бы на пути Василисы встретился такой вот Денис, разговор был бы коротким, даже края подшивать не пришлось бы. Аккуратный и точный взмах раскаленной на огне бритвой — и получается ровненькая оплавленная кромка.

Когда машина остановилась возле дома Сташисов, Роман вышел, чтобы довести девочку до самой квартиры. Дуня осталась одна и вдруг поняла, что объясниться с Ромкой — не самое трудное и не самое страшное. Самое страшное начинается сейчас: ожидание его ответа. До появления Васи времени едва хватило на то, чтобы сказать всё, что собиралась, потом они были втроем и разговаривали на отвлеченные темы. И вот сейчас Ромка вернется и... Спросит, куда ее отвезти. Или не спросит, просто повезет туда, где она живет с родителями. Что бы он ни сделал, что бы ни сказал — все окажется ответом. Нужно только правильно его услышать. И не умереть от отчаяния и стыда, если ответ окажется

отрицательным.

Она не заметила, как сжалась в комочек, ссутулившись и обхватив себя руками, и закрыла глаза. Щелкнула водительская дверь, в нагретый салон потянуло сырым холодным воздухом. Ромка вернулся. Ну вот, сейчас Дуня услышит свой приговор.

— Ты чего съежилась? Замерзла? Сделать обогрев посильнее?

Она медленно открыла глаза, выпрямила спину. Поправила ремень безопасности, больно врезавшийся в плечо.

— Ром, мне очень страшно.

Он невозмутимо завел двигатель и отъехал от тротуара.

— Я с самого начала сказал тебе: не бойся. Ничего не бойся. Если я тебя дождался — то я тебя дождался, и мы едем ко мне. Если не дождался, то отвезу тебя домой и буду ждать дальше. Вот и всё. Что тут страшного?

А ведь и в самом деле: что тут страшного? Почему-то, когда Ромка рядом, все проблемы кажутся вполне разрешимыми, а страхи стремительно уменьшаются в размерах.

— Ты живешь все там же или переехал? — спросила Дуня.

— Там же. Когда кого-то ждешь, лучше не менять дислокацию, чтобы тебя могли найти.

— Можно я не поеду домой? — робко выдавила она, чувствуя, что сейчас опять заплачет.

Он ничего не ответил, только улыбнулся.

* * *

Ну что ж, поездка заканчивается, все запланированное я выполнил и даже немного сверх того: обзавелся неожиданным помощником и единомышленником в лице ветерана МВД Назара Бычкова. После случайной встречи с его женой на закрытии конференции я позвонил ему, и все оставшееся время моего пребывания в Москве мы провели в обсуждениях и разговорах о моей затее. К моменту отъезда пришли к решению проводить отбор участников в два этапа: сначала провести со всеми желающими собеседование по скайпу, затем выбрать около двадцати самых подходящих и пригласить их на трехдневное пребывание в оговоренных условиях, понаблюдать за ними, проанализировать результаты и отсеять примерно половину. Оставшаяся половина будет приглашена на основное мероприятие. Конечно, десять человек мне не нужны, это слишком много, и обсуждения грозят перерасти в неконтролируемый базар,

но я прекрасно понимаю, что в течение первых же нескольких дней часть из них уйдет из проекта, не выдержав жесткого регламента. Если в результате останется человек пять-шесть, то это как раз то, что нужно, с учетом того, что кто-то и впоследствии может выбыть по болезни, из-за каких-нибудь внезапных обстоятельств или просто из нежелания продолжать.

— Пусть твой юрист наймет толкового администратора, который уже сейчас начнет делать сайт, — посоветовал Назар.

— Зачем? — удивился я. — Рано еще, у нас полгода впереди.

— В таком деле чем раньше, тем лучше. Знаю я этих молодых, они быстро загораются и так же быстро остывают, один ветер в головах. Пусть как можно больше людей прочитают информацию на сайте, заинтересуются и оставят заявку на собеседование. А мы укажем, что за неделю до собеседования нужно эту заявку подтвердить. От первичной заявки до подтверждения пройдет немало времени, очень многие передумают или вообще забудут, зато мы будем точно знать, что те, кто заявку подтвердил, действительно заинтересовались и не забыли.

Это звучало разумно, и я согласился.

— Не обольщайся, Дик, — сказал Бычков, — твоя затея будет мало кому интересна, хорошо если человек сто на всю страну зайдут на сайт, из них не больше тридцати оставят заявку, а подтвердят ее хорошо если двое-трое.

— Да не может быть! — не поверил я. — На сто пятьдесят миллионов найдется только сто человек, которым это может показаться интересным?

— Ну, интересным-то это много кому покажется, но это в основной своей массе будут люди неподходящие, то есть те, кто жил при советской власти и интересуется этим периодом либо с научной, либо с житейской точки зрения. Но они же нам не нужны, они по возрасту не проходят. А совсем молодых, которые захотят участвовать, наищешь. Так что не будем питать иллюзий, будем радоваться, если в итоге к собеседованию придут человек пять.

И снова пришлось согласиться с Назаром Захаровичем.

В аэропорт меня отвез Бычков. На прощание обнялись, и я с удивлением подумал, что за короткое время стал относиться к нему как к близкому другу.

— Если Бог даст — скоро вернусь, — пообещал я.

И с грустью подумал, что в молодости в подобных обстоятельствах я произносил только вторую часть фразы, нимало не сомневаясь в том, что обязательно вернусь. Может быть, не в точно оговоренный срок, если

мигрень в неподходящий момент подкосит, но вернусь непременно. Приеду туда, куда обещаю приехать. Встречусь с теми, с кем расстанусь.

Назар словно прочитал мои мысли, усмехнулся легонько.

— Что ж ты себя в старики записал, Дик? Хотя, возможно, ты и прав, Бог-то может и молодым не дать, у него на все свое усмотрение имеется, нам, простым смертным, неведомое.

— А ты разве себя не считаешь стариком? Мы ведь почти ровесники.

— Считаю, считаю, — закивал головой Назар. — И именно поэтому стараюсь успеть как можно больше, ибо осознаю, что осталось мало времени. Жадный я до жизни, до впечатлений, до мыслей, до людей, я всему открыт, а ты осторожный, закрытый и людей не любишь, в этом и разница между нами.

— Это плохо?

— Это отлично! — рассмеялся он и снова обнял меня. — Зачем мне человек, который похож на меня? Что нового я узнаю? Я вон на себя в зеркало гляну — и все знать буду. Из идентичности опыта не извлечешь, опыт извлекается только из различий.

Я ужасно устал в этой поездке в Россию: на фоне привычной уединенной жизни в маленьком городке в Голландии, на родине моей прапрабабки Эмилии, где я поселился много лет назад, огромная многолюдная Москва и необходимость разговаривать с разными людьми изрядно утомили меня. Но при этом уезжал я успокоенным и уверенным в успехе своего начинания. Юрист Андрей Сорокопят производит впечатление толкового, грамотного и обязательного человека. Назар Захарович, с которым мы со второй встречи перешли на «ты», умный, тонкий и надежный.

Вы спросите, какого черта я, тихо-мирно проживая в Голландии, ввязался во всю эту историю с Берлингтонами и завещанием Уайли — Купера? Почему вдруг я вспомнил о проекте своего эксцентричного предка Джонатана?

Да, я купил маленький домик в том городке, где когда-то родилась Эмилия, ставшая впоследствии женой Джонатана Уайли, но это не означает, что я перестал бывать в США. Напротив, я приезжал туда довольно часто, даже чаще, чем это было необходимо в связи с моей работой. Благодаря интернету почти все вопросы можно теперь решать заочно, начиная от получения заказа и подписания договора и заканчивая согласованием правок. Безусловно, это очень удобно для тех, кто по каким-то причинам не может или просто не любит путешествовать, но я — человек старой формации, и при всей моей нелюбви к общению и

разговорам я убежден, что личный контакт всегда дает лучшие результаты. Назар сказал, что я не люблю людей... Нет, это неправда. Я люблю людей, просто мне трудно выдерживать долгие разговоры. Впрочем, об этом я уже неоднократно упоминал. Скажем так: я люблю людей, но в небольших дозах. И очень доверяю своим впечатлениям, полученным именно при личном контакте, а не из переписки, из голосовых сообщений или по скайпу.

В один из своих приездов несколько лет назад я посетил фирму Берлингтонов, которая теперь уже носила длинное название, состоящее из фамилий не только основателей дела, но и двух старших партнеров. «Берлингтон, Берлингтон, Хоуп и Молинетти» — вот как это звучало. Но моими делами по старинной традиции всегда занимался кто-то из Берлингтонов. Уайли были клиентами фирмы около двухсот лет, мы стали почти родственниками.

На ту встречу я явился после очередного приступа и был еще вялым и бледным. С сочувствием глядя на меня, Берлингтон покачал головой:

— Похоже, ваши надежды на то, что с возрастом станет легче, не оправдываются.

— Вы ошибаетесь, — возразил я, — сейчас все намного лучше, чем раньше. В молодости это было просто ужасно, а теперь уже вполне терпимо, хотя, конечно, крайне неприятно и обременительно.

— Жаль, что вы не поддерживаете отношений со своей русской родней.

— Почему?

— Ну как же... Энтони стал врачом и довольно успешно лечит мигрень. Неужели вы не знали? Я был совершенно уверен, что вы в курсе.

— Энтони — это...

— Да-да, Антон, сын Ульяны, внук покойной Зинаиды.

— Я видел его всего один раз, когда они только-только приехали в страну. Он тогда был подростком. Больше я с ним не встречался.

— Да-да, конечно, — торопливо заговорил Берлингтон с извиняющимися интонациями, — я знаю, что вы не встречаетесь и не общаетесь, но я подумал, что вы знаете... Впрочем, не важно. Энтони успешно получил медицинское образование, он с самого начала был ориентирован на лечение именно мигреней, говорил, что в их семье это заболевание наследственное и ему очень хочется внести свой вклад в решение проблемы.

— И что, неужели удалось? — не удержался я от сарказма.

— Что удалось? Внести вклад? Полагаю, да. Во всяком случае, он

получил весомый грант от крупнейшей фармацевтической компании на свою новую разработку. Ричард, если бы вы не были таким упрямым и капризным, я бы познакомил вас с ним уже завтра. Завтра Энтони как раз будет здесь, он опять запутался с налогами, как, впрочем, и каждый год.

Первым моим побуждением было отказаться от знакомства. В то, что мой троюродный внук смог найти лекарство, помогающее при мигренях, я не верил, а чисто по-человечески он был мне не интересен. Однако, поразмышляв несколько секунд, я пришел к выводу, что ничего не теряю.

— Они до сих пор пишут записки? — равнодушно спросил я, чтобы чем-то заполнить паузу в попытках принять окончательное решение: знакомиться с родственником или все же не стоит.

— Представьте себе — да! — всплеснул руками Берлингтон. — Первые годы после приезда писали и Зинаида, и Ульяна, для них наши выплаты были очень весомым материальным подспорьем. Зинаида уже была слишком стара для того, чтобы ее взяли хоть на какую-нибудь работу, Энтони совсем ребенок, Ульяне требовалось время, чтобы освоиться, овладеть языком и показать себя в профессии. Она ведь была дизайнером по тканям, вполне преуспела у нас, но далеко не сразу. Потом у Зинаиды начало развиваться старческое слабоумие, и она перестала вести записи, но зато в процесс включился Энтони. Они представляют записи до сих пор, Энтони очень надеется в двадцатом году написать итоговую работу и получить причитающиеся автору миллионы, у него на эти деньги большие планы, он хочет создать собственную лабораторию или даже основать институт, в котором будут вестись разработки в области фармакологии.

— Подспорье? — переспросил я. — Насколько я помню, вы говорили, что деньги на их счете накапливались лет двадцать, то есть к их приезду сумма должна была получиться достаточно внушительной, чтобы безбедно жить хотя бы первое время.

— Так и есть, дорогой Ричард, так и есть. Но ваши родственники Лагутины оказались людьми очень предусмотрительными и расчетливыми, и в отличие от вас, мой друг, любили и умели строить долгосрочные планы. Они с самого начала думали о том, что мальчику нужно будет получать хорошее образование, а это стоит денег, в то время как Зинаида стареет и дряхлеет и очень скоро будет нуждаться в уходе или в приличном доме престарелых, что также весьма недешево. И еще неизвестно, сколько времени Улле придется работать на неквалифицированных работах, пока она сумеет показать себя как дизайнер. Репутация, заслуженная в Советском Союзе, в нашей стране не значит ничего, нужно все начинать заново. Они старались по возможности не прикасаться к тем деньгам на

счете, пытались обойтись социальными пособиями, заработками Уллы и нашими выплатами. Вы ведь с самой первой встречи дали им понять, что роль доброго дедушки играть не собираетесь и на вас рассчитывать не следует.

И я решился. Ни тогда, ни тем более сейчас не могу утверждать, что послужило главным толчком к моему согласию познакомиться с Энтони: то ли любопытство к людям, упорно вкладывающим силы и время в никому не нужный проект; то ли невольное уважение к их умению распорядиться деньгами и не спустить их сразу же на всякие глупые атрибуты красивой жизни, что так свойственно большинству иммигрантов из стран бывшего соцлагеря; то ли желание узнать о том, что нового произошло в практике лечения мигрени, так осложнившей и фактически сформировавшей всю мою жизнь. Но так или иначе, на следующий день я снова явился в офис Берлингтона.

И впоследствии ни разу об этом не пожалел.

* * *

Дедок, приехавший в аэропорт с американцем, вышел из здания терминала и уехал в своем черном джипе. Ну почему этим, на черных джипах, всегда везет больше, чем обыкновенным водителям на стареньких машинах?! К аэропорту подъехали одновременно, но в удобном месте перед самым входом в терминал удалось встать именно дедку: ровно за секунду до этого оттуда отъехал «Мерседес» с пассажирами. Ни одного пустого места поблизости больше не оказалось, и человеку в старой иномарке пришлось делать круг, чтобы потом въехать на подземную парковку. Краем глаза он успел увидеть, что дедок направился вместе с американцем в здание терминала. Значит, провожает, то есть несколько минут пробудет внутри, это как минимум, а то и дольше.

Он выбежал с парковки и рысцой добрался до дверей. Дедка с американцем заметил сразу, они стояли неподалеку от входа, разговаривали. Минут через десять распрощались, американец пошел в сторону стоек регистрации, дедок двинул к своей машине.

Торопиться бессмысленно, джип стоит у самой двери, и уже через три секунды дедок начнет движение в сторону выезда, ему даже не придется останавливаться у паркомата, чтобы оплатить стоянку, — он не вышел за пределы пятнадцати бесплатных минут. Добежать до подземного паркинга, выехать... Нет, бесполезно, все равно не успеть ему за шустрым дедом на

мощном джипе. Ну и ладно. И вообще, зачем ему этот дед? Ему нужен американец, а американец сейчас улетит куда подальше. Правда, за деда, может, заплатили бы дополнительно... Хотя вряд ли, так что можно сильно не напрягаться.

Но выезжать и в самом деле нужно поскорее, пока бесплатные минуты не истекли. Черт, как же задолбала эта нищета, когда считаешь каждую копейку и не можешь позволить себе ничего из «красивой жизни»! Ничего-ничего, все у него будет, нужно только дожидаться. Набраться терпения.

Международное шоссе забито машинами, Ленинградское тоже, особенно перед самым выездом на Кольцевую, движение медленное, автомобили больше стоят, чем едут, самое время позвонить и отчитаться. Навигатор показывает, что после Кольцевой по Ленинградке все движется в зеленом цвете, там уже не поговоришь по телефону, знай поглядывай во все стороны, чтобы тебя никто не зацепил в такую-то погоду: мокро, скользко, перед стеклами морось висит прямо в воздухе, да и темно уже. А если отложить звонок до прибытия домой, есть шанс снова нарваться на выволочку, почему, дескать, так долго не звонил. Конечно, послушать божественный голос он всегда рад, тем более этот голос потом и денег даст, а терпеть упреки, выволочки и скандалы он с детства приучен, его этим не проймешь. Но есть опасность, что если птичка, обладательница божественного голоса, останется недовольна его работой, то заплатит меньше. А у него уже такие планы на эти деньги... Такие мечты...

— Уехал твой американец, — сообщил он по телефону.

— Куда — не посмотрел? Домой или еще куда?

— Куда — не знаю, но точно из страны улетел. Внутренние рейсы на других стойках регистрируют, а он пошел к международным. Дедок его провожал.

— Дедок, дедок... — задумчиво протянул божественный голосок. — Кто же он такой, хотелось бы знать? Впрочем, ладно, не имеет значения. Пришли мне номер счета, я скину тебе первый транш.

— С ума сошла! — фыркнул он. — Откуда у меня счет-то? Его еще открывать надо. А потом в банке объяснять, откуда деньги, особенно если сумма приличная. У нас же не банки, а бешеные псы, любой кровно заработанный кусок хотят прямо изо рта выхватить. Нет уж, никаких банков.

— Тогда, может, и никаких денег не надо? — усмехнулась птичка.

— Это ты брось, — строго оборвал он. — Работа выполнена — работа оплачена, и никак иначе. Торопиться не будем, я краем уха слышал, как он дедку обещал скоро вернуться, так что я тебе еще понадоблюсь. А ты там

пораскинь мозгами, как мне наличку передать. Я куда скажешь подъеду, бешеному кобелю семь верст — не крюк, но чтоб бабки были налом в конвертике, поняла?

— Бешеный кобель... — рассмеялся божественный голосок. — Ну и самомнение у тебя. Ладно, я все поняла. Получишь свои деньги, не волнуйся.

А он и не думал волноваться. Заплатит. Потому что куда ж она без него денется? Кто ей поможет, если не он?

Хорошо работать, когда тебя ждет солидная оплата.

И мечтать о будущем богатстве тоже хорошо.

Только вот нищета задолбала.

Часть вторая

Зима, весна...

Еще издалека Дзюба заметил молодую женщину в форме с лейтенантскими погонами, топтавшуюся у двери в кабинет, который он делил с двумя другими оперативниками. В руках у нее был довольно объемистый пакет.

— Вы капитан Дзюба? — устало спросила девушка, когда он подошел.

— Да. Слушаю вас.

— Моя фамилия Масляева, я из Уфы, приехала в командировку по линии ЭКЦ. Мне сказали, что вы знаете полковника Бычкова.

— Назара Захаровича? — удивленно переспросил Роман. — Да его на Петровке все знают. В чем проблема-то?

Лейтенант Масляева смущенно улыбнулась.

— Понимаете... В общем, наш начальник УВД передал Бычкову посылку... Подарок... Ни номера телефона, ни адреса не дал, сказал: ты там спроси, тебе скажут. Вот я и спросила.

— И что вам ответили? — рассмеялся Роман.

— Что мне нужно найти капитана Дзюбу, такого рыжего, он с Бычковым постоянно контактирует и все про него знает. Вот я вас и искала. Вы мне поможете?

— Заходите.

Он отпер дверь и распахнул ее перед гостьей из Уфы. Масляева вошла, поставила пакет на пол и сразу села за один из столов, и по тому, как тяжело эта молодая женщина опустилась на стул, Дзюба понял, что она сильно устала. Наверное, с утра на ногах. А может, нездоровится, болит что-нибудь. Роман достал телефон, нашел номер Бычкова.

— Назар Захарович, у вас в Уфе есть кто-нибудь?

— В Уфе? Альмухамедов Сашка, начальник УВД, если еще не перевели куда-нибудь или вообще с должности не сняли, но вроде в прошлом году он генерала должен был получить. А что нужно? Помощь какая?

— Судя по всему, вашего Сашку еще не сняли, — хмыкнул Дзюба. — Он вам посылку передал, просил доставить. Вот тут у меня в кабинете девушка сидит, криминалист, на себе через три границы притащила.

— Да ну? А что в посылке?

— Не знаю, сейчас спрошу.

Он повернулся к Масляевой:

— Что в посылке?

— Я не смотрела, но генерал сказал, что мед, бальзамы какие-то на наших травах. В общем, все наше, башкирское, натуральное, для здоровья.

— Слышу-слышу, — раздался в трубке говорок Бычкова. — Тяжелый небось пакет-то, Сашка сам здоровенный, меры не знает. Как же она, бедолага, дотащила?

— Думаю, что с трудом. Так какие указания, дядя Назар? Девушку к вам посылать или как?

— Что ты такое говоришь, сынок? — возмутился Назар Захарович. — Разве этому я тебя учил? Девушкам тяжести таскать не положено, вредно это. Сам привези. Понимаю, ты занят, времени свободного у тебя не много, так ты уж сам выбирай, когда тебе лучше: сегодня у нас плов, невестка будет готовить свой фирменный, а послезавтра у нас большой мучной день, Элка сказала, что давно пирогов и кулебяк не было, так что планы у нее обширные.

— Сегодня и послезавтра... А завтра?

— Завтра, сынок, все тот же плов, только не с пылу с жару, а разогретый. Ты же знаешь, невестушка моя маленькими порциями готовить не умеет, у нее все с размахом, чтобы на всю махаллю хватило, она даже казан свой привезет специально.

Сын Бычкова был женат на уроженке Ташкента, которая плов делала так божественно, что блюдо не теряло вкуса, даже будучи разогретым в духовке на следующий день. Словом «махалля», обозначающим в Средней Азии целый квартал вместе с жителями, Назар Захарович обычно, когда говорил о невестке, заменял русскоязычное выражение «на роту солдат».

— Тогда я приеду завтра, если можно, — решил Дзюба.

Лейтенант Масляева даже не пыталась скрыть радость, когда узнала, что ей не придется никуда ехать и — главное — не нужно больше таскать с собой этот ужасный огромный пакет. Роман попробовал подарок на вес и ужаснулся: как можно было заставить женщину везти такую тяжесть!

Одним словом, ситуация разрешилась к всеобщему удовольствию: полковник Бычков получит посылку, лейтенант Масляева избавится от ноши и обязательств, а капитан Дзюба повидается с человеком, которого уважает, любит и считает своим учителем. И заодно вкусного плова поест.

В своих ожиданиях Роман не обманулся: плов и впрямь оказался восхитительным даже в разогретом виде. К жене Бычкова пришел ученик — она подрабатывала репетиторством, давая уроки французского или обучая русскому языку тех, кто говорил преимущественно на хинди, английский знал плохо и не мог выучить русский с теми преподавателями, которые вели обучение на английском. Назар Захарович с интересом расспрашивал о происходящем на Петровке и с не меньшим интересом слушал то, чем Дзюба хотел поделиться, касалось ли это работы или личной жизни.

После плова пили зеленый чай «вприглядку», ничего такого, что подают обычно к чаю, в доме не оказалось.

— Эх, жалко, что ты сегодня приехал, а не завтра, — сокрушался Бычков. — Плов еще остался бы, его видишь, сколько наверетенили — за неделю не съесть, зато завтра были бы пироги. Элка хотела сегодня испечь, когда узнала, что ты приедешь, но не успела, работы много.

— А я специально выбрал день, когда пирогов нет, — смеялся в ответ Роман. — Мне худеть нужно, а я ж не смогу пироги не попробовать, у меня политической воли на это не хватит.

— Для чего тебе худеть? — недовольно ворчал Назар Захарович. — В тебе жира — кот наплакал, сплошная гора мышц.

— Кот оказался сентиментальным и плакал с утра до вечера, — отшучивался капитан.

Лишний вес у него действительно был, пусть и немного, но был. Внешне Роман Дзюба выглядел просто очень накачанным, но сам он был убежден, что процент жира в его крепком тренированном теле превышает норму, и почему-то его это обстоятельство тревожило и раздражало. Впрочем, борьбу за сжигание жировых отложений он вел нерегулярно, то по несколько месяцев вообще не задумываясь о том, что он ест, и запихивая в себя все, что доступно в момент острого голода, особенно в командировках, то впадая в неистовый аскетизм и питаясь исключительно по принципу «либо мясо-рыба-сырые овощи, либо ничего». Но чаще всего имели место периоды спокойные, когда отсутствовал фанатизм, но присутствовал разумный выбор, основанный на представлении о том, что рис с мясом — это не очень хорошо, но можно, и пироги — тоже нехорошо, но можно, если в умеренных количествах, а вот и то и другое вместе — совсем плохо и никак нельзя. С таким подходом сбрасывать вес, конечно, не удавалось, но он хотя бы не прибавлялся.

Около десяти вечера Роман собрался было уходить, ему хотелось вернуться домой до одиннадцати, чтобы успеть еще провести время с

Дуняшей, которая по утрам вставала в 6 часов и к полуночи обычно начинала засыпать на ходу. Они снова жили вместе, но Денис не переставал преследовать бывшую возлюбленную, хотя теперь Дуня переносила его выпады намного спокойнее и уже не огрызалась в ответ, а даже шутила. Почти ежедневно Роман ловил себя на желании немедленно найти этого Дениса и поговорить с ним «по-мужски», но уже через минуту он понимал, что это глупо и ни к чему не приведет, кроме очередного витка насмешек и издевательств со стороны отвергнутого любовника. Такие типы питаются чужими негативными эмоциями: страхом, неуверенностью, чувством вины, тревогой. Чем более сильные негативные эмоции испытывает объект, тем он желаннее, притягательнее. Чем человек спокойнее, увереннее в себе и веселее, тем меньше интереса он вызывает у подобных Денисов. Можно, конечно, применить к нему насилие, хоть физическое, хоть психологическое, запугав всякими угрозами, но для Дениса это будет означать только одно: Евдокия настолько деморализована, напугана и ослаблена, что прибегла к посторонней помощи, сама уже не справляется, то есть в данный момент представляет собой идеальную жертву, на которую можно и нужно продолжать свою психопатологическую охоту. Ситуация станет только хуже, если Дзюба вмешается.

— Мне пора, дядя Назар.

Роман поднялся из-за стола и уже сделал шаг в сторону прихожей, когда из стоящего на подоконнике открытого ноутбука раздался сигнал вызова по скайпу. Бычков посмотрел на экран и сделал знак рукой: мол, подожди, мне нужно ответить, я быстро. Дзюба вернулся на свое место за столом и слегка прищурился, чтобы разглядеть лицо на экране. Какой-то пожилой дядька в кардигане толстой вязки, надетом поверх шерстяного свитера.

— Добрый вечер, Назар, — сказал дядька в кардигане с очень сильным акцентом.

— Доброго здоровья, Дик. Какие у нас новости?

— Я только что говорил с юристом. После проработки всех вопросов мы отбросили сомнительные варианты, осталось только два предложения, но очень надежные, с хорошей административной поддержкой. Мне нужен твой совет: какой из двух вариантов предпочесть?

— Рассказывай.

Бычков снова сделал жест в сторону Романа, дескать, получится чуть дольше, чем я предполагал, но ты все равно подожди, пока мы закончим. Роман посмотрел на часы и вздохнул: пять минут одиннадцатого. Ну ладно, две-три минуты погоды не сделают. Он вынул телефон, посмотрел пробки

на карте и начал набирать сообщение Дуняше: «Через 5 минут выхожу, пробок нет, к 11 буду дома».

— ...между поселком и городом большое озеро и огромные леса...

Звякнул сигнал — Дуня прислала ответное сообщение: «Плов состоялся? Или ты голодный? Ужинать будешь?» Роман быстро ответил: «Плов был. Буду только чай».

— ...важно, чтобы это был жилой фонд, юрист сказал, что в противном случае нам не дадут разрешения, — продолжал вещать человек, говоривший с акцентом.

— Это правильно твой юрист сказал, так и есть, — кивнул Бычков.

— Оба дома стоят в плане на капитальный ремонт, жителей будут выселять в строящиеся дома в новом районе, но окончание строительства предполагается только в конце лета. Местная администрация уверена, что если договориться со строительной компанией насчет дополнительных инвестиций, то они закончат раньше, и к июню людей можно будет переселять...

Дзюба услышал, как в прихожую вышли Элеонора и ее ученик. Наверное, нужно воспользоваться моментом и уйти вместе с ним. Или с ней... Роман поднялся и выглянул из комнаты. Ученик действительно оказался ученицей. Худенькая, какая-то прозрачная девочка школьного возраста неловко шнуровала высокие зимние кроссовки на меху. Ну вот о чем думают родители, вынуждая такую кроху возвращаться от репетитора в одиннадцатом часу вечера!

— Привет, — вполголоса проговорил Роман. — Ты далеко живешь? Тебя проводить?

Девочка подняла голову и очень серьезно посмотрела на него, потом начала отвечать четко и последовательно:

— Здравствуйте. Я живу далеко. Меня не нужно провожать, за мной папа приехал, он ждет внизу в машине.

Она натянула белоснежный пуховик с капюшоном и выскользнула за дверь.

— Забавная девочка, — заметил Роман. — Почему она так странно разговаривает? Как робот, а не живой человек.

Элеонора тихонько рассмеялась.

— Это она после урока еще не перестроилась. Я заставляю ее говорить полными фразами, а не обрывками, как обычно бывает в разговорной речи. А что, ты в самом деле решил, что ее нужно проводить?

— Ну да. Поздно ведь. А она маленькая совсем.

— Она не такая уж маленькая, ей пятнадцать, просто росточком

невелика. Ты же знаешь, теперь детей стараются даже днем одних не отпускать.

Она прислушалась к доносящимся из комнаты голосам.

— С кем там у Назара опять совещание?

— Какой-то Дик, — пояснил Роман и добавил: — Который с акцентом говорит. Я уже собрался уходить, но дядя Назар попросил подождать, пока он закончит.

— А-а, Дик... Ну понятно. Это может быть надолго. Вообще-то история и в самом деле любопытная. Назар тебе не рассказывал?

— Нет, мы все больше о своем, о разыском болтали, нового начальника обсуждали.

— Тогда пойдем на кухню, я выпью чайку и расскажу. Все равно тебе нужно ждать, раз Назар просил.

Жену Бычкова Роман знал очень давно, с тех самых пор, когда еще будучи слушателем Университета МВД регулярно приезжал домой к своему преподавателю и всегда удивлялся редко встречающемуся умению Элеоноры изложить длинный текст или пересказать суть сложной истории в двух-трех фразах. «У меня с юности сформирован и отточен навык реферирования, — со смехом объясняла она. — Я еще в школе этим подрабатывала». Элеоноре Лозинцевой хватило пяти минут, чтобы заварить чай и поведать о странной затее Ричарда Уайли, к осуществлению которой привлечен и ее муж.

— Знаешь, Рома, в этой истории есть какая-то волшебная притягательность, — задумчиво проговорила она в заключение. — Все до единого, кто о ней слышит, говорят, что это полный идиотизм. И при этом ни один человек в итоге не отказался помочь.

— Может, дело не в истории и не в проекте, а в самом Уайли? — предположил Роман. — Ну, обаяние там, харизма какая-нибудь, еще что-то в этом роде...

— Да нет, не похоже. Я же с ним общалась, он самый обычный мужчина на восьмом десятке, никакого особого обаяния в нем нет, умения уговаривать и убеждать тоже не наблюдается. Просто старый одинокий чудаковатый переводчик, ничего особенного.

— Это кто тут старый? — раздался голос Бычкова. — Я, что ли?

— И ты тоже, — усмехнулась Элеонора. — И я за компанию. Давай отпускай Рому, он торопится, ему ехать надо, а ты совещание затеял. И не трать время, я Роме уже все объяснила.

— Пойдем, сынок, пойдем, — заторопился Бычков. — Ты одевайся, а я быстренько два слова тебе скажу.

Дзюба рванул в прихожую и начал торопливо натягивать куртку и засовывать ноги в тяжелые ботинки на толстой подошве.

Конечно, в два слова Назар Захарович не уложился, до супруги ему в этом искусстве далеко. Но все равно Роману Дзюбе было о чем крепко подумать по дороге домой. Да, затея более чем странная, чтобы не сказать — дурацкая. Но Дуне это действительно может помочь.

* * *

«Ну ты и дура, — не уставала повторять Маринка. — Ну что за специальность ты себе выбрала? Этнохудожественное творчество! И кем ты будешь? Руководителем любительского творческого коллектива! И с такой работой ты собираешься устраивать свою жизнь? Для чего я тебя из нашей дыры сюда вытаскивала? Чтобы ты в колледже культуры училась? Ничего умнее не могла придумать?»

Первые несколько месяцев Наташа вступала в дискуссию, пыталась что-то объяснить подруге, вместе с которой снимала комнату у хозяев, потом перестала отвечать, замолкала и уходила в свой угол. Садилась на диван, вставляла наушники и отгораживалась. Слушала лекции в интернете, смотрела кино, читала обсуждения на форумах, иногда, очень осторожно, пыталась принять участие в дискуссиях, но быстро отступалась, сознавая, что многого не понимает и должными познаниями не обладает. Слушала любимые песни или просто думала.

Квартира была двухкомнатная, жильцов — пятеро. В большой комнате обосновались три женщины, работающие в кулинарном цехе самого большого в городе супермаркета, веселые, горластые, шумные, любительницы выпить вина и громко похохотать над анекдотами из интернета, но зато маниакально аккуратные, все места общего пользования мыли сами и ежедневно, а когда Маринка и Наташа заикнулись насчет очередности, мол, так будет справедливо, женщины ответили:

— Не парьтесь, девчонки, вам учиться надо и женихов искать, вот и занимайтесь делом. Мы-то своих мужиков приладили в ремонтную бригаду на выезде, а сами — сюда, тоже денежки зарабатывать. То есть главное дело своей жизни мы спроворили, мужей нашли и к работе приставили, теперь ваша очередь, а мы будем вам условия создавать. Вот и будет справедливо.

Девушек это более чем устраивало: кому охота в двадцать лет мыть полы и драить раковины и унитазы? А то, что по вечерам, а порой и по

ночам за стеной веселье, так вполне можно перетерпеть. Маринка — та вообще до глубокой ночи тусуется со своей компанией или проводит время с кавалерами, которых у нее множество, а Наташу шум не беспокоит, ее спасение — наушники и песни.

Она всегда была странной. С самого детства. «Дикая ты у меня, — вздыхала мать, — тебе бы пообтесаться, а то ведь никто с тобой дружить не станет». А отец сокрушался: «Нет у тебя в голове того места, которым понимают. Ну ты посмотри, как все живут. Неужели непонятно, по каким правилам все устроено?»

Наташе было непонятно. Вернее, она понимала, что есть правила, и все устроено в жизни именно по этим правилам, но они ей не нравились. Ну вот просто категорически. Она не понимала, зачем эти правила придумали и почему нужно обязательно жить по ним, а не как-то иначе. Разве эти правила делали жизнь интереснее? Легче? Отец неплохо зарабатывал, конечно, не по столичным меркам, но в их поселке считался тем, что принято называть средним классом, из рейсов привозил хорошие модные вещи, которые мать с радостью носила, а Наташа равнодушно откладывала в сторону и надевала только после настоятельных требований родителей, дескать, что о нас люди подумают, скажут, что у нас ребенок черт знает как одет.

Когда все девчонки в классе начинали обсуждать какую-нибудь модную книгу, фильм или песню, Наташе становилось скучно. Она честно пробовала это прочитать, посмотреть или послушать и бросала, не дойдя даже до середины. Ей не нравилось. Она любила книги. И кино любила. И песни тоже. Но — другие. Совсем другие. И никому не могла объяснить, почему любит их и почему не любит то, что любят все ее ровесники. Не могла не потому, что не хотела или пыталась что-то скрыть. Она просто сама не понимала.

Над ней не смеялись и не издевались, потому что училась она хорошо и всегда давала списывать, а на физкультуре, длинноногая и гибкая, показывала лучшие результаты в легкой атлетике и гимнастике. Но дружить с ней никто не стремился, хотя и относились вполне дружелюбно. Тем более удивительным показался тот факт, что в девятом классе Наташу вдруг начала приближать к себе Марина, признанная первая красавица или, как теперь говорят, самая популярная девочка. Маринка при всей своей несомненной внешней привлекательности никогда не блистала умом и способностями, но была доброй, щедрой и начисто лишенной завистливости.

— Не могу видеть, как такой товар беспонтово пропадает, — заявила

она Наташе. — Ты же красотка! И прикид у тебя кульный. Ты можешь таких парней отрывать — все лопнут от злости! А ты сидишь, как курица, и глазами хлопаешь. Вот я за тебя возьмусь, ты у меня еще за олигарха замуж выйдешь.

Наташа тихо улыбалась, с благодарностью принимая заботу «самой популярной девочки». Ей так хотелось быть как все, быть со всеми, в одной стае, в одной команде. И при этом не хотелось быть такой, как все. Ей не интересно было быть похожей на ровесников и одноклассников, и в то же время так горько и неуютно быть всегда одной... Вот как здорово было бы, если бы пусть не все, но хотя бы многие, ну ладно, хотя бы некоторые были такими же, как она, и приняли ее в свой круг. Но таких почему-то не находилось. А она так устала от одиночества...

Дружба с Маринкой была ценностью, неожиданным подарком, и Наташа не хотела ее терять, поэтому старательно следовала ее примерам и наставлениям, изо всех сил делая вид, что ей нравится и интересно. «Нужно приспособиться, — твердила она себе. — Нужно быть как все». Одно время, уже в одиннадцатом классе, Наташе даже показалось, что она полностью освоилась и стала в Маринкиной компании вторым человеком, то есть следующим после лидера — самой Маринки. Одета Наташа была не хуже других, а порой и удивляла новых подружек самой модной вещичкой, да и карманных денег у нее всегда было достаточно, чтобы заплатить не только за себя, уж в этом-то отец ее не ограничивал.

— Сдадим экзамены и дернем отсюда, — строго предупреждала Маринка. — Здесь нам ловить нечего, мы с тобой красавицы и умницы, нам в большой город нужно, там можно хвост поймать.

— Какой хвост? — не поняла Наташа.

— Любой. Лишь бы за него ухватиться и долететь до Москвы, а там и до Европы. Вот где настоящая жизнь! Вот где масса возможностей! А в нашей дыре мы протухнем — даже «мяу» сказать не успеем.

Слова о Москве и Европе Наташу не вдохновляли: там жили по тем самым правилам, которых она не понимала. Для Маринки Москва означала столицу, где крутятся большие деньги и по улицам толпами ходят миллионеры, которых ничего не стоит «подцепить», а Европа — просто райское место, куда все мечтают уехать, потому что только там есть настоящая жизнь, как в кино. Наташе хотелось уехать просто в город, в любой город, в котором сотни тысяч, если не миллионы жителей. Если в их поселке, довольно большом, к слову, у нее не нашлось единомышленников, то уж в крупном городе они отыщутся наверняка. Да ей ведь не так уж много и нужно, всего один человек, который чувствовал бы так же, как она

сама. Они будут вместе, вдвоем, и уже не так страшно, и совсем не одиноко, и притворяться не нужно.

— Мы с тобой будем поступать на гостиничный менеджмент, — решила Маринка. — Отели — самое то, что нам нужно для наших целей. Там что ни гость — то хвост, главное — уцепиться, и покрепче.

В городе Наташе стало совсем неуютно и как-то тревожно, и она послушно двигалась вслед за активной целеустремленной подругой, опасаясь сделать шаг в сторону. Маринка знает, что делать, она приспособленная, она понимает, как надо.

В колледж поступили легко, учителя в их поселковой школе были действительно хорошими, и даже Маринка с ее более чем посредственными, по школьным меркам, знаниями была на курсе почти звездой. Впрочем, эта красивая и яркая девушка становилась звездой всюду, где появлялась. Наташа продолжала стараться, чтобы не обмануть ожиданий подруги, и мучительно зубрила отрывки из текстов модных рэперов, чтобы не уронить планку и соответствовать. Делала макияж, глядя на фотографии в глянцевых журналах. Читала бесконечные длинные обсуждения на форумах, чтобы «быть в курсе», а заодно научиться писать комментарии таким же языком, как все. Заставляла себя по делу и не по делу вставлять «ИМХО» и пользоваться смайликами. Одним словом, честно прилагала усилия. Даже свои любимые песни слушала намного реже. Сначала очень тосковала по ним, потом показалось, что тоска ослабела, а в том, что нужно было слушать по Маринкиному протоколу, Наташа даже стала обнаруживать нечто привлекательное.

В общем, жизнь вроде бы налаживалась. Маринка, само собой, с первого же дня обзавелась поклонниками и раза два-три в неделю ночевала то у одного, то у другого. А тут и Наташа начала встречаться с неплохим вроде бы парнем, симпатичным и неглупым.

— Смотри, — предупреждала многоопытная Маринка, — не влипни. Это не тот хвост, который нам нужен. Это так, для настроения, чтобы квалификацию не потерять. Ну и чтоб скучно не было.

«Не влипни» означало «не залети», а влюбляться Маринка разрешала. Впрочем, в своего парня Наташа и влюблена-то не была, просто он ей нравился, и казалось, что с ним можно разговаривать не только о том, о чем принято по Маринкиному стандарту. Опять же: наличие кавалера лишний раз подтверждало, что она — как все, не хуже других. Но иллюзия довольно быстро испарилась, когда Наташа, гуляя с парнем по весеннему городу, попробовала процитировать несколько строк из своей любимой песни:

*Если вы знаете — где-то есть город, город,
Если вы помните — он не для всех, не для всех.
Странные люди заполнили весь этот город,
Мысли у них поперек и слова поперек,
И в разговорах они признают только споры,
И никуда не выходит оттуда дорог...*

В ответ она получила презрительно-недоуменный взгляд.

— Это что за отстой?

— Это очень красивая и грустная песня, — дрожащим голосом ответила Наташа, чувствуя, как глаза наливаются слезами.

Она уже все поняла и знала, что не нужно больше ничего объяснять, нужно просто повернуться, уйти и больше никогда не встречаться с этим симпатичным и неглупым парнем. Но она не могла позволить, чтобы человек, для которого успешность измеряется числом лайков к его постам и фотографиям, называл «отстоем» стихи, от которых у нее дрожала внутри каждая струна.

— Эту песню написал Юрий Кукин, он был очень известным бардом, — в отчаянии выпалила Наташа. — И я очень люблю его песни. Если ты смеешь называть «отстоем» то, в чем ничего не понимаешь, то до свидания. И не звони мне.

И только после этого развернулась и побежала к остановке автобуса. Парень не стал ее догонять. И больше не звонил.

А в Наташе словно что-то переломилось в этот день. Вернувшись домой, она бросилась на свой диванчик, достала плеер с наушниками и заплакала, слушая свое любимое, привычное с детства и словно бы преданное в ее нынешней жизни:

*...И в тайге гремющий выстрел
Ранил птицу и меня.
Думал — все во мне уснуло,
Не важны ни боль, ни смысл...
Защемило, затянуло
В печь осеннего огня...*

«Вот точно как я, — думала девушка. — Тоже ведь думала, что во мне все уснуло, что ни чувства, ни смыслы не важны, и я могу быть такой, как все, такой, как надо, как хочет Маринка. Оказалось — не могу. Чувствую

себя той самой раненой птицей».

А песня продолжалась, и Наташа тихонько пела вместе с автором:

*Уезжал в зеленый омут,
Убегал в волшебный город,
И в прыжках сквозь арки радуг
Сам себя тренировал.
Знал же, знал, что не поможет,
Приобрел ненужной ложью
Пустоту ночей бессонных
И восторженных похвал...*

«И я врала, притворялась, старалась... Ломала себя. Зачем? Не хочу больше. Не буду. Хватит».

Решение пришло внезапно и так ясно, что Наташа даже в первый момент удивилась. На следующий день забрала документы из колледжа и перестала ходить на занятия, а летом поступила в колледж культуры на специальность «Этнохудожественное творчество». Среди тех людей, с которыми ей придется впоследствии работать, наверняка не окажется тех «хвостов», за которыми гоняется Маринка, эти люди будут другими, не такими, как вся эта Маринкина тусовка. Люди, которым интересно в свободное от работы время заниматься изучением и сценическим воплощением народного поэтического и музыкального творчества, обрядов и танцев, просто не могут быть такими же, как те, которые с утра до вечера ищут и ловят пресловутые «хвосты», пишут хамски-разнузданные комментарии на интернет-форумах и исступленно считают лайки под своими фотками в Инстаграме.

Маринка, ясное дело, ее не одобрила. Ругалась, скандалила, требовала восстановиться в прежнем колледже и начать посещать занятия, так прошло два месяца, потом наступило лето, Наташа поступила в колледж культуры, и Маринка махнула рукой. Но от первоначальной цели не отступилась, периодически пытаясь вразумить непокорную и странную подругу, которую воспринимала как младшую неразумную сестру, нуждающуюся в опеке и покровительстве.

Вот и сегодня она снова завела свою песню:

— Ладно, учись где хочешь, но ты должна понимать, что этой своей этнографией ты денег не заработаешь и нормальной жизни не построишь. Хочешь всю эту народную муть — пожалуйста, но жить-то ты на что собираешься? На свою убогую зарплату? Хвост нужен, пойми это наконец!

Нужен папик, который тебя всем обеспечит, а там — хоть пой, хоть пляши, хоть баллады со сцены читай. Ну почему ты такая тупая и упрямая?

Тихо улыбаться и не отвечать уже вошло в привычку. Да и что тут ответишь?

— Ты что, не понимаешь, как жизнь устроена? — продолжала вещать Маринка, нанося на ресницы тушь: она собиралась с компанией в ночной клуб. — У тебя есть мегаценный товар: молодость и красота, и его нужно продать в хорошие руки и подороже. Вот твержу тебе, твержу... Да выдерни ты свои наушники в конце-то концов! Я что, в пустоту говорю?

Она не умолкала все то время, пока красилась, одевалась и вертелась перед зеркалом. Наконец попытка воспитанием закончилась, Маринка убежала.

Оставшись одна, Наташа вспомнила, что уже несколько дней не читала форум, посвященный культуре периода оттепели. Народ на форуме собирался серьезный, ни одного голословного утверждения себе не позволял, все доводы и соображения, а также факты чаще всего подтверждались ссылками, переходя по которым можно было прочесть множество интереснейших материалов о той жизни, в которой хотела бы существовать и сама Наташа. «Почему я так поздно родилась? — горестно думала она. — Мне нужно было родиться в пятидесятые годы, сразу после смерти Сталина, тогда бы я как раз успела туда, куда мне нужно. Невезучая я».

И вдруг глаза ее наткнулись на рекламу: «Хотите вернуться в 1970-е? Добро пожаловать на наш сайт». И адресная ссылка. Наташа перешла по ссылке и начала читать.

Через полчаса она закончила оформлять заявку на участие. Конечно, она невезучая, поэтому вряд ли пройдет отбор, тем более он такой сложный и долгий. Но, с другой стороны, почему нет? Она соответствует всем критериям: возраст 19–27 лет, в браке не состоит, детей не имеет, хронических заболеваний нет, интересуется периодом 1970-х годов. Ни профессия, ни образование в качестве условий не указаны. Попытка — не попытка, в конце концов. Жаль только, что ждать еще три месяца. Ну ничего.

*...И опять лицом в подушку,
Ждать, когда исчезнут мысли...
Что поделать... Надо, надо
Продержаться как-нибудь...*

Вот и Кукин говорит, что надо как-то продержаться. Она продержится,

она терпеливая. И упрямая.

* * *

Когда-то Дуня любила все времена года, в каждом находя особую прелесть. И никакую погоду не считала плохой. Жара — отлично! Дождь — весело, а если с грозой — то вообще прикольно! Мороз — замечательно! Она любила жизнь и умела искренне радоваться каждому ее проявлению и каждой прожитой минуте. И еще у Дуни было врожденное умение расставлять приоритеты. Она интуитивно понимала, что важно, а что второстепенно, что главное, а что — малозначительное. Именно это ее качество когда-то в одну секунду сразило Романа Дзюбу. Она тогда работала в ломбарде, а Ромка раскрывал какое-то убийство и пришел к ней с вопросами. Дуня очень старалась помочь, а когда Ромка удивленно спросил, почему она с такой готовностью делает даже больше того, о чем он просит, ответила: «Когда человека убивают, мне кажется, неприлично считаться, кто что должен и что не должен, все должны дружно взяться за руки и помогать друг другу, чтобы найти преступника. Разве нет?» В этих словах была вся сущность Дуни.

Да, так было когда-то. До того, как она встретила Дениса и влюбилась до самозабвения. Влюбленность прошла быстро, а вот последствия давали о себе знать до сих пор. И никакая погода уже не радовала. И весна не радовала. Если раньше Дуня, обладавшая острым обонянием, улавливала самые первые малейшие запахи тающего снега, мокрой земли с подгнившими за зиму листьями, нагретого внезапным солнышком асфальта и наслаждалась ими, то теперь она чувствовала только запах гари и выхлопных газов, а спустившись в метро, отмечала запахи несвежей одежды и немытого тела. Отмечала равнодушно, не морщась и не раздражаясь. Необходимость продержаться, выстоять перед манипуляциями Дениса отнимала у нее все силы. Она это понимала. И Ромка тоже это понимал, и от осознания этого Дуне становилось еще более стыдно: мало того, что она причинила Роману такую боль, так теперь она еще и вынуждает его терпеть ее слабость, смотреть на ее посеревшее лицо и потухшие глаза.

Выходя с работы, она посмотрела на себя в зеркало. Да, так и есть, ничего не изменилось с утра. По пути домой нужно зайти в магазин, купить... Что она хотела купить? Ведь утром, заглядывая в холодильник, она вроде бы даже план составила, что будет готовить в ближайшие дни, но

к концу рабочего дня все забыла. И не потому, что сильно устала на работе, нет, все как обычно. Просто если по утрам у нее еще бывает хоть капля прежнего куража, вкуса к жизни и желания сделать сегодняшний день лучше вчерашнего, то к вечеру Дуня превращается в безвольную куклу без всяких желаний, стремлений и интересов. Каким-то образом Денису удалось сломать ее. Интересно, можно ли куклу починить или поломка уже неисправима? «А как же Ромка? — мелькнула в голове испуганная мысль. — Он ждал меня. Он верил, что рядом с ним будет прежняя Дуняша, которую он так любил. И любит по-прежнему. Он переступил через мужскую гордость, через самолюбие, не прогнал меня поганой метлой, когда я заявила к нему со своими объяснениями. Он видит, что я не такая, как прежде, но верит, что меня можно починить. И я не должна его подвести, обмануть его ожидания. Он столько сил вкладывает в то, чтобы мне помочь, а ведь ему самому нужна помощь: не так-то просто жить рядом с выпотрошенной бесчувственной игрушкой. Впрочем, почему бесчувственной? Я много чего чувствую. И Ромку очень люблю. Очень. Я понимаю, что нельзя оставаться такой, какая я сейчас, это неправильно и по отношению к Ромке, и по отношению к собственной жизни. Но что же делать, если у меня нет сил меняться... У меня ни на что нет сил...»

Она брела к метро, опустив голову и глядя под ноги, и не заметила, в какой момент появился Роман. Он просто возник ниоткуда и молча шел рядом. Спohватилась Дуня, когда сработало обоняние: сквозь городские запахи пробился едва уловимый запах Ромкиной туалетной воды. Она повернула голову и увидела такое родное лицо, спокойное, с легкой улыбкой. Обрадовалась так, что захотелось расплакаться.

— А я все высчитывал: когда же ты меня заметишь?

— Ты меня встречаешь? Или по делу приехал в этот район?

Роман крепко ухватил ее за локоть и вывел из потока людей, вливающих в бурлящий зев подземного перехода, где находился вход в метро.

— У меня еще много работы сегодня, приду очень поздно, а вот образовалось окно и до девяти вечера я совершенно свободен, — улыбнулся Роман. — Давай посидим где-нибудь. Хочу обсудить с тобой один вопрос.

«Это конец, — обреченно подумала Дуня. — Он не хочет говорить об этом дома, выбрал нейтральную территорию, чтобы в конце неприятного разговора легче было уйти. Из дома уходить куда тяжелее, это понятно. Ему надоело видеть мою постную рожу. Ему надоело меня утешать и поддерживать. Он больше не хочет жить вместе со мной. Его можно

понять».

— Конечно, — кивнула она и покорно пошла в сторону кафе.

Народу в кафе было много: сюда любили приходить после работы сотрудники организаций, находившихся в том же огромном офисном здании, где располагалась фирма, в которой работала Дуня. Роман заказал для себя полноценный ужин, ведь работать придется до глубокой ночи, и покачал головой, услышав Дунино: «Мне, пожалуйста, яблочно-морковный сок и порцию ягод».

— Совсем аппетита нет? — сочувственно спросил он. — Таешь на глазах. Не дело это, Дуняша. Нужно что-то предпринимать.

«Так и есть, ему надоело. Сейчас скажет, что мне нужно вернуться к родителям. Или что нам имеет смысл пожить отдельно».

— Например, что?

Она подняла на Романа усталый взгляд.

— Ты хочешь предложить расстаться на время? Или навсегда?

Он снова покачал головой, на этот раз укоризненно.

— Начнем с того, что я не собираюсь с тобой расставаться вообще. Никогда. Вернее, я бы этого не хотел, а там уж как сложится. Но речь не об этом.

— А о чем? Ты хочешь, чтобы я обратилась к психологу или к психотерапевту?

Теперь Роман рассмеялся от души.

— Ну у тебя и замашки, Евдокия! Этого моя зарплата даже вместе с твоей не вынесет. Но в чем-то ты, безусловно, права: эмоциональное истощение у тебя налицо. И мне кажется, что для тебя было бы неплохо сменить обстановку.

— От себя не убежишь, — удрученно вздохнула Дуня. — Сто раз проверено. И во всех книгах написано.

— А я и не предлагаю убегать. Убегать от себя обычно означает попытаться полностью и навсегда изменить жизнь: город, работу, окружение. Уехать вместе с тобой я не готов и расстаться с тобой тоже намерения не имею. Но можно попробовать использовать время твоего отпуска на то, чтобы переключиться.

— Ничего не изменится до тех пор, пока вот это, — она кивнула на телефон, лежащий на столе рядом с ее тарелкой, — не прекратится.

— А оно как раз и прекратится. Есть вариант провести месяц в условиях полного отсутствия сотовой связи и интернета. И при этом голова у тебя будет занята совершенно необычной работой.

Официант принес заказ, и оба замолчали, ожидая, пока снова

останутся одни.

— Я не очень понимаю, о чем ты говоришь, — осторожно начала Дуня, — но я не вижу разницы между отсутствием мобильных и гаджетов и ситуацией, когда просто меняешь телефон и профили в сетях. Я ведь объясняла тебе, почему не считаю это приемлемым.

— Разница огромная. Не использовать прежний номер телефона и не использовать мобильный телефон вообще — далеко не одно и то же. Точно так же, как «не включать компьютер» и «не пользоваться компьютером».

— Все равно не поняла. Ромка, ешь, пожалуйста, у тебя же все остывает.

Ей стало легче, когда она осознала, что речь пойдет вовсе не о том, чтобы расстаться, и Дуня даже взяла из стеклянной креманки несколько крупных иссиня-черных ягод ежевики, щедро засыпанных сахарной пудрой.

— Все дело в наличии возможности, пусть даже чисто теоретической, — пояснил Роман. — Это мне Сташис давно говорил, но до меня только сейчас дошло. Вот смотри: допустим, ты принимаешь решение не заходить в соцсети и использовать компьютер только для работы, потому что ты вдруг понимаешь, что проводишь в сетях слишком много времени и ничего толком не успеваешь из-за этого. Благое намерение, и ты с утра, бодренько так, даешь себе слово свое решение выполнять. После чего каждые пять секунд начинаешь думать: а что там, в сетях-то? А вдруг что-то интересное? А вдруг кто-то напишет мне что-то ужасно важное и не терпящее промедления? Нет, надо держать в себя в руках и не заглядывать... А может, заглянуть на минуточку, только одним глазком, быстренько... Весь день проходит в этой постоянной борьбе, и если ты не поддаешься слабости и выдерживаешь, то к вечеру ты уже как выжатый лимон. А если все-таки поддаешься, то потом начинаешь угрызаться самообвинениями. Борьба с самим собой сжигает огромное количество энергии. А здесь борьба не только с самим собой, но еще и с соблазном, то есть с двумя противниками сразу. Ну и кто это может выдержать долго?

— Никто, — согласилась Дуня и даже улыбнулась. — То есть кто-то, наверное, может, но таких героев мало.

— А теперь представь, что человек попадает в обстановку, где нет ни гаджетов, ни компьютеров, ни интернета, ни мобильных телефонов. Вот нету — и все. Отсутствуют.

— Можно доехать до места, где все это есть, — предположила она уже веселее. — Или ты имеешь в виду тюрьму? Я туда не хочу!

— Нет, речь не о тюрьме. Но доехать никуда нельзя. По условиям

задачи ничего этого еще не изобретено. Насильно тебя никто не удерживает, ты имеешь право и возможность уехать туда, где все это есть, но тогда выбываешь из игры. И лишаешься денег.

— И что тогда получится? В чем соль?

— Соль в том, Дуняша, что человек день-другой побесится от невозможности всем этим пользоваться, а потом либо сваливает и возвращается в привычную среду, либо находит в себе силы принять ситуацию и жить в ней. И тогда он перестает тратить эмоциональную энергию на эту тупую борьбу с соблазнами и с собственными установками. Бороться больше не с чем, потому что нет никакой возможности нарушить данное себе слово. Ее не существует в принципе. Ни в каком виде. Представляешь, какая может получиться экономия внутреннего ресурса? И мне кажется, это как раз то, что могло бы помочь тебе восстановиться.

Это звучало убедительно. Каждый раз, собираясь ответить на звонок Дениса или прочитать его сообщение, Дуня знала, что будет больно или в лучшем случае неприятно. Уклоняясь от разговора или не читая сообщений, она начинала чувствовать себя слабой, униженной и раздавленной, не способной выдержать не то что удар — даже мелкий укол. Трусливой. Сломленной. Страх — вина, страх — стыд за себя...

Ромка прав. Ей нужно восстановиться. Ей нужна передышка, во время которой она будет свободна от этих бесконечных «качелей» и наберется сил.

Она залпом выпила полстакана сока.

— И что это за чудесное место, куда ты хочешь меня отправить?

— Пока не знаю, организаторы еще не решили, где проводить квест, они в процессе выбора. Но это будет точно не в Москве. Тебе придется уехать.

— Когда?

— Летом. В июне или июле, это пока тоже не определено.

Как-то странно... Неизвестно где, непонятно когда, а Ромка уже собирается ее туда отправлять... Может, это все только разговоры? Может быть, он просто пытается проверить, насколько твердо она приняла свои решения?

Наверное, ее колебания отразились на лице, потому что Роман вдруг рассмеялся:

— Звучит сомнительно, да? Есть сайт, ты можешь зайти на него и прочитать все условия. Если заинтересует — зарегистрируешься, подашь заявку на участие. В мае будет предварительное собеседование по скайпу, потом тестирование. Если все пройдешь, тебя возьмут на основное

мероприятие, которое продлится максимум месяц, но, возможно, закончится быстрее.

Она неуверенно молчала.

— Дуняша, это длинная и сложная история, и если тебе затея не нравится в принципе, то я не буду тратить наше с тобой время на долгие рассказы. Нет — значит нет. Но если мое предложение показалось тебе хоть сколько-нибудь дельным, ты дома посмотри сайт, прикинь, оставь заявку, а я завтра расскажу тебе все, что знаю. Ну, или послезавтра, если завтра снова приду поздно.

На дне креманки осталась последняя ягодка. Дуня задумчиво рассматривала ее, словно стояла перед необходимостью принять решение: съесть ее или оставить. Вроде и не хочется больше... Но вроде как-то глупо оставить одну ягодку, когда уже съедено штук двадцать... Господи, о чем она думает?! На что тратит тот самый внутренний ресурс, которого и так уже не осталось?!

Ромка прав. Нет ничего плохого в том, чтобы избавиться от необходимости испытывать либо страх, либо стыд и вину. Нет ничего плохого в том, чтобы помочь себе. Потому что этим она поможет и Ромке, который тоже устал, и не только от самой Дуни в ее нынешнем состоянии, но и от долгого ожидания. «Когда мы позволяем себе страдать, мы заставляем страдать и тех, кто рядом с нами. Это же так просто! Это так очевидно! Почему мы почти никогда не задумываемся об этом? Почему забываем о том, что вид наших страданий отравляет существование наших близких? Мы должны бороться если не ради себя, то хотя бы ради них».

Она посмотрела на часы: половина восьмого. Ромка сказал, что свободен до девяти.

— Ромчик, я так поняла, что психотерапевта наш с тобой бюджет не выдержит, а как насчет сэндвича? Угостишь даму?

— Конечно, — обрадовался Роман и тут же взмахом руки попросил официанта подойти.

— Тогда я предлагаю честный обмен, — сказала Дуня. — Я тебе съем сэндвич, а ты мне расскажешь длинную и сложную историю.

— Ну вот, — он тут же расстроился, — я-то, дурак, обрадовался, что у тебя аппетит появился, а ты, оказывается, будешь есть «мне», чтобы угодить. Нет, я так не согласен. Не хочешь — не ешь, не заставляй себя.

— Буду есть, — решительно проговорила она и скорчила рожицу, которая изначально планировалась как «зверская», но, похоже, получилась веселой и лукавой. — Тебе назло, а себе на пользу.

Сэндвич принесли быстро. И Дунин телефон зазвонил именно в тот

момент, когда официант поставил перед ней тарелку. Она посмотрела на дисплей: Денис. Ну, само собой, разве могло получиться иначе?

Дуня уже занесла было руку над телефоном, чтобы взять его, но внезапно передумала, взяла нож и вилку, отрезала изрядный ломоть сэндвича, отправила в рот и только после этого ответила на звонок.

— Привет, — зазвучал в трубке такой знакомый и такой теперь уже ненавистный голос. — Ты уже доехала до дома? Или еще в пути?

— Привет. Я ужинаю, — ответила она не вполне внятно, жуя хлеб с ветчиной, сыром и салатом.

— Ох, Евдокия, как ты была деревней — так и останешься, — театрально вздохнул Денис. — Сколько раз я тебя учил, что разговаривать с набитым ртом неприлично!

Она заранее знала, что он скажет именно это. И хотела, чтобы он это сказал. Вот он и сказал. Мысль о том, что она может манипулировать Денисом с такой же легкостью, с какой он манипулировал ею, никогда прежде не приходила в голову почему-то.

— А еще ты много раз говорил, что неприлично втягивать в разговор человека, который ест. У тебя всегда было плохо со слухом. Я же ясно сказала: я ужинаю. Что непонятно?

— А чего ты такая сердитая? Тебя кто-то обидел?

Очень хотелось нажать кнопку отбоя, но по правилам первым должен попрощаться тот, кто позвонил. Нарушение правила означало либо невоспитанность собеседника, либо его желание уйти от неприятного контакта, то есть слабость. Ну что ж, у Дениса тоже есть слабые места, например, его показное, нарочитое эстетствование. Дуня свободной рукой подвинула Роману свою тарелку и приборы, показала жестами, чтобы отрезал ей новый кусок.

— Меня никто не обидел. Я ужинаю. У меня еда остывает, — вполне мирным тоном проговорила Дуня.

Роман протянул ей вилку, на которую наколот отрезанный кусок.

— Ну конечно, мирское и телесное для тебя всегда было важнее возвышенного и духовного, — назидательно констатировал Денис. — Примитивное ты существо, Евдокия. Но в тебе есть потенциал, из тебя в умелых руках еще может что-то получиться. Мы начнем, пожалуй, с концептуальной живописи, сегодня как раз открылась очень интересная выставка в галерее моего друга, жду тебя через час...

Дуняхватила протянутый кусок и начала жевать.

— Не-е, — протянула она, — за час я доесть не успею, у меня тут много. И в живописи я ничего не понимаю, вообще не люблю ее.

Она буквально видела, как ее собеседник брезгливо морщится, слушая ее речи «с набитым ртом».

— Как ты можешь не любить живопись, если любишь камни? Ты видишь красоту, значит, восприятие мира глазами тебе не чуждо. Ты выдумываешь, Евдокия. Доедай свои помои или что ты там жуешь — и быстренько приезжай, я встречу тебя у входа...

— Вот представь себе, имеет место парадокс, — она сунула в рот следующий отрезанный Ромкой кусок. — Люблю камни, но не люблю живопись. Люблю мужчин, но почему-то не люблю тебя. Загадка.

— Слушай, — взорвался Денис, — ты можешь перестать жевать, пока я с тобой разговариваю?

— Не вижу связи. Ты разговариваешь, я жую. Распределение функций. Все по-честному.

— Ты стала совершенно невыносима, Евдокия! Раньше ты такой не была. С тобой невозможно общаться!

— Ты свободный человек в свободной стране. Имеешь право поступать так, как хочешь. Зачем же насиловать себя? Не нужно.

— Ну, я понял, что сегодня ты не в настроении. У тебя, случайно, не критические дни? Ладно, на выставку пойдем завтра, так и быть. Я позвоню. До свидания, приятного аппетита.

— До свидания, спасибо, — вежливо и спокойно ответила Дуня.

И в самом деле, когда Ромка рядом, ей намного легче. Но ведь нельзя устроить жизнь так, чтобы неотлучно находиться с ним. Значит, надо тренироваться. Учиться не реагировать. Бороться.

Но первым делом нужно отдохнуть и набраться сил. Ромка прав.

* * *

Сергею Гребеневу все говорили, что грех ему жаловаться на жизнь. Работа есть, причем неплохая, даже интересная, зарплату получает стабильно, без задержек, жилье тоже есть, пусть и не собственное, отдельное от семьи, но все равно — крыша над головой и своя комната. Мама молодая, сестренка младшая. Отчим — ученый. Девушка тоже имеется, нормальная девчонка, без претензий, насчет замужества не дергает за нервные окончания и даже не предлагает жить вместе. Одним словом, повезло человеку во всем, вплоть до внешности и здоровья. На что же тут жаловаться? Разве только на то, что вырос без отца, но никаких особенных страданий от этого обстоятельства Сережа не испытывал.

Своего отца он не знал совсем, а отца сестренки помнил очень смутно. Ну да, был какой-то дядька, который немножко пожил у них с мамой, когда самому Сереже было лет десять, потом родилась Олеська, мама вернулась из роддома, а тот дядька свалил — и с концами. Почему-то никаких ярких воспоминаний об отце сестры у мальчика не осталось, то ли оттого, что человек этот был сам по себе малоинтересным и с Сережей почти не общался, то ли оттого, что вообще мало бывал дома, приходил поздно, когда парнишка уже спал, а уходил рано. Собственно, вот только завтраки на кухне в обществе того дядьки Сергей и помнил. А внешность его стерлась из памяти: встретил бы сейчас на улице — не узнал.

Зато с отчимом повезло, да еще как! Сережа еще в школе учился, Олеське было пять лет, когда мама вышла замуж за Гребенева. В тот момент Сережа был слишком юн, чтобы понимать, почему знакомые иногда перешептываются и посмеиваются за маминой спиной. Ну и что, что отчим моложе мамы на 13 лет? Зато он ученый, работает в каком-то закрытом институте и в свои 26 лет уже пишет докторскую диссертацию! И вообще он классный, столько всего знает и умеет интересно рассказывать! И с уроками помогает, когда время есть, объясняет все непонятное так, что и debil поймет. Правда, в этих объяснениях Сережа почти никогда не нуждался, голова у него работает как надо, но все равно был какой-то кайф от самого факта, что рядом есть взрослый мужчина, готовый прийти тебе на помощь.

Первое время после замужества матери Сережа с тревогой и неудовольствием ждал рождения их общего ребенка, понимая, что придется пройти через тяжелый период младенческих криков, бессонных ночей, памперсов и прочих радостей. Он еще не забыл, как это было с новорожденной Олеськой, и о предстоящем повторении пройденного думал с содроганием. Однако год шел за годом, а ничего не происходило. Сережа уже и школу окончил, и в университет поступил, а ребеночка у мамы и отчима все не было. Все разъяснилось, когда он случайно услышал разговор мамы с подругой: после каких-то полевых испытаний чего-то секретного у Геннадия возникли серьезные проблемы со здоровьем, детей у него быть не может, да и вообще по «этой» части он не очень...

Тревоги по поводу возможного рождения братика или сестрички отступили.

Геннадий Гребенев усыновил обоих детей своей жены и дал им свою фамилию. Был молодой ученый из профессорской семьи, отец и дед — оба академики, обласканные властью, мама — доктор наук. Дед, правда, давно умер, да и отец старенький совсем, Геннадий был единственным и очень

поздним ребенком. То есть поздним у отца, конечно, мама-то его, третья жена академика, была вполне себе молодой.

Замужество матери принесло Сереже не только отца и новую фамилию, но и бабушку с дедушкой, и возможность проводить долгие часы у стариков в квартире, битком набитой книгами, а также приезжать на роскошную, еще при Сталине полученную дачу в сосновом бору, неподалеку от чистого огромного озера. У Геннадия была хорошая квартира, Сережа с мамой и сестрой жили в обыкновенной «двушке», но из этих двух квартир после продажи получилось отличное просторное жилье, в котором у каждого из детей было по отдельной комнате, а у отчима — кабинет. Самое же главное — появилось ощущение семьи, настоящей, полноценной, даже с бабушкой и дедушкой.

— Вот же везунчик ты, — говорил ему закадычный дружбан Вовка. — Сразу, одним махом, все получил и без всяких усилий. Ни вкалывать не пришлось, ни воровать. Все поднесли на блюдечке. Видно, удача тебя любит.

До определенного момента Сергей тоже думал именно так. Жил легко, учился с интересом, работал с удовольствием.

А три месяца назад умер дед, академик, отец Геннадия. И стало происходить что-то непонятное. Сначала мать начала подолгу торчать у отчима в кабинете и о чем-то ожесточенно спорить с ним, понижая голос, чтобы не было слышно в других комнатах. Слов было не разобрать, но интонации улавливались вполне отчетливо. После таких разговоров отчим ходил расстроенным и подавленным, а мама становилась злой и раздражительной. Сперва Сергей на это внимания не обращал, он и дома-то бывал в основном только поздним вечером да с утра. У него работа, друзья, девушка, и вообще дел по горло, а мать с Геной сами разберутся. Мужа матери Сережа с самого начала называл просто по имени, смешно как-то называть папой человека всего на 11 лет старше тебя самого.

Забеспокоился Сергей, только когда начал прислушиваться: как-то встал ночью, вышел на кухню попить водички, а в кабинете Геннадия опять разборка шла полным ходом. Голоса, как и раньше, приглушенные, но в ночной тишине, когда нет посторонних звуков ни из-за окон, ни от включенных телевизоров, слышно ведь намного лучше. Удалось разобрать отдельные слова «мировое соглашение», «эксперты оценят по минимуму», «документы на дачу»... Спросонья Сергей слова зафиксировал, но осознал не сразу, а минут через пять, когда уже вернулся в постель. Блин! Отчим с бабушкой дедово наследство делит, что ли? Уму непостижимо.

Выяснять сразу у матери он не решился, сперва спросил у Олеськи: а

вдруг он ошибся, и если сразу с мамой говорить об этом, она может обидеться, что сын так плохо думает об отчине. Сестра только плечами пожала, мол, вроде да, делят, а что такого? «Да что она может понимать! — в раздражении подумал Сергей. — Ей всего пятнадцать. Наверняка она что-то не так поняла. Скорее всего, у бабули какая-то тяжба с хозяевами соседнего участка, его вроде купил владелец крупной фирмы, во всяком случае, стройка там идет полным ходом». Ему стало даже немного стыдно за то, что после поминок на сороковой день он к бабуле ни разу не приехал. Но ведь он так занят, а бабуля — это ж только одно название, вызывающее ассоциации со старухой, на самом-то деле она и не старая вовсе, ей еще шестидесяти нет, вышла замуж молоденькой студенткой и сразу родила. Кстати, интересно, правда ли, что самые талантливые дети рождаются от молодых здоровых матерей и зрелых, умудренных жизнью отцов? Посмотришь на Геннадия — согласишься, что это и вправду так и есть.

«Надо съездить к бабуле, узнать, что там у нее за проблема. Может, нужна помощь какая-нибудь или юристы толковые. Мама и Гена с этим точно не помогут, мама с юристами дела не имеет, а Гена вообще не от мира сего, весь в своей науке, в экспериментах и в аспирантах. У нас в конторе мощная юридическая служба, они посоветуют нужных людей, если потребуется».

Не откладывая в долгий ящик, Сергей на следующий же день после работы отправился к бабушке. Та все еще носила траур, была в черном свитере и черных просторных брюках, но по-прежнему энергичная и подвижная, несмотря на изрядную полноту. На внука взглянула недобро, да и тон показался Сергею холодноватым.

— Уговаривать приехал? — спросила она. — То-то, я смотрю, носа не кажешь после поминок. Что на этот раз?

И только увидев совершенно потерянное лицо Сергея, смягчилась.

— Ты что, действительно ничего не знаешь? Мой сын требует свою долю наследства. Двадцать пять процентов. Тебе не сказали? Ладно, пошли, кофе сварю и объясню, в чем проблема.

От этих слов Сергей оторопел. Гена требует? Да как это вообще может быть? Бабушка прожила с дедом тридцать семь лет! Тридцать семь лет крепкого брака, совместного быта, помощи друг другу в работе, всегда рядом, в любви и согласии, в горе и в радости, в болезни и в здравии... И Гена, такой мягкий, такой, казалось, порядочный и честный, буквально помешанный на своей науке и работе и не обращающий внимания на материальную сторону бытия, — и вдруг захотел денег? И от кого? От родной матери, которую в любую минуту могут выпереть на пенсию? Нет,

немыслимо.

— Видишь ли, дорогой мой внук Сереженька, — начала бабуля, поставив перед ним чашку с кофе и тарелку с бутербродами, — мой муж, то есть твой дед, завещания не оставил. Он, да и я вместе с ним, полагал, что вырастил хорошего неглупого сына, который не создаст своей матери никаких проблем. По закону при отсутствии завещания половина всего имущества считается моей по определению, это так называемая вдовья доля. Оставшаяся же половина является наследственной массой и делится между претендентами на наследство. Сначала идут наследники первой очереди, потом второй очереди, потом третьей. Мы с Геной являемся наследниками первой очереди, и нам причитаются из этой половины равные доли. То есть пятьдесят процентов мне как вдове и по двадцать пять процентов нам с сыном как наследникам от всего, что осталось после твоего деда. Я была уверена, что Гена, как нормальный человек, просто напишет отказ от своей доли у нотариуса и вопрос будет закрыт. Но, вероятно, я переоценила своего сына.

Она сделала глоток из своей чашки и добавила, горько усмехнувшись:

— Или недооценила. Это как посмотреть.

— А что делить-то? — глупо спросил Сергей, ошарашенный сказанным. — У деда разве были большие накопления?

— Накопления-то были, но не такие большие, как все думают. Главное богатство — вот эта квартира в центре в элитном доме и дача на очень дорогой земле. Ну, машина и гараж тоже. И все, что в квартире и на даче находится: книги, в том числе редкие букинистические издания, картины, кое-какой антиквариат, доставшийся тоже в наследство. Мой муж, Сереженька, был не просто известным и заслуженным ученым, он был ученым в четвертом поколении и бережно сохранял то, что ему переходило от прадеда, деда и отца. А теперь придут эксперты, все осматривают, переписывают, оценят. Полученный результат поделит на четыре, и вот эту сумму я должна буду отдать вам. Имеющиеся накопления тоже поделит. Вот так, мой дорогой.

Сергей помотал головой, как будто наваждение можно было стряхнуть и окажется, что всего этого ужаса нет.

— Погоди, бабуля, а денег на счете у деда много? Может быть, если отдать Гену то, что положено, у тебя останется еще достаточно?

Она невесело рассмеялась:

— Семьдесят пять процентов наших накоплений — это капля в море, они не покроют даже десятой доли тех двадцати пяти процентов, которые хочет получить Гена.

— А как же тогда?

— А очень просто. Мне придется продать квартиру или дачу. Или картины и книги. Или не продавать, а отдать ему, так сказать, в натуре. Эксперты оценят, посчитают, нотариус сделает предложение по мировому соглашению. Не договоримся — будет суд.

— Поверить не могу, — пробормотал он.

— Я бы тоже не поверила, если бы мне сказали о моем сыне такое лет десять назад, до того, как он женился на твоей маме. А теперь... Что ж, все закономерно.

— Ты хочешь сказать, что это мама его заставила?.. — удивился Сергей. — Что это она все придумала?

— Я в этом уверена, — твердо и холодно произнесла бабуля. — Мой сын, такой, каким мы его вырастили, на подобные поступки не способен. Вернее, не был способен. И ничем, кроме влияния твоей матери, я такие перемены в его поведении объяснить не могу.

Сергей возвращался домой с пылающими от стыда и гнева щеками. Неужели бабуля права и вся эта гнусность — мамина затея? Да нет, не может быть... Мама не такая! «А какая? — коварно спросил внутренний голос. — Какая у тебя мама? Ты уверен, что так уж хорошо ее знаешь? Ну-ка расскажи быстренько, какая у тебя мама». Сергей замедлил шаг, чувствуя, как дыхание сбилось и в груди образовался чугунный ком. Мама все умела и со всем могла справиться сама, без посторонней помощи, вот это он знал совершенно точно. И его вырастила без всяких бабушек и тетюшек, и Олеську, могла починить кран и разобраться с электропроводкой. И еще она никогда не ныла и не жаловалась. «Вот с этого места, пожалуйста, поподробнее, — снова вылез ехидный внутренний голос. — Насчет того, что мама не жаловалась. Откуда ты это знаешь?» И в самом деле, откуда? Да, она не жаловалась конкретно сыну. Вероятно, и дочери тоже. Но разве она много с ними разговаривала? Разве уделяла им время, внимание, разве давала тепло и ласку? Разве делилась хоть чем-нибудь? Сколько Сергей ни силился — не мог вспомнить ничего, кроме трех вариантов: мама на работе; мама, плотно сжав губы и не говоря ни слова, сосредоточенно и быстро делает что-то по дому — убирает, готовит еду, моет посуду; мама общается с подругами либо по телефону, либо у них дома, либо уходит куда-то. Всё. Больше никакой мамы из собственного детства Сережа припомнить не смог. Потом в их жизни появился Геннадий, они переехали в новую квартиру, но мало что изменилось, и мама по-прежнему активно общалась со своими подругами и ни о чем не разговаривала с сыном, кроме самого необходимого: «Садись

ужинать... Надень шапку... Какую оценку получил?» А его все устраивало, он был как раз в том возрасте, когда кажется, что чем меньше взрослые лезут в твою жизнь — тем лучше. Потом университет, новая жизнь, новые друзья, девушки, увлечения, интересы... Разве станешь задумываться о том, как мало ты знаешь о своей матери? Строгая? Да. Жесткая? Да. Самостоятельная? Да. Добрая? Порядочная? Понимающая? Неизвестно... Какие книги ей нравятся? Что заставляет ее плакать? Способна ли она жертвовать чем-то? Нет ответа.

Несколько дней Сергей собирался с мыслями, готовился к разговору, хотел улучшить удобный момент, когда дома не будет никого, кроме него и матери. Наконец возможность подвернулась: Геннадий уехал на очередные испытания, Олеська отправилась к подруге на день рождения.

— Я на днях был у бабули, — сдержанно начал Сергей. — Она сказала, что Гена хочет отсудить у нее наследство.

— Не отсудить, а получить то, что положено по закону, — невозмутимо поправила его мать, продолжая смотреть по телевизору какое-то ток-шоу.

— Но это как-то... — он замялся. — Странно. Не по-человечески. Они столько лет прожили вместе...

— Какая разница, сколько лет они прожили? Если положено — будьте любезны поделиться.

— Но она же старая! Гена хочет у нее все отнять, но он-то себе еще сто раз заработает, а она как на одну пенсию проживет? Почему ты его не остановила? Почему ты не объяснила ему, что это мерзко?

Мать уменьшила громкость телевизора и повернулась к сыну:

— Во-первых, не отнять, а получить то, что положено. Во-вторых, не все, а только двадцать пять процентов. И в-третьих, не смей со мной так разговаривать.

— Мам, ну пусть я тупой, но объясни мне, ради бога, зачем это все нужно? Бабуле придется продавать что-то, либо квартиру, либо дачу, либо книги и антикварную мебель, чтобы выплатить эти проценты. Ты хотя бы подумала, каково это — разорять гнездо, в котором прожито четыре десятка лет и где каждая вещь — это напоминание о каком-то событии, о каком-то дне, о чувстве, в конце концов! Дед с бабулей там Гену вырастили, счастливы были или, может, несчастливы, но это же воспоминания, ими там все пропитано. Вам с Геной так нужна их машина? Гараж? Дача? Да пользуйтесь, никто ж не мешает. Книги вам нужны? Берите и читайте. Картины? Вы оба в живописи полные нули, они вам сто лет не сдались. Квартира? Нам что, тесно здесь? Объясни мне, в чем смысл, потому что я

не понимаю. В конце концов, все это и так достанется нашей семье, когда бабули не станет. Что, подождать не можете? Не терпится?

— Мне нужны деньги, — хладнокровно ответила мать. — И если они мне полагаются, я их получу. Без всяких сантиментов. Что еще тебе непонятно?

Вот так, значит. Выходит, бабуля не ошиблась, ее сын, такой, каким они с дедом его воспитали, действительно не способен на подобную низость. Мама его уговорила. Но как? Неужели мужчина тридцати шести лет от роду, доктор наук, руководитель научного направления, работающий на оборонку, имеющий огромное количество учеников, не в состоянии отличить хорошее от плохого и может поддаться на уговоры? Верится с трудом. Или все-таки так бывает?

— Интересно, как ты Гену-то смогла подбить на такое? — со злостью спросил Сергей. — С его характером как-то не вяжется.

— Разговор окончен, — отрезала мать и снова повернулась к телевизору. — Если тебя смущают деньги, полученные в наследство в соответствии с законом, ты имеешь самую полную возможность ими не пользоваться.

— И не буду, — буркнул он и ушел в свою комнату.

Тут же полез в интернет на сайты риелторских агентств искать квартиру, чтобы снять ее и больше не жить здесь, рядом с матерью и ее мужем. Квартиру он нашел довольно быстро и очень удачно, она находилась совсем рядом с местом, где он работал. Цена тоже казалась вполне приемлемой. Только одна загвоздка: нужно подождать пару недель, пока закончится ремонт, потому что предыдущие жильцы оставили квартиру в безобразном состоянии. Подождать Сергей согласился.

Впоследствии он часто думал о том, как сложилась бы его жизнь, если бы не было этих двух недель, проведенных дома. Вот смог бы переехать сразу, на следующий же день — и не узнал бы ничего. Да, злился бы на мать и Гену, негодовал, считал их непорядочными людьми, но спал бы спокойно.

Однако судьба спать спокойно не дала. Придя домой поздно вечером, Сергей обнаружил отсутствие компьютерной мыши. «Олеська взяла, — подумал он. — Вечно у нее мыши ломаются, как будто она невеста что с ними вытворяет». Чертыхнувшись, он отправился в комнату к сестре, стараясь двигаться как можно тише, чтобы не разбудить ее. Уверен был, что девочка давно спит. Вошел без стука.

Олеся сидела спиной к нему, уткнувшись в экран ноутбука, на голове наушники. Сергей с любопытством глянул — и обомлел: сестра смотрела

что-то о педофилии. Да мало того, что смотрела, еще и записывала отдельные фразы на листке бумаги.

Все сложилось мгновенно. Голова у Сергея работала отменно и быстро. Стало так плохо, что ему показалось — сейчас хватит удар. Резким движением он развернул кресло, на котором сидела Олеся, сорвал с головы наушники.

— Обалдел, что ли? — в ярости зашипела девочка. — Ты что творишь?

— Нет уж, это ты мне скажи, что вы с матерью творите, — громким шепотом потребовал Сергей. — Вы таким манером заставили Гену драться за наследство, да? Запугали его?

— Ну а что такого?

Олеся смотрела на брата ясными невинными глазами.

— Все так делают. И всем верят.

— Да кто — все?! Кто так делает?!

— Ой, ну ты прямо как с Луны свалился, — протянула девочка. — Весь интернет забит роликами, как мужика посадили за то, что к падчерице приставал. Мужикам не верят и сажают. А девочкам и их мамашкам верят.

Сергей перевел дыхание. Он понимал, что разговаривать бесполезно.

— Слушай, ты, малолетняя дрянь, — процедил он сквозь зубы, — если ты посмеешь хоть кому-нибудь сказать неправду про Гену, я тебя убью. Ты поняла?

— Ага, — беспечно кивнула головой Олеся. — И сядешь. Вместе с Геной на одни нары. Это даже хорошо, нам с мамой больше денег достанется.

Он ничего больше не сказал. Ушел к себе и начал складывать вещи, а утром переехал в гостиницу на оставшиеся несколько дней. Он не мог больше видеть тех, с кем делил кров, испытывая презрение и ненависть к матери и сестре. И Гену не мог видеть, не мог смотреть ему в глаза. Стыдно. Невыносимо стыдно. И очень жалко его. Такой умный, талантливый, мягкий, честный — и так бездарно попался на дешевую уловку женщины, к которой питает неуправляемую слабость. Выходит, можно быть в чем-то сильным, а в чем-то совсем слабаком...

Сергей был уверен, что как только начнет жить отдельно — ему станет легче. Не видеть, не слышать, не участвовать. Существовать автономно. Навещать бабулю. Всех их, борцов за наследство, из своей жизни вычеркнуть.

Но вычеркнуть оказалось не так-то просто. Презрение и ненависть выжигали нутро, а мысли о Гене не давали спокойно спать. Ну как же так?

Почему он позволил? Почему допустил такое? Почему не бросил мать в ту же секунду, когда она впервые заговорила о разделе наследства? Почему позволил манипулировать собой при помощи шантажа? И как ему теперь помочь? Разве что и в самом деле убить и маму, и Олеську... Тьфу ты, какие жуткие бредни в голову приходят...

Он никому не мог рассказать об этом, потому что было мучительно стыдно признаваться в том, какие мерзкие люди его кровные родственники. Сергей был недоверчив от природы, с самого детства, а то, что произошло сейчас, стало словно бы призывом: «Никому не верь! Никому не доверяй! Ни в ком нельзя быть уверенным! Все лгут и притворяются! Тебя хотят обмануть!» Он боялся, что поделится с кем-нибудь, да вот хоть с закадычным дружбаном Вовкой, а тот выслушает и подумает: «Ну, дыма без огня не бывает, раз мамаша об этом заговорила, значит, Гена дал повод. Или сама что-то эдакое заметила, или дочка пожаловалась. Стало быть, и вправду этот Геннадий Гребенев — педофил». А уж если не просто подумает, но и перескажет кому-нибудь — считай, дело сделано. Нет, так рисковать Сергей не может. Люди глупы и на язык злы, они никого не пощадят.

Никому нельзя доверять.

Но и жить с такой тяжестью на душе тоже невозможно. Нужно как-то отвлечься. Лучше всего — уехать. Но куда? Уволиться с нынешней работы? Не вопрос. Только вот где и как потом искать новую работу? В своем городе найти легко, но хочется уехать подальше, чтобы не дышать одним воздухом с этими...

Он составил резюме и разместил его на несколько сайтах в надежде на ответ. Через неделю начали поступать предложения. Одни он отбрасывал сразу: работа предлагалась неинтересная или совсем не по его специальности, другие не привлекали размером оклада, третьи — месторасположением офиса. Осталось несколько наиболее перспективных вакансий, для занятия которых требовалось поработать на испытательном сроке. Сергей звонил, вел переписку с эйч-ар-менеджерами, беседовал с ними по скайпу и наконец определился с выбором: хорошо оплачиваемая и довольно интересная работа в городе за две тысячи километров отсюда. Но вакансия освободится только в середине августа, а сейчас конец апреля. Ну, допустим, можно перед увольнением отгулять отпуск, это три недели. А куда девать себя до середины августа? То есть он, конечно, найдет чем заняться, но жить-то на что? Кто ему зарплату будет платить? И ведь ни копейки не отложено в заначку, львиная доля зарплаты уходит на оплату квартиры и на продукты, оставшегося едва-едва хватает на все остальное,

что обычно требуется в жизни молодого мужчины. Брать деньги у Гены или бабули Сергей считал недопустимым, хотя они, без сомнения, помогли бы. Но — нет. Не та ситуация. Остаться на нынешней работе до середины августа, продолжать жить в этом городе? Очень не хочется, это ведь почти четыре месяца, не выдержит он такой муки. Месяц-полтора — еще так-сяк, даже два, но не четыре.

Он снова принялся искать работу, но на этот раз временную, на летние месяцы. Ввел в поисковик запрос «оплата от 30 000 рублей» и совершенно неожиданно натолкнулся на весьма странное предложение. Занятость максимум на месяц, заплатят обещают 70 000 рублей, нужно пройти собеседование по скайпу через две недели и при положительном исходе выполнить тестовое задание, которое займет несколько дней. Если после этого Сергея возьмут на эту непонятную работу, то все состоится в июне — июле. Деньги хорошие (если заплатят, конечно, а не обманут, как водится), и даже если заплатят не авансом, а по окончании, то под эту сумму вполне можно подзаять деньжат у друзей.

А, была не была! Он же ничем не рискует. И вообще, сейчас он готов на все, что угодно, только бы вырваться из своей привычной жизни, порвать с ней навсегда. Пусть все станет другим — работа, жилище, окружающие его люди, даже природа. Все изменится, и это позволит его гниющему нутру тоже измениться и очиститься.

* * *

Хлопнула входная дверь, Маринка ворвалась в квартиру как ураган.

— Натка! — заорала она прямо из прихожей. — Наташ!

Ее звонкий голос прорвался сквозь наушники, заглушив слова «... крест нательный на любви безбожной...» Наташа поморщилась: она так любила эту пронзительно-печальную песню Дольского! Нажала на паузу, все равно Маринка не уймется, пока не скажет все, что намеревается.

Маринка влетела в комнату с горящими глазами, щеки пылают, тщательно завитые кудри растрепаны.

— Давай быстро записывайся в салон на утро субботы, вечером у нас будет классная тусня. Ты даже не представляешь, с кем я сегодня познакомилась!

— Ну и с кем? — тускло спросила Наташа.

— Со звуковиком из Театра Маляренко! Только прикинь: он нас приглашает на спектакль, а потом познакомит с артистами. Вот он, наш

хвост! Сам в руки идет!

Наташа равнодушно пожала плечами.

— Что за театр? Я о таком не слышала.

— Да ты вообще темень непролазная, о чем ты слышала в этой жизни, кроме своих песенок идиотских? Театральная студия Маляренко приехала к нам на гастроли, это знаменитый экспериментальный театр из Питера, на них билетов не достать, пипл ломовой туда ходит, все только самые-самые продвинутые! А этот звуковик — ничего такой чел, симпотный, и на меня запал в момент. Ну что ты сидишь? Давай звони, записывайся, чтобы морда была в порядке, и стрижку освежить надо.

— В субботу я не могу.

— Что значит — ты не можешь? — Маринка сердито прищурилась. — Почему это?

— У меня собеседование.

— Да какое на хрен собеседование?! — закричала подруга, со всего размаху плюхнувшись на разложенное кресло-кровать, которое она ленилась собирать по утрам. — Ты что, работу ищешь? А мне почему не сказала?

— Это временная работа, только на лето, — уклончиво ответила Наташа.

— Слушай, не морочь мне голову! Какие могут быть собеседования по субботам? Если тебе и предложили работу, то это наверняка разводка, вот сто пудов. Приличные офисы по выходным не работают. Всё, не хочу ничего слушать, звони, и начнем уже соображать насчет прикида. Наверное, для тебя придется что-нибудь у девок в колледже попросить, твои тряпки, даже самые качественные, не годятся для тусни с артистами, они же — ух! Столичные ребята! А мой размер тебе не подходит. Вот почему ты такая дурная, а? Почему самые яркие вещички сюда не привезла, дома оставила?

Наташа вздохнула и медленно, с расстановкой сказала:

— Мариш, мне очень нужна эта работа. Я хочу ее. Мне это интересно. А идти знакомиться с артистами мне не интересно, поэтому я никуда с тобой не пойду.

— Да на кой хрен она тебе нужна, работа эта? Тебе что, денег не хватает? Тебе ж родители много дают.

Маринка помолчала, что-то обдумывая, потом ее осенила какая-то мысль, заставившая взглянуть на подругу с любопытством и подозрением.

— А что за работа? Перспективная в смысле ловли хвостов? Ты поэтому не хочешь в театр идти, да? На этой твоей работе возможностей

больше?

— Да нет там никаких возможностей. Сама посмотри.

Наташа загрузила сайт и повернула экран ноутбука так, чтобы Маринка могла прочитать. Та сперва мазнула глазами, потом прочитала второй раз, более внимательно.

— И что это за муть собачья? Зачем тебе это?

— Мне хочется.

— Натка, возьми себя руки! Ты что, не видишь, что тебя разводят, как последнюю лохушку? Да я никогда в жизни не поверю, что за такое гониво еще и деньги заплатят! Ты организаторов проверяла? Искала инфу про них? Отзывы, коменты какие-нибудь?

— Нет, — призналась Наташа.

Честно сказать, ей это даже в голову не пришло.

— Ну, само собой, — удовлетворенно фыркнула Маринка. — Ты ж у нас доверчивая, у тебя ж все люди — ангелы с крылышками, тебя никто не обманет. Вот я сейчас сама все проверю, и ты убедишься, что собеседование твоё — фуфловое. Звони давай в салон, кому говорю! Я пока инфу поищу, чтоб носом тебя ткнуть.

— Даже если ты права и все это лажа, в театр я все равно не пойду, — упрямо буркнула Наташа. — Иди одна. Или возьми с собой кого-нибудь.

— Вот дура-то, — Маринка смотрела на нее с сочувствием и жалостью. — Ты все-таки безнадежная дура, Наташка. Но это ничего, хоть ты и упертая, я тебя все равно в хорошие руки пристрою. Не дам твоим внешним данным пропасть зоря.

Пальцы ее резво забегали по клавиатуре.

— Так... Организатор... Ага... Учредитель... Регистрационный номер... Уставные цели... Ричард Ф. Уайли... Это кто ж такой, интересно... Так... Он есть в списке участников какой-то международной конференции переводчиков... И статья какая-то его в сборнике на русском языке... О, он, оказывается, каждые два года на эти конференции в Россию приезжает, тут его статей до фига... Но инфы дельной нет никакой. Остальные ссылки на английском... Вот, нашла его интервью... Фотка есть... Старый совсем, но ничего, форму держит, даже не облысел... Блин! Ничего не понять. На, прочитай сама, ты язык лучше знаешь.

Наташа действительно неплохо знала английский, во всяком случае, достаточно, чтобы понимать текст интервью хотя бы через два слова на третье. Маринка-то разберет только одно слово из двадцати.

— Да тут ничего особенного, — резюмировала Наташа, просмотрев публикацию. — Интервью для американского журнала насчет какого-то

голландского писателя, Уайли перевел на английский его книгу по психологии менеджмента, ну и все вопросы вокруг этого, мол, почему рекомендовали эту книгу для перевода, да что в ней нового и интересного для читателей в США, да на кого рассчитана... Ну, все такое. В конце там немножко про личное только.

— И что про личное?

— Что живет в Голландии, затворник, но от одиночества не страдает, много работает. На вопросы о путешествиях отвечает... Говорит, что недавно был в России и в конце весны собирается туда на несколько месяцев, очень любит эту страну. Всё, больше ничего нет.

В глазах Маринки блеснул огонек, брови шевельнулись.

— Когда было это интервью?

Наташа поискала глазами дату: январь 2017 года.

Маринка встала, сделала два медленных шага до двери, развернулась, три шага до окна, разворот, снова путь до двери. Остановилась перед Наташей, по-прежнему сидящей на своем диванчике с ноутбуком на коленях.

— Ты что, вообще ничего не поняла? — спросила она охрипшим от волнения голосом.

— А что я должна понять?

— Ну ты тупая! Он, этот американец-голландец, приедет сюда в конце весны и на все лето! Ну?

— И что? Пусть приезжает.

— Да конец весны — это уже сейчас! А работа твоя — летом! Это означает, что он сам будет присутствовать на собеседованиях! И во время проекта своего будет здесь!

— Да пусть присутствует, мне-то какая разница?

Маринка махнула рукой и достала свой ноутбук.

— Всё, Натка, у меня нет больше сил пробивать головой твою непроходимую тупость. Сиди, слушай свои песенки.

Наташа с готовностью схватила наушники и вернулась на тот сайт, где можно было слушать песни. Откинулась на спинку продавленного диванчика, прикрыла глаза... Как хорошо!

«Мне нужен друг, — сказал он мне. —

Ты видел звезды в вышине?

Они огромные для тех, кто с ними рядом.

А я один. И там, вдали,

В дорогах годы от земли...

Мне для кого-то быть огромным тоже надо».

— Есть! — послышался торжествующий голос Маринки. — Успела! Сегодня был, оказывается, последний день, завтра заявки уже принимать не будут.

Наташа неохотно открыла глаза.

— Куда ты успела?

— Как — куда? Заявку сделала на участие, мне уже и время выставили для собеседования. Назначили на пятнадцать минут девятого в субботу вечером. А у тебя когда?

— В девятнадцать пятнадцать, — машинально ответила Наташа и вдруг спохватилась, осознав услышанное: — Ты что, тоже заявку туда подала?

— Ну да. А что, ты против?

— Я не против, конечно, наоборот... — Наташа растерялась. — Ты же вроде в театр собралась хвосты ловить... Тебе-то это зачем?

— А ты так и не поняла? — рассмеялась Маринка. — Этот старик Уайли будет на собеседовании. То есть он меня увидит, и у меня появится шанс. Он меня заметит.

Ну, в этом-то Наташа не сомневалась ни секунды: не заметить красавицу Маринку было невозможно.

— Если я пройду собеседование и меня возьмут на эту работу, шансы резко возрастут, расширятся возможности для контакта. Короче, Натка, учредитель всего этого балагана — шикарный хвост, который мы с тобой просто не имеем права упустить. Теперь поняла? Мы с тобой обе красотки, вряд ли там будут крутиться девчонки лучше нас, потому что этот совок в семидесятые годы нормальным людям по барабану. Там будут одни неудачницы-страхолюдины или синие чулки. Так что или мы — или никто, — торжествующе закончила Маринка озвучивать свой грандиозный план.

Теперь настала очередь Наташи смеяться.

— Ты серьезно? — спросила она сквозь хохот.

— Абсолютно.

Наташа вытерла выступившие от смеха слезы тыльной стороной ладони.

— Мариш, ты говоришь такие глупости, что даже слушать страшно.

Маринка выпрямила спину и вздернула подбородок.

— Ну давай, попробуй меня переубедить. И сама увидишь, что я права. Давай-давай!

— Во-первых, не факт, что учредитель тебя увидит. Он может и не присутствовать на собеседовании в субботу.

— Может, — согласно кивнула Маринка. — Но тогда за каким, извини, чертом он припрется в Россию именно сейчас? Сидел бы в своей Голландии. А он приедет. Или уже приехал. Значит, есть шанс, что будет присутствовать. А шансы упускать нельзя. Дальше давай.

— Во-вторых, ты можешь не пройти собеседование. А если пройдешь, то там планируется еще один этап отбора, на котором ты можешь срезаться. И все твои надежды на расширение контакта пойдут прахом. Вряд ли ты за пять минут собеседования по скайпу сумеешь влюбить его в себя до потери пульса.

— Возможно, — снова согласилась Маринка. — Но это тоже шанс, и упускать его я не собираюсь. Обычно мне и двух минут достаточно. Дальше что придумаешь?

— В-третьих, старик может быть женат. Либо у него есть близкая подруга. С чего ты взяла, что ему вообще кто-то нужен?

— Дорогая моя, старикам всегда нужно молодое мясо, это аксиома. Даже если у него есть не одна жена, а целых три, я-то в любом случае моложе и красивее, а значит — лучше. Но в интервью сказано, что он живет затворником. Значит, либо жены нет совсем, либо они вместе не живут, то есть отношения разорваны. Еще аргументы есть?

— Есть. Ты можешь оказаться не в его вкусе.

Маринка подошла к зеркалу, задумчиво и внимательно рассмотрела собственное отражение.

— Чушь, — решительно заявила девушка. — Женщину по своему вкусу выбирают только молодые мужики. Потому что для молодых важно, чтобы с сексом был порядок. А старики сексом не занимаются и не интересуются, зато им важно, чтобы молодую жену можно было выводить в свет и не стыдно было показывать приличным людям. Меня показывать не стыдно, особенно в шмотках из Милана или Парижа.

Похоже, у Маринки имелся ответ на любой довод подруги. Наташа решила не тратить больше силы. Наверняка Маринка не пройдет либо собеседование, либо тестовое задание, а даже если и пройдет — все равно ничего у нее не получится. Одно из основных правил, по которым существовал мир Маринки и ее тусовки, гласило, что мужики все поголовно — тупые ослы, готовые послушно идти за той морковкой, которая либо краснее, либо слаще. С этим правилом Наташа категорически не соглашалась, как, впрочем, и со всеми другими, по которым отказывалась жить. Но переубедить Маринку не удастся. Пусть делает, как

знает.

* * *

И вот я снова лечу в Москву. Казалось, только вчера я вернулся из той ноябрьской поездки, и вдруг выяснилось, что прошло уже пять месяцев. С возрастом дни начинают бежать все быстрее и быстрее, не успеваешь спохватиться — а год миновал. Я часто задумывался, почему так происходит, и пришел к выводу, что дело, скорее всего, во впечатлениях. Точнее, в их количестве и разнообразии. На эту мысль меня натолкнуло воспоминание о поездках в незнакомые места. Я старался по возможности выезжать или вылетать с таким расчетом, чтобы после прибытия успеть устроиться в отеле и совершить первую прогулку по городу и непременно выбрать два-три места, где приятно посидеть за чашечкой кофе. Этот первый день всегда казался невероятно длинным, и ложась спать, я всегда удивлялся тому, как давно было утро и как много впечатлений уместилось всего в одни сутки. А на третий день пребывания время между утром и вечером словно бы схлопывалось, и перед сном мне казалось, что я проснулся вот только что, буквально полчаса назад. Наверное, с жизнью происходит то же самое. Когда ты молод и полон сил, то успеваешь очень многое и меньше устаешь, и для тебя совершенно нормально после работы пойти в театр, а после театра еще и поужинать с друзьями где-нибудь в ресторане, при этом между окончанием работы и началом спектакля заскочить куда-нибудь «по делу». Некоторые после ужина в ресторане даже заглядывали к приятелю на вечеринку. Есть о чем вспомнить, засыпая! Теперь все не так. Я стал медленным и осторожным, мне нужно много времени на то, что в молодости я проделывал за десять минут, и если я намеревался сесть за работу в 10 часов утра, то проснуться мне необходимо в 7, ибо раньше мне достаточно было сорока минут, чтобы принять душ, позавтракать и привести себя в состояние готовности к работе, а нынче на это требуется полных три часа. То же самое происходит и вечером: заканчивая работу, например, в 8 пополудни, я пребываю в ощущении, что день уже закончился, то есть можно почитать или посмотреть фильм, проверить почту и ответить на письма, но о том, чтобы куда-то сходить, не может быть и речи. Впечатлений становится все меньше, поэтому время утекает все быстрее...

Назар обещал встретить меня в аэропорту. Судьба наказала меня мигренью, но зато всегда щедро выводила на мой путь хороших людей. Вот

и с Назаром мне повезло, да и с юристом Андреем тоже. Андрей Сорокопят нашел все нужные ходы к нужным чиновникам, подготовил и оформил огромный объем документации, со всеми договорился и все решил. Разумеется, при помощи моих щедрых финансовых вливаний, но так и было запланировано изначально. Строительная компания согласилась за счет моих инвестиций увеличить парк техники, набрать дополнительных работников и завершить отделку и сдачу новых домов намного раньше запланированного срока. (Понятно, что больше половины денег разворовали, но я реалист, а кроме того, для меня важны не деньги, а результат.) Постарались мою роль инвестора особо не афишировать, что дало возможность недавно избранному руководству муниципального образования повысить свой рейтинг в глазах населения, дескать, выполняем свои обещания, следим, чтобы подрядчики не нарушали сроки, выделим за счет бюджета средства на переезд. Средства были, конечно, не из бюджета, а понятно откуда, но я пошел на это сознательно: мне хотелось, чтобы к моменту тестирования все было в таком виде, в каком будет в период основного мероприятия. За три дня тестирования я надеялся увидеть собственные недочеты и промахи, тогда у меня будет время продумать, как их устранить.

Назар очень помог Андрею с подбором персонала, на собеседовании они не нужны, но при тестировании уже понадобятся. С переводчиками-синхронистами помогла Элла Лозинцева, жена Бычкова. К сожалению, некоторая заминка вышла с психологом. Назар через кого-то из своих учеников нашел очень толкового специалиста, но этот специалист сможет принять участие только в первом этапе отбора. Уехать из Москвы ни на несколько дней, ни тем более на месяц никак не получается.

Рейс совершил посадку в Москве точно по расписанию, самолет подрулил к «рукаву», и уже через несколько минут девушка в синей униформе и с табличкой «VIP-International» провожала меня к электрокару. Недавно в Шереметьеве изменили правила прохождения пограничного контроля, и если прежде паспорта проверяли прямо в VIP-зале, то теперь нужно было стоять в общей очереди, что, конечно, съедало некоторое время и было для меня не совсем удобно, но сделать я ничего не мог. Правила есть правила. Все равно через VIP-зал получалось быстрее и проще, а с учетом моих особенностей — и менее рискованно: несмотря на то что сами приступы стали чуть реже и чуть легче, их по-прежнему могло спровоцировать пребывание в толпе и громкие звуки, поэтому я предпринимал всяческие усилия, чтобы избегать этого по мере возможностей.

Назар ждал меня в ВИП-зале, расположившись в полукруглой кабинке и попивая чай. Пока ждали мой чемодан, мы с Бычковым с ходу принялись составлять планы на ближайшие дни.

— По данным на сегодняшнее утро, заявку на участие подтвердили восемнадцать человек, — говорил он, глядя в свой мини-планшет.

— Вчера ты говорил, что семнадцать, — поправил я.

— Поздно вечером обработали еще одну заявку, уже последнюю. С сегодняшнего дня прием заявок прекращен, как договаривались. В целом все получилось примерно так, как я и предсказывал, первоначально довольно много народу проявило интерес, а заявки подтвердили только восемнадцать человек. Мы их распределили по времени, по пятнадцать минут на кандидата, как ты и просил. Так что завтра в семнадцать ноль-ноль начнем.

— Сколько нас будет?

— Ну, считай: ты, переводчик, психолог и компьютерщик. Всего четверо.

— А ты? Разве ты не собираешься присутствовать? — удивился я.

За прошедшие 5 месяцев я так привык считать Назара Бычкова членом команды и своим соратником, что не представлял без его участия ни одного шага в Москве.

— Да я-то с удовольствием, если не помешаю. Я так проникся твоим проектом, что мне уже и самому интересно стало, куда он тебя приведет.

— Проект — наш, — твердо произнес я. — И приведет он не меня, а нас. Ты столько сил в него вложил, что куда ж я теперь без тебя.

— И то верно, — хмыкнул Назар. — Старики должны держаться друг за друга. От молодых мы помощи и поддержки уж точно не дождемся.

Привезли мой чемодан, и мы с Назаром сели в его черный джип.

— Насчет психолога не беспокойся, Верочка уже нашла нескольких человек, которые нам подойдут, — продолжал Назар, когда мы отъехали от аэропорта.

— Верочка? Кто это? — нахмурился я.

— Вера Максимова, психолог, которого мне рекомендовал один из моих учеников. Да я же тебе говорил, забыл, что ли?

— Говорил, но имя не называл. Я почему-то был убежден, что это мужчина.

— Нет, — рассмеялся Назар, — Верочка не мужчина, она очень даже женщина. Умница редкостная, специалист прекрасный, как раз то, что тебе... то есть нам нужно. Я с ней несколько раз встретился, мы все обговорили, задачу она поняла полностью. Кстати, это именно она

посоветовала не упоминать на сайте про отсутствие современной техники.

— И кстати — почему? — отпарировал я. — Я обратил внимание, что в предложении на сайте об этом не сказано, но подумал, что так решил администратор сайта и что у него, вероятно, есть какие-то соображения. Может быть, чтобы не отпугивать желающих раньше времени?

— Не совсем. Верочка сказала, что хочет своими глазами увидеть реакцию каждого кандидата на сообщение о том, что не будет ни сотовой связи, ни интернета. Именно первую непосредственную реакцию. Тогда ей легче будет прогнозировать, как кандидат впоследствии поведет себя, будет ли пытаться нарушать правила. В общем, у нее много всяких методов, позволяющих за минимальное время узнать о человеке максимум полезного.

— Эх, — огорчился я, — жаль, что такой ценный специалист не сможет и дальше с нами работать. Или все-таки есть возможность ее переубедить? Гонорар предложить побольше?

Назар покачал головой:

— Не получится, я уже пробовал. Она совсем невыездная, у нее постоянная работа в Москве, и Вера нужна здесь. Но она пообещала, что те психологи, которых она порекомендует, будут очень знающими. Если ты не передумал познакомиться с Верой предварительно, до собеседования, то можно сегодня вечером. Или, если вечером не хочешь, она может приехать завтра пораньше, за час до начала.

И мы снова принялись утрясать расписание: когда мне знакомиться с психологом Верой, потом с теми, кого она рекомендует, потом с остальным персоналом — инженерами, актерами, переводчиками...

— Мы сейчас ничего не можем точно рассчитать, — пришел к выводу Назар. — Численность персонала зависит от того, сколько человек будут принимать участие в тестировании, а это мы узнаем только после завтрашнего собеседования. Может, все восемнадцать нам и подойдут, тогда придется еще людей искать. А может, останутся в итоге всего двое-трое. Или даже один.

Или даже один... От такой перспективы меня передернуло. Если так, то весь мой проект пойдет псу под хвост. Один человек меня не спасет. Нужны как минимум трое. Конечно, по теории вероятности, может так случиться, что этот один и окажется тем единственным, кто решит проблему. Но шансов на такую удачу — один на миллион. Или даже на миллиард.

Отель я забронировал все тот же, полюбившийся мне, маленький и дорогой. По чудесной случайности и номер оказался тем же самым, что и в

прошлый раз, и это обстоятельство еще больше усилило ощущение кратковременности моего отсутствия: казалось, что я был здесь всего несколько часов назад. Пока я принимал душ и переодевался, Назар ждал меня в баре. Разбирать чемодан не стал, оставил до вечера, чтобы не тратить время. Просмотрел содержимое сумки с намерением вынуть и оставить в номере то, что необходимо иметь с собой во время путешествия, но в чем нет никакой нужды во время обеда и делового визита: толстая книга для чтения, наполовину пустая бутылка воды, дорожный туалетный набор на случай непредвиденной посадки и ночевки в другом аэропорту. Я опытный путешественник и хорошо представляю себе, какие случайности могут меня подстергать. Рука наткнулась на пластиковый флакон с таблетками. Я вынул флакон из сумки и задумчиво покрутил перед глазами. Лекарство я принял вчера около пяти вечера, как раз перед отъездом в Амстердам, где мне предстояло провести ночь в отеле и рано утром выезжать в аэропорт. Препарат действует чуть меньше суток, примерно 20–22 часа. Выпить сейчас таблетку или не нужно? А вдруг приступ догонит меня как раз во время встречи с психологом Максимовой? И если это случится, то завтра я буду не боец, а мне нужно проводить собеседования... С другой стороны, если принять лекарство сейчас, то к началу собеседования его действие уже закончится, и придется принимать еще раз... Три таблетки подряд — многовато. Впрочем, какая разница? Все равно я покину этот мир раньше, чем почувствую последствия. Вряд ли я протяну еще 20 лет.

Вытряхнув на ладонь капсулу нежно-зеленого цвета, я запил ее водой из бутылки и вышел из номера.

* * *

Для проведения собеседований Назар подыскал просторное офисное помещение, предназначенное для сдачи в аренду. Андрей Сорокопят обо всем договорился, бумаги подписал, деньги перевел, заранее привез туда техника, который установил аппаратуру, наладил, проверил. Перед тем как встречаться с Максимовой, мы все втроем — Бычков, юрист и я — посетили этот офис, чтобы я мог все осмотреть и высказать замечания, которые, конечно же, к завтрашнему вечеру будут полностью устранены. Но замечаний у меня не оказалось: все было сделано в точном соответствии с моими пожеланиями, высказанными неоднократно и Андрею, и Назару. Длинный стол для переговоров, на одном конце в ряд

выставлены три ноутбука — три места для Назара, психолога и для меня. На противоположном конце оборудовано еще два места: для техника и для переводчика. Переводчик должен был подстраховывать меня, но при этом мне не хотелось, чтобы он сидел рядом и бубнил или подсказывал: это могло отвлекать кандидата, мешать ему. Да и мне это мешало бы, и остальным. Задачей техника было наладить блютуз, чтобы переводчик тихонько говорил в микрофончик, а я все слышал бы через вставленный в ухо приемничек. У техника и переводчика тоже будут экраны. Я по опыту знал, что синхронить бытовую беседу намного легче, когда видишь лицо говорящего — выражение лица зачастую заранее подсказывает, в каком именно ключе через долю мгновения прозвучит фраза. Да и артикуляцию видеть порой бывает очень полезно. Техник будет следить за тем, чтобы связь по скайпу без перебоев обеспечивала всем нам возможность видеть каждого кандидата, а кандидату — нас троих.

— Сейчас подойдет офис-менеджер, — предупредил Андрей. — Расскажет, как и что здесь будет завтра, и выслушает ваши пожелания.

Я вперил в него недовольный взгляд: в перечне персонала, который мы с Назаром составили, никакого офис-менеджера не предусматривалось.

— Это я пока условно так его называю, — пояснил с улыбкой юрист. — В вашем списке он проходит как инженер-техник, будет следить за исправностью электрики, сантехники, одним словом, всего, что может сломаться. Руки золотые, может починить все, что хотя бы теоретически может выйти из строя. Он же и снабженец, и за транспорт будет отвечать.

Слова Андрея вызвали у меня некоторые сомнения. Где ж находят таких многогранных специалистов? И если у него действительно руки до такой степени золотые, то зачем ему мое предложение о временной работе? Да, я предлагаю хорошую оплату, но человек, который все умеет, наверняка может заработать куда больше, если не ленится, трудится добросовестно и не валяет дурака.

Сомнения мои еще больше усилились, когда в помещении появился высокий, отлично сложенный мужчина, на первый взгляд — лет сорока пяти, максимум пятидесяти. Однако уже при втором, более внимательном, взгляде на него я понял, что молоджавость ему придавали длинные волосы и усы «скобочкой», такие были в моде очень давно. На самом же деле мастер золотые руки был явно старше. Есть такая категория людей, которые в зеркале видят себя двадцатипятилетнего и не замечают возрастных изменений. Такие люди до старости носят все ту же прическу, что и в юности, и ту же молодежную одежду, даже если она выглядит нелепо. На некоторых, правда, молодежный стиль смотрится очень даже уместно. В

данном случае было именно так: новоявленный офис-менеджер, он же техник-инженер, одетый в голубые джинсы и легкую, рыжего цвета, кожаную курточку поверх приталенной, по моде сорокалетней давности, сорочки выглядел со своими волосами и усами очень симпатично и даже элегантно. Во всем его облике мне почудилась какая-то невыразимая легкость, почти лукавство, постоянная готовность к шутке.

— Знакомьтесь, — проговорил Андрей Сорокопят, — это Юрий Владиславович.

Мы с Назаром представились, чем вызвали на лице нового знакомого смущенную, даже почти робкую улыбку. Почему-то эта улыбка мгновенно поглотила и растворила все мои сомнения.

— Да можно просто Юра, не нужно по отчеству. Меня никогда в жизни по отчеству не называли, только по имени, — сказал он, пожимая мне руку.

Ну вот, мои соображения подтвердились. Этот не отпускающий своей молодости человек не хочет признавать возраст даже в обращении. А рука у него сильная, кожа на ладони грубая, мозолистая. Похоже, он и впрямь не белоручка. Ну ладно, поглядим.

— Вот здесь будет стоять кулер, — принялся объяснять усатый-волосатый Юра, расхаживая по помещению, — его через час примерно привезут. Воду доставят завтра, только вы скажите, какую марку вы предпочитаете. Одноразовые стаканчики предусмотрены. Вот на этом столе поставим кофемашину и чайник, вы только скажите, какой чай закупить и какой сорт кофейных зерен. На столике справа будет посуда, на столике слева — легкие закуски, по вашему желанию.

Он вдруг посмотрел на меня и снова смущенно улыбнулся.

— Я подумал, вам же тут часов пять сидеть, не меньше...

Такая заботливость мне понравилась. Я готов был ожидать ее от женщины, и это выглядело бы в моих глазах совершенно нормальным, но вот от мужчины... Похоже, человек, которому Андрей Сорокопят поручил решать кадровые вопросы, свое дело знает отлично.

Юра вынул из кармана маленькую записную книжечку и ручку и приготовился записывать: кофе... чай... вода... сахар или подсластитель... сливки или молоко... закуски... бумажные салфетки белые или цветные... одноразовые тарелки с рисунком или без...

— А вот еще мне нужно, — сказал он, закончив выслушивать наши пожелания по питанию, — вам для работы положить бумагу листами или большие блокноты? И вообще, какие канцтовары будут нужны? Ручки, карандаши, фломастеры, линейки, степлеры, файлы, папки? И насчет

санузла тоже нужны ваши пожелания: вам туда положить мыло куском или жидкое во флаконе? И туалетную бумагу какую предпочитаете?

Я взглянул на Юру с невольным уважением. Впервые в жизни в мою престарелую голову пришла мысль о том, что офис-менеджер — не такая уж легкая работа. Сколько всего нужно держать в голове, сколько всего предусмотреть, обо всем позаботиться! Речь идет всего-то об оборудовании рабочего пространства для пяти человек на пять часов, а такая уйма вопросов и задач, требующих решения!

Закончив с рабочим местом, приступили к организации завтрашнего дня.

— Все приедут на своих машинах или кого-то нужно привезти? — деловито спросил уже совсем освоившийся и переставший смущаться длинноволосый Юра. — Мне нужно знать, сколько парковочных мест на завтра обеспечить, я договорюсь, только мне номера машин надо знать.

Некоторое время ушло на звонки — выясняли у переводчика, техника и психолога, как они собираются завтра добираться до места.

— Мою машину запиши, — сказал Бычков и продиктовал номер. — Я господина Уайли сам привезу.

Техник сказал, что придет пешком, у него в первой половине дня работа в десяти минутах ходьбы от здания, где находится наш офис. Переводчик попросил парковочное место, а психолог Максимова сказала, что она безлошадная, но прекрасно доедет на такси.

— Такси я вызову, я знаю, из какой компании вызывать, чтобы водитель в городе хорошо ориентировался и машина была исправная и чистая, а не помойка вонючая, — сказал Юра. — Вы мне только адрес скажите и телефончик человека, которого нужно доставить и потом отправить, я все устрою. И списочек мне нужен поименный, кого и в котором часу завтра внизу встречать.

Теперь я смотрел на него с уважением и одобрением. Если завтра он обеспечит все, о чем так предусмотрительно говорит сегодня, то, похоже, этот Юра и в самом деле просто бесценный кадр. Не зря я с утра в очередной раз поблагодарил судьбу за то, что приводит на мой жизненный путь хороших людей! Она услышала мою благодарность и улыбнулась в ответ. Судьба — она как человек: всегда ответная на добрые чувства.

* * *

С Верой Максимовой мы договорились поужинать в ресторане рядом с

домом, где она жила, чтобы не вынуждать даму ехать на метро или на такси. Назар, очень любивший, по моим наблюдениям, искать и проверять информацию в интернете, заявил:

— Я посмотрел, там в шаговой доступности есть несколько вполне приличных заведений, я их обзвонил, пока тебя в Шереметьеве ждал. В двух сегодня свадьбы-банкеты, шумно будет и многолюдно, нам это не годится. В двух других потише, в одном японская кухня, в другом русская и средиземноморская. Отдельные кабинеты есть и в том, и в другом, так что тишину и покой гарантируют.

Я выбрал средиземноморскую кухню, и Назар забронировал кабинет.

Максимова пришла без опоздания, минута в минуту. Я оценил ее пунктуальность, а разглядев повнимательнее умные серьезные глаза за стеклами очков и очаровательные кудряшки, строптиво выбивающиеся из небрежного узла на затылке, с испугом подумал: а не слишком ли часто судьба стала подбрасывать мне симпатичных, неглупых, обаятельных людей? Может быть, за все эти подарки придется расплатиться одним серьезным ударом?

Встреча наша имела своей целью не только обыкновенное личное знакомство. Нужно было четко и внятно сформулировать для Максимовой задачу, которую ей завтра придется решать, чтобы психолог могла немного подготовиться и продумать тактику. Хорошо, что Назар уже встречался с Верой раньше и имел возможность рассказать ей всю историю хотя бы в самых общих чертах. Это избавляло меня от необходимости тратить время и силы.

— Мне нужно отобрать людей, которые отнесутся к делу с душой, с интересом. Хотелось бы, чтобы они были замотивированы на полное прохождение квеста, — сказал я.

— Мотив должен быть связан с целью? — спросила Вера деловито.

Смысл вопроса был мне вполне понятен.

— Не обязательно. Моя настоящая цель может оказаться не интересной вообще ни одному участнику, я это прекрасно понимаю. Человек может быть замотивирован на получение оплаты, на возможность подзаработать. Или на возможность где-то пожить, имея бесплатную крышу над головой и питание.

— Ну да, — кивнула она и сунула в рот веточку петрушки. — Например, с родителями поссорился, из дома ушел, денег, чтобы снять жилье, нет, ютится у приятелей и всем мешает. Бывает и такое. Те, кто пытается скрыться от закона или от врагов, вам не подходят, как я понимаю?

— Ни в коем случае. Мне не нужны люди, которых будут искать.

При этих словах Назар одобрительно закивал.

— Давайте подытожим, — предложила Вера. — Первое сито отбора, то есть первые главные критерии, это отсутствие выраженных патологий и зависимостей. Никаких алкоголиков, наркоманов и психически больных. Верно?

— Да, верно.

— Кстати, а какие у вас требования насчет отношения к алкоголю в целом? Вы хотите, чтобы все были абсолютными трезвенниками?

— Ну зачем же, — рассмеялся я.

Такое предположение показалось мне действительно забавным. Абсолютная трезвость среди молодежи в середине 1970-х? Весьма далеко от правды жизни.

— Пиво, вино и даже водка не возбраняются.

После этого мы перешли ко второй группе критериев, затем сформулировали третью. Расстались после десерта вполне довольные друг другом. Мне, во всяком случае, Вера Максимова очень понравилась, и хотелось надеяться, что я не вызвал у нее отторжения и неприятия.

Поздно вечером, ложась спать в своем номере отеля, я окинул взглядом минувший день и с удовлетворением отметил, что он получился длинным. К старости такие длинные, насыщенные делами и впечатлениями дни случаются все реже и реже...

* * *

Начало собеседований было назначено на пять часов вечера, но я попросил Назара привезти меня пораньше, хотя бы за час. Я уже говорил, что с годами стал медленным, и это относится не только к тому, как быстро я все делаю, но и к скорости, с которой я адаптируюсь к новой обстановке. Мне стало требоваться дополнительное время, чтобы осмотреться, привыкнуть, освоиться, и только после этого я мог сосредоточиться на деле. Для меня символическое значение почему-то имеет чашка кофе. Когда я приезжаю в незнакомый город, мне непременно нужно зайти в какое-нибудь кафе, и после выпитой чашки кофе я начинаю чувствовать себя почти местным жителем. Уж во всяком случае, не совсем чужаком. То же самое происходит при деловых встречах: я прихожу заранее, прошу принести кофе, и минут через пятнадцать вполне готов к работе.

Внизу, в холле, рядом со стойкой охраны и турникетами нас ждал Юра.

Сегодня он был не в джинсах и куртке, а в костюме, дешевом и плохо сидящем, изрядно портившем его отличную фигуру с широкими плечами и узкими бедрами. Если вчера этот человек показался мне почти красавчиком, то сейчас он выглядел нелепо и даже, пожалуй, жалко.

— Техник уже на месте, работает, — доложил наш офис-менеджер. — Парковочное место для переводчика обеспечено, такси вызвано. Вас проводить?

— Не нужно, мы же знаем дорогу, — отказался Назар. — Ты лучше встречай и провожай тех, кто не знает.

Техник, парнишка лет двадцати, высоченный и очень худой, сидел за своим компьютером. Перед ним на столе лежал лист с распечатанным текстом.

— Проверяю адреса, — пояснил он, не отрываясь от клавиатуры и экрана. — И каждому в чат на скайпе пишу сообщение: «Для проведения собеседования вы будете подключены во столько-то. Пожалуйста, отправьте ответное сообщение с подтверждением вашей заинтересованности в собеседовании». У меня тут список распечатан, кому на какое время назначено.

— Вот молодец, сынок, — обрадовался Назар. — Это ты правильно сообразил, правильно! Молодежь ведь — она такая, ненадежная. Забыл, что собеседование назначено, и улетел куда-нибудь потусоваться. Или уважительная причина какая-то, заболел, например, ногу сломал или еще что. Или вообще передумал в последний момент. Зачем же нам время тратить, ждать его, дозваниваться? Будем знать заранее, что образуется пятнадцать свободных минут.

При словах о ненадежности молодежи «сынок» только издал неопределенный смешок, но занятия своего не прервал.

Свои вопросы Юра накануне задавал явно не напрасно: все было готово. Кофемашина включена, чайник полон воды, посуда расставлена на столике справа, запечатанные пищевой пленкой тарелки с закусками — слева. Я оглядел наши рабочие места, отметил наличие бумаги, ручек и фломастеров, а также списков кандидатов с указанием времени, точно таких же, каким в данный момент пользовался наш техник. Ну и хорошо, теперь можно сделать себе кофе и начать осваиваться.

Я налил кофе, Назар заварил для себя травяной чай, и мы уселись за длинный стол.

— Ухо для кого? — прервал нашу тихую беседу техник.

Оказывается, он уже не сидел за компьютером, а стоял у нас за спиной. В руках у него был крохотный приемничек, соединенный витым шнуром с

батареей на клипсе для крепления на поясе.

— Для меня.

Я взял из его рук приемник, привычно вставил в ухо, батарею одним движением прицепил на брючный ремень и прикрыл полый пиджака — для переводчиков эта техника привычна и никаких неудобств, как правило, не вызывает. Техник отошел, сел на место, предназначенное для переводчика, надел микрофон.

— Слышно меня? — громко спросил он.

Моя голова чуть не лопнула. Звук взорвался в ухе и прокатился под черепной коробкой болезненной волной.

— Тебя, сынок, на весь этаж слышно, — сердито откликнулся Назар. — Здесь глухих нет, слава богу. Переводчик будет говорить очень тихо, чтобы никому не мешать, понял идею?

— Так бы сразу и сказали, — проворчал техник.

Продолжение фразы было явственно написано на его лице: мол, кто вас, стариков, знает, вы ж все глухие по определению, надо было заранее предупреждать. Увы, так устроена жизнь: для молодых люди нашего с Назаром возраста априори глухие, слепые и тупые. К сожалению, довольно часто так и есть на самом деле. Но не в нашем случае. Насчет остроты ума мнения, конечно, могут разделиться, да и очками мы оба пользуемся, но вот со слухом пока полный порядок что у него, что у меня.

Без двадцати пять появилась Вера Максимова, без десяти — пришел переводчик, полный суетливый мужчина с влажным от пота лбом: было заметно, что подъем по лестнице всего лишь на второй этаж дался ему с заметным трудом. Он сразу заговорил со мной по-английски, с выраженным британским акцентом.

— Я говорю по-русски и хотел бы практиковаться как можно больше, — прервал я его. — Ваша задача — переводить то, что будут говорить кандидаты, чтобы я мог быть уверен, что правильно их понял. Переводить для меня вопросы, которые будут задавать Вера или Назар Захарович, не нужно, их речь я понимаю без труда.

Переводчик по фамилии Хорват и по имени Семен широко улыбнулся и развел руками.

— Ну, это вообще получится отдых, а не работа. Я-то думал, что придется синхронить туда-сюда без перерыва.

«Туда-сюда» означало, надо полагать, с русского на английский и с английского на русский, то есть обеспечивать переводом все разговоры полностью. Такая работа и в самом деле невероятно трудна и требует огромной концентрации внимания.

Юра, приведший Хорвата, неуверенно мялся у дверей. Поймав мой вопрошающий взгляд, осторожно приблизился.

— Господин Уайли, можно мне посидеть в уголочке, послушать? Я не помешаю?

— Не помешаете. Но вы меня удивили. Неужели вам интересно?

— Еще как! Вы ведь что-то такое необычное придумали... И как раз про годы моей молодости. Я как только увидел объявление на ярмарке вакансий — сразу на сайт зашел и заявку оставил, очень мне хотелось в вашем деле поучаствовать, снова в молодость окунуться.

Ну да, ну да... Молодость, с которой Юра все никак расстаться не может... Любопытно, почему я так цинично к этому отношусь? Что плохого в том, что человек не желает смириться с течением лет, не принимает свое старение?

— Я так обрадовался, когда меня взяли на эту работу! Семидесятые — это же самое счастливое время в моей жизни, вот верите?

Его глаза возбужденно горели, и я не сомневался, что он совершенно искренен.

— Сколько вам лет, Юра? — довольно бесцеремонно спросил я.

— Шестьдесят один, а что? Старый я для вашей работы, да?

— Да нет, вы, похоже, в отличной форме. Я рад, что наш проект вас так привлекает. Конечно, вы можете остаться и послушать, как мы будем общаться с кандидатами.

Он устроился в офисном креслице с полукруглой спинкой, стоящем в углу комнаты. До пяти часов оставалось две минуты, все расселись по своим местам, переводчик Семен едва слышным голосом рассказал мне детскую считалочку, чтобы мы убедились: его бормотание никого не отвлекает, а мне прекрасно слышно каждое слово.

— Из восемнадцати уже пятнадцать человек отписались в чате, тринадцать подтвердились, двое отменили собеседование, — объявил техник. — Номера пятый и одиннадцатый.

Мы дружно взяли ручки и пометили в графиках освободившееся время. Эти паузы можно будет использовать для того, чтобы перекусить и что-то обсудить.

— Второй, десятый и семнадцатый пока не отписались.

Я поставил рядом с этими номерами знаки вопроса.

— Я же тебе говорил, — зашептал сидящий рядом Назар, — молодежь — народ ненадежный, будут соскакивать в самый последний момент.

— Номер два есть! — объявил техник. — Подтвердил участие. Ну что, вызываю первого?

Я зачеркнул вопросительный знак возле номера 2 и кивнул:
— Давайте начинать, господа.

* * *

Время для собеседований назначалось не по порядку, а по согласованию сторон. Иными словами, если ты подал заявку на участие самым первым, это вовсе не означало, что собеседование тебе назначат на 17.00. График начали составлять по результатам подтверждения заявок за неделю до собеседования, и администратор сайта старался по возможности учесть удобства и пожелания кандидатов — пораньше или попозже.

Первым номером в списке шла девушка, 22 года. На экране появилась хорошенькая мордашка с пухлыми щечками в обрамлении длинных прямых волос, обесцвеченных в парикмахерской почти до снежной белизны.

— Ой, здрасьте, — весело проговорила мордашка. — Это мы уже начали?

— Да, мы уже начали, — подтвердил я. — Вас зовут Алина?

— Ну... — девушка, как мне показалось, слегка замешкалась. — Ну да. Алина.

— Скажите, Алина, почему вы подали заявку на участие?

— А что, нельзя было?

— Можно, конечно. И нужно. Но мы хотели бы знать, почему это нужно вам. Почему вам это интересно?

— Ну... А чего такого? Прикольно же. Я люблю игры. А вы еще и платить обещаете.

Послышался сигнал — на телефон Алины пришло сообщение. Девушка схватила телефон и начала быстро набирать ответ.

— Щас, момент, мне ответить надо...

Вера улыбнулась и подмигнула мне.

— Алина, вы не могли бы не пользоваться гаджетами во время собеседования? — попросила она.

— Не, ну это же срочно!

Глаза Алины, светлые и бессмысленные, широко раскрылись и уставились в экран, вероятно, пораженные недогадливостью нашего психолога.

— Большое спасибо, — сказала Вера. — О результатах мы вас известим, вся информация будет выложена на сайте.

— Что — уже все? — удивилась кандидат номер один.

— Да, вполне достаточно. До свидания.

На лице Алины отразилось разочарование. Вероятно, она ожидала каких-то других вопросов и собиралась поразить нас ответами. Девушка исчезла с экрана. До соединения со следующим кандидатом оставалась масса времени.

— Какой кошмар, — вздохнул я. — А если они все будут такими?

— Не будут, — успокоила меня Вера. — Вот поверьте мне, это просто несчастливое стечение обстоятельств: тупая врушка попалась вам самой первой. Так часто бывает.

— Тупая — согласен, но почему врушка? — удивился я.

— Ее зовут не Алина, это совершенно точно, — уверенно ответила Вера. — И без телефона с интернетом она не проживет и трех минут. Не расстраивайтесь, Ричард. И помните русскую поговорку: первый блин комом.

— А еще что можешь про эту девочку рассказать? — с любопытством обратился к Вере Бычков. — Что глупенькая и брехливая — это и я сообразил, а чего я не заметил?

— Она не умеет действовать по правилам. И не будет их соблюдать. Даже не потому, что очень захочет их нарушить, а просто потому, что не в состоянии их понять, осознать и запомнить. Она вообще не понимает, что такое «правило».

— Во как!

Назар откинулся на спинку стула.

— Из чего же это видно?

— А вы вспомните, что она ответила на вопрос. Она сказала, что это прикольно и вообще она любит играть. И денег за это заплатят. На сайте нет ни одного слова о том, что планируется игра. Ни одного! Я внимательнейшим образом изучила каждую фразу, чтобы максимально полно представлять себе, на какую информационную базу опирались при принятии решения те, кто оставлял заявки. На сайте нет ровно ничего, из чего можно было бы сделать вывод о том, что предполагается игра. То есть девочка, которую якобы зовут Алина, зафиксировала сумму оплаты, а все остальное придумала в соответствии со своими желаниями и фантазиями, и страшно удивилась, когда вдруг выяснилось, что ее желания и фантазии не имеют ничего общего с целями и задачами организаторов. Есть правило, и оно работает для всех: мне нужно от тебя то-то и то-то, и за это я готов заплатить столько-то. По этому правилу живет вся наша цивилизация. Но девочка хочет жить иначе: я хочу, чтобы ты дал мне то-то и то-то и еще

заплатил за то, что я это приняла. Она искренне не понимает, почему мир устроен не по этому чудесному правилу, и будет до глубокой старости добиваться, чтобы жизнь стала такой, как ей нравится, а не такой, какая она есть. Заметьте, ей двадцать два года, то есть в течение двадцати двух лет она живет среди нас, общается с людьми, с подругами, где-то учится, делает покупки в магазинах, смотрит кино, читает книги... Хотя нет, — Вера быстро улыбнулась, — насчет книг я, пожалуй, погорячилась, девочка их вряд ли читает. Но фильмы и сериалы наверняка смотрит. Даже если она сама ни дня не работала, у нее вполне достаточная информационная база для того, чтобы сделать минимально необходимые для жизни выводы: что нужно читать внимательно тексты договоров и деловых предложений и что платят за работу и за результат, а не за твое личное удовольствие. Два простейших жизненных правила — она даже их не в состоянии усвоить. Страшно представить, что с ней было бы, если бы мы озвучили ей необходимость прожить месяц без телефона и компьютера.

Я слушал Веру с большим интересом. Мне даже в голову не приходило, что из нескольких коротких фраз можно сделать столько выводов.

— Номер два на связи, — объявил техник.

В списке под этим номером числился молодой человек, 25 лет.

— Добрый день, — начал я, — представьтесь нам, пожалуйста.

Неправильные черты лица, даже, я бы сказал, некрасивые. Взгляд отстраненный, словно обращенный внутрь. Поза расслабленная, парень не волнуется и не напрягается.

— Меня зовут Артем. Все анкетные данные я оставлял в заявке.

Голос высокий, чуть дребезжащий. В нем послышалась нотка недовольства или мне только показалось?

— Скажите, Артем, почему вы приняли решение оставить заявку?

— Мне интересен период семидесятых годов. Я маркетолог, от меня требуется, чтобы я придумывал методы наиболее эффективного продвижения торговых марок и конкретных товаров, но для решения этой задачи мне необходимо хорошо понимать психологию и ментальность разных категорий потребителя. Мне хорошо удается создавать программы продвижения того, что потребляется возрастной группой семнадцать — тридцать, но я сознаю, что для продвижения среди группы пятьдесят-плюс у меня не хватает потенциала. Я не понимаю, как думают люди этого возраста и какие у них потребности. Ваше предложение дает мне возможность увидеть, в каких условиях росла и формировалась эта когорта потребителей. Если мне удастся что-то ухватить, моя работа станет более

эффективной.

Он говорил размеренно, словно зачитывал заранее написанный текст, но глаза его не отрывались от камеры и смотрели прямо на нас.

— Артем, — вступила Вера, — как вы отнесетесь к тому, что в период выполнения работы, о которой идет речь, вам будут не доступны ни интернет, ни мобильный телефон?

Пауза, глаза по-прежнему устремлены в камеру... Опущены вниз... Снова в камеру:

— Думаю, что я это переживу. Стационарная телефонная связь будет доступна?

— Разумеется. Но звонить можно будет только на стационарные телефоны. Не на мобильные, вы это понимаете?

— Понимаю. Полагаю, стационарного телефона будет вполне достаточно.

Тут я решил, что пора и мне включиться в разговор.

— Расскажите, как вы проводите свободное время, — попросил я.

— Свободное от чего?

— Например, от работы в офисе.

— Думаю. Читаю. Работаю.

— Читаете — что?

— Зависит от того, над чем работаю. Мне нужно настроиться, почувствовать атмосферу. Ну и быть в тренде, конечно, знать, кто что нового придумал в моем поле деятельности.

— Клубы посещаете?

— Клубы?

В глазах Артема впервые за весь разговор блеснуло что-то, похожее на недоумение.

— Иногда.

— Вам нравится там бывать?

— Не особо. Но друзей обижать не хочется. И опять же, нужно быть в тренде, видеть людей, потенциальных потребителей.

— Кино любите?

Снова недоумение. Я все ждал, когда Артем задаст «любимый» вопрос Назара: «А что?» Но вопроса этого не слышал. То ли этот Артем слишком умный и прекрасно понимает подоплеку каждого нашего слова, то ли просто не умеет удивляться, принимает все как должное и само собой разумеющееся. Что ж, и такое бывает, хотя и крайне редко.

— Кино люблю.

— А сериалы?

— Наши, российские, не люблю, но смотрю.

— Чтобы быть в тренде? — пошутил я.

— Конечно. Сначала смотрю, потом выясняю рейтинги и делаю выводы: что аудитории нравится, а что нет, что цепляет, а что проскакивает мимо сознания. И обязательно читаю обсуждения в интернете. Из этого мне как маркетологу можно извлечь много полезного.

— Спасибо, Артем, результаты собеседования будут вывешены на сайте уже завтра.

— Спасибо и вам.

Его лицо оставалось серьезным и спокойным, только губы тронула чуть заметная усмешка.

— Отключено, — объявил техник, — можете разговаривать. Следующее подключение через десять минут. Быстро вы побеседовали, меньше пяти минут вышло.

Переводчик Семен встал и направился к кулеру. Вера тоже решила выпить кофе.

— Как вам мальчик показался, Ричард? — спросила она, стоя перед кофемашиной спиной ко мне.

Я так засмотрелся на изящные линии ее бедер, обтянутых узкими брюками, что даже ответил не сразу.

— Мне понравился. Но я, наверное, опять чего-то не увидел.

— Да хороший мальчик, хороший, — заговорил Назар. — Толковый.

— Он очень сильно мотивирован, — Вера подошла к столу с чашкой в руке, — настолько сильно, что его совершенно не смущает отсутствие современных технологий. Он будет соблюдать правила, в этом я не сомневаюсь. Но с ним будет трудно.

— Почему? — удивился Назар.

— Он — гений. Ну, или почти гений. У него гладкая выверенная речь, и это выдает в нем человека, имеющего достаточный опыт презентаций, переговоров и всяких прочих публичных выступлений. Но он много времени проводит в одиночестве и легко отказался от мобильной связи, это говорит о том, что человеческими контактами он, скорее всего, не богат и особо ими не дорожит. Отсюда можно сделать предположение, что у Артема есть проблема с отношениями. Он не умеет их выстраивать и не хочет или не может научиться.

— Ну, это меня не пугает, — заявил я. — Мне же не в семью его брать. А в плане моих целей он, мне кажется, вполне годится.

— Более чем, — заверила меня Вера.

— Десятый подтвердился, — раздался голос техника.

Еще один вопросительный знак оказался зачеркнутым. Мы продолжили работу.

* * *

- Почему вы подали заявку на участие?
- Не понял, что за вопрос... Вы ж сами объяву сделали, а теперь спрашиваете.
- Нам важно понять, почему вы откликнулись на приглашение.
- Да вам-то какая разница? Вам же рабсила нужна, а вы в душу лезете.
- Большое спасибо, мы сообщим о результатах...

* * *

- Как вы отнесетесь к тому, что в течение месяца не сможете пользоваться интернетом и сотовой связью?
- Чего-о?! Это как?
- Вот так. Не сможете.
- Это еще почему?
- Таковы условия.
- Да идите вы на хрен!

* * *

- Почему вы заинтересовались нашим проектом?
- Вам честно ответить или наврать?
- Лучше честно. Потому что если вы солжете, я все равно пойму.
- В общем... Сам проект мне не сильно интересен, но мне нужно где-то перекантоваться до конца лета.
- У вас проблемы с законом?
- Что? С законом? Нет, что вы, перед законом я чист. Это семейное... Я решил уехать из города, в котором всю жизнь прожил, нашел другую работу, в другом городе. Но там вакансия освободится только в августе, а я без зарплаты, жить не на что. Вы хотели честный ответ — вот вам честный ответ. Я готов работать добросовестно и без лажи, просто мне нужны

деньги и жить негде.

— Спасибо, мы сообщим о результатах на сайте.

* * *

— Почему вы приняли решение оставить заявку на участие?

— Потому что мы, молодое поколение, должны знать свою историю, иначе мы никогда не сможем построить гражданское общество и привести нашу страну к процветанию и к признанию мировым сообществом.

— То есть вы любите историю?

— Очень люблю!

— Наверное, в периоде семидесятых вас больше всего интересует борьба за власть после Двадцатого съезда РСДРП?

— Да! Это самая замечательная веха всего периода!

— Большое спасибо, о результатах вам сообщат...

* * *

Все присутствующие хохотали так, что дрожали стекла в окнах. Не смеялся только техник. То ли не слушал, то ли не понял... «Скорее всего, второе», — подумал я.

— Фантастический экземпляр, — заходился в смех переводчик Семен. — Выучил наизусть какие-то лозунги и шпарит, не понимая ни слова. Видимо, этот пацанчик как раз из тех, кто считает, что Ленин и Наполеон жили примерно в одно время и даже воевали друг с другом.

Я бросил взгляд в угол, где тихонько сидел офис-менеджер Юра. Он тоже смеялся, но почти беззвучно. В общем-то я совсем не специалист по истории России, предмет этот никогда не изучал, но благодаря огромному количеству текстов, переведенных за всю жизнь, все-таки представлял себе, что аббревиатура «РСДРП» относится скорее к началу XX века, а знаменитые слова «Двадцатый съезд» означают период после смерти Сталина, то есть примерно середину 1950-х. И ни то, ни другое к 1970-м годам ни малейшего отношения не имеет. Непонятно, то ли историю плохо преподают в школе, то ли дети не хотят ее изучать...

— Следующая у нас Евдокия, — сказал Назар, заглянув в список. — Господа, у меня есть небольшое сообщение.

Мы с готовностью усталились на Бычкова.

— Евдокия — подруга моего ученика, того самого, который порекомендовал нам обратиться к Вере.

— Это девушка Романа? — удивленно переспросила Максимова.

— Да. О том, что во время мероприятия невозможно будет пользоваться современными технологиями, она знает, хотя на сайте мы специально об этом не писали. Ей Роман сказал. Понимаю, что это нарушение условий, и приношу извинения за своего ученика. Говорю сейчас об этом, потому что Вера обращает особое внимание на реакцию...

— Да, — кивнула Вера, — хорошо, я это учту. Спасибо, что предупредили.

На экране появилось усталое, но милое лицо, со странным выражением одновременно затравленности и яростной решимости.

— Евдокия, почему вы заинтересовались нашим проектом?

— Буду откровенна. Мне нужно что-то сделать с собой. Так считаю и я сама, и мой... мой близкий друг. Самым лучшим способом для этого будет невозможность пользоваться интернетом и мобильниками. Не хотелось бы углубляться, но мое решение продуманное и твердое.

— Значит, вам совершенно все равно, чем придется заниматься в течение месяца?

— Я готова хоть канавы копать, хоть помои носить, хоть нужники чистить.

— Вы хорошо учились в школе?

— Нормально. Даже неплохо, можно и так сказать.

— Литературу любили?

— Да, очень. Это единственный предмет, по которому у меня за все годы ни разу не было даже «четверки». Только отличные отметки.

— Как вы думаете, вы будете очень скучать по своему... близкому другу? Все-таки месяц в разлуке — это довольно значительно.

— Конечно, я буду очень скучать по нему. Но если я не разберусь с собой, то потеряю его насовсем. И тогда мне придется скучать по нему всю оставшуюся жизнь. А так — всего месяц.

— Хорошо, Евдокия, завтра на сайте будут опубликованы результаты...

* * *

— Вы сможете обходиться без мобильной связи и интернета в течение месяца?

— А зачем?
— Таково условие работы.
— Да хрень какая... А почему надо без них обходиться?
— Потому что в семидесятые годы их еще не было.
— Ну и что, что не было? Мы-то не в семидесятих годах живем, а сейчас. И у нас все есть.
— У вас ничего не будет: ни телефонов, ни планшетов, ни ноутбуков. Совсем ничего.
— Отберете, что ли?
— Ну... Да, примерно так. Отберем.
— Обыскивать будете, что ли? Сумки шмонать?
— Именно так.
— Да ладно, фигня, я все равно пронесу.
— А если не пронесете?
— Ну, не вопрос, дойду до ближайшего интернет-кафе. А телефон вообще можно за бабки у любого чела на улице стрелкнуть и позвонить.
— Понятно. Спасибо, результаты будут завтра...

* * *

— Почему вы решили подать заявку на участие?
— Потому что...
Огромные синие глаза наливаются слезами, губы подрагивают.
— Не волнуйтесь, пожалуйста, Наталья, и не стесняйтесь, если захочется плакать, — мягко произносит Вера. — Это нормально, в этом нет ничего страшного или стыдного. Так почему?
— Потому что мне не нравится жить сейчас.
— А где вам понравилось бы, как вы думаете?
— Там, где мозаикой стекол окон десятки волшебных снов, а не все вот эти лайки-фотки-посты с коментами и вечные разговоры о том, кто какую пластику сделал и кто на какие бабки очередного папика раскрутил.
— Позвольте мне, — внезапно проговорил Назар.
— Да, конечно, — кивнула Вера.
— Значит, говорите, мозаика в окнах, — начал Бычков неторопливо. — А что тогда на стенах?
Я не понял ни почему он решил взять на себя разговор, ни почему задал такой странный вопрос. Вера, кажется, тоже не поняла, но внимательно следила за реакциями девушки на экране. А вот саму девушку

вопрос Назара, похоже, нисколько не озадачил, она ответила мгновенно:

— А на стенах вместо картин — гирлянды ненужных слов.

— Насчет книг что скажете?

— Шарля Перро люблю, все детство его читала. А «Магизм основ» не читала. Хотела в интернете найти, но там такой книги нет почему-то.

— Ясно. Давайте предположим, что вы встретили волшебника. Что попросите у него?

Девушка улыбнулась, но мне отчего-то показалось, что эта улыбка была адресована только одному Назару, а не всем нам.

— Доброго или злого?

— Доброго, конечно. Злой ничего не даст, как ни проси. Номер по порядку назовите.

У меня возникло ощущение, что я присутствую на спектакле под названием «Торжество сюрреализма». Я уже не понимал ни слова ни из того, что говорил Назар, ни из того, что отвечала ему эта девушка с невероятными синими глазами. Перевод, звучащий у меня в ухе, выглядел таким же чудовищным и абсурдным.

Девушка задумалась. В камеру попадали ее руки, и я заметил, как непроизвольно шевелятся пальчики, один за другим: она явно что-то считала в уме.

— Наверное, я попросила бы первое, четвертое и шестое.

— Отлично, — удовлетворенно кивнул Назар. — Если шестое, то что именно? Номер по порядку.

Снова небольшая пауза, снова шевелятся пальчики...

— Первое и пятое.

— Поплакать, стало быть, любите? Это ничего, Наташенька, это можно, вы же женщина, вам плакать по природе положено. Картина «Грачи прилетели» вам нравится?

— Хорошая очень картина, — слабо усмехнулась девушка. — Вы меня экзаменуете?

— Что вы, боже упаси, просто проверяю, насколько широки ваши познания материала. Наше решение от этого никак не зависит. Это я так, для собственного удовольствия. Так сколько там до метели-то у нас осталось?

— Две полочки. А до Рождества — ни одной любви.

— Спасибо, у меня больше нет вопросов.

— У меня есть вопрос, — снова заговорила Вера. — Вы — активный пользователь интернета?

— Да, все время пользуюсь.

— Как вы перенесете отсутствие возможности выходить в сеть?
Девушка пожала плечами и задумалась.
— Перебьюсь. Больше всего я песни слушаю, но их же можно в плеер закачать, если интернета нет.
— Плееров не будет.
— Да? Засада... ну, тогда в телефон.
— Телефонов тоже не будет.
— А как же...? Ну ладно, а магнитофоны будут?
— Будут. Бобинные, пленочные.
— Вот и хорошо, мне достаточно.
— Спасибо, мы вас завтра известим...

* * *

— Что это было? — строго спросил я Назара, когда лицо синеглазой девушки исчезло с экрана и снова появилась заставка скайпа. — Или это проблемы перевода и все всё поняли, кроме меня?

— Я тоже ничего не поняла, — призналась Вера.

— Потом, потом, — махнул рукой Назар, с трудом сдерживая улыбку. — Долго объяснять, потом расскажу. Давайте пока поужинаем, у нас как раз перерыв получается.

Синеглазая Наташа, с которой Бычков вел только им двоим понятный, таинственный разговор, шла в списке под номером 10, кандидат под номером 11 собеседование отменил, и у нас было 15 минут на то, чтобы поесть, сходить в туалет, размять ноги и сделать необходимые звонки. Долговязый техник набрал в тарелку целую гору еды, унес на свое место и снова уткнулся в компьютер, толстяк Семен, напротив, от еды отказался, налил себе кофе, отошел к окну и, поставив чашку на подоконник, весь перерыв куда-то звонил и что-то говорил тихо, но, судя по выражению его лица, довольно сердито. Наш офис-менеджер куда-то исчез, но появился через несколько минут и снова занял место в креслице. Я жестом пригласил его подойти и принять участие в нашем импровизированном фуршете, он с готовностью приблизился. Я сразу учуял исходящий от него запах табака: Юра выходил покурить.

— Спасибо, — он положил на тарелку два бутерброда и от одного из них сразу откусил. Еще не прожевав первый кусок, настороженно взглянул на меня и потянулся за маленьким пирожным, которое тоже переключало на тарелку у него в руках.

— Ешьте, Юра, не стесняйтесь, — подбодрил я его, — здесь всего много.

— Спасибо, — повторил он. — Мне нужно быть осторожным, у меня холецистит.

— А у кого нет холецистита? Он у всех есть, особенно после сорока, — заметил стоящий рядом со мной Назар. — Главное, чтоб не острый. А с хроническим вполне можно жить.

Он взглянул на часы.

— Еще пять минут есть, сбегая на улицу, нанесу вред здоровью.

Назар умчался. Наверное, ему тяжело прожить больше трех часов без сигареты, а у нас впереди еще семь кандидатов, то есть почти два часа. На самом деле работать мы планируем намного дольше, ведь после окончания собеседований мы должны будем обсудить результаты и принять решение, которое уже завтра обещали вывесить на сайте проекта, но перед обсуждением можно устроить небольшой перерыв, чтобы курильщики могли предаться любимому занятию.

— Две минуты! — объявил техник.

Мы стали рассаживаться по местам. Назар еще не вернулся, и при виде пустого стула рядом с собой мне отчего-то стало неуютно и тревожно. Оказывается, за столь короткое время я успел привыкнуть к тому, что Бычков рядом... Столько лет я провел в относительном одиночестве, жил один, пребывая в убеждении, что не нуждаюсь ни в помощи, ни в поддержке и никто мне не нужен, мне более чем достаточно самого себя и моей работы. А вот оказывается, что не так все радужно и благолепно.

— Подключаемся? — спросил техник, глядя на меня.

— Еще минуточку, сейчас Назар Захарович подойдет.

— Я здесь, здесь! — послышался от двери знакомый говорок. — Уже бегу.

И мне сразу стало тепло и спокойно.

* * *

— Вы любите ездить в новые места? Вообще путешествовать любите?

— Конечно! Ой, мы как раз только что вернулись из Таиланда, ездили в свадебное путешествие. Так классно было!

— В свадебное путешествие? Так вы замужем?

— Ну да, а что?

— В заявке вы указали, что не замужем.

— Ну, тогда была еще не замужем, а сейчас замужем. А в чем проблема? Какая вам разница?

— Вы же читали информацию на сайте, там четко прописаны требования к матримониальному статусу.

— Ну и что?

— Спасибо, всего доброго.

* * *

— А сколько уровней в вашем квесте?

— Уровней? — Вера бросает на меня короткий взгляд.

Я пожимаю плечами и отвечаю сам:

— Там не будет уровней. Там будет просто работа.

— У-у-у... Я думал, там у вас крутяк, типа попаданцы и всякие хитрые задачи... Не, это мне не надо.

— Хорошо, спасибо, всего доброго.

* * *

На экране симпатичная девушка, которая была бы по-настоящему красивой, если бы не кислотно-розовые пряди в каштановых волосах и ужасный маникюр: ногти выкрашены черным лаком, по которому выложены узоры из стразов, причем узоры разные. От одного вида этих пальцев у меня зарябило в глазах.

— Почему вы приняли решение оставить заявку на участие в нашем проекте?

— Я хочу развиваться, хочу двигаться вперед.

— То есть вы видите в нашем проекте возможности для саморазвития?

— Ну да.

— Какие именно?

— Что?

— Какие именно возможности вы видите? Что вас привлекло, заинтересовало?

— Ну... Как сказать... У вас там должны быть интересные люди, которые много знают. Ну и вообще... Интересно!

— Хочу вас предупредить, что во время работы в проекте вам нельзя будет пользоваться ни компьютерами, ни мобильными телефонами.

— Да ничего страшного.

Ответ прозвучал как-то слишком уж быстро и уверенно. Это заметили и Вера, и Назар.

— Наташа — ваша подруга, верно? — вклинился вдруг Бычков.

Девушка растерянно молчала, глаза забежали.

— Ну... А что такого? Разве подругам нельзя?

— Да можно, можно, — рассмеялась Вера.

— А как вы узнали?

— Комната одна и та же, — объяснил Назар. — Я же вижу: обои те же, картинка вон висит такая же. И спинку дивана тоже видно. Вместе живете?

— Ну да. Мы вообще из одного поселка, в одном классе учились, вместе приехали поступать, вместе и живем, комнату снимаем.

— Значит, из поселка — в город, учиться, профессию получать?

— Ну да.

— А потом что? Есть планы на дальнейшую жизнь?

— Пока нет, для меня сейчас главное — получить знания. Только у нас тут с этим напряженка, никому ничего не надо, а мне хочется быть среди людей, которые много знают...

Кислотно-розовые пряди в моем представлении как-то мало сочетались со стремлением к знаниям и к общению с образованными людьми. Но жизнь постоянно учит: не суди по внешности, внешность — самое обманчивое из всего, что есть на свете. Вполне возможно, у девочки беда со вкусом, а с мозгами как раз все в большом порядке.

— А можно вопрос задать? — спросила девушка.

— Пожалуйста.

— В интернете написано, что учредитель фирмы, которая организует... ну, вот это всё... что он американец. Это правда? Или фейк очередной?

Я бросил взгляд на список: номер 14, Марина.

— Нет, Марина, я не фейк. Я самый настоящий.

— Ой, как вы хорошо по-русски говорите! Вы, наверное, из России, эмигрант?

— Нет, я коренной американец.

— А русский язык так хорошо знаете... Долго учили, наверное?

— Долго. Всю жизнь. Я переводчик.

— В интернете написано, что вы живете не в Америке, а где-то в Европе. Это правда?

— Правда. Я живу в Голландии. А вы, выходит, проверяли информацию?

— Ну а как же! — Возмущение девушки было весьма искренним. — Как только я узнала, что Наташка подала заявку, сразу стала проверять. Натка... Она такая, знаете, доверчивая, неприспособленная, ее кто угодно вокруг пальца обведет, вот и приходится ее защищать и подстраховывать на каждом шагу, а то ведь вляпается и не заметит.

— А вы, значит, опытная и хитрая и охраняете ее от всех опасностей?

— Не, ну не то чтобы... Просто Натка несовременная, ей трудно. А я более продвинутая, мне легче.

— Понятно. Спасибо, завтра вы узнаете результаты.

* * *

В половине десятого мы закончили разговор с последним кандидатом и сразу же отпустили Семена Хорвата: переводчик больше не требовался.

— Я еще нужен? — поинтересовался техник.

Мы посоветовались и решили, что он, пожалуй, тоже может уходить. Все, что нужно, администратор сайта сделает сам завтра утром. Юра так и сидел в углу, уходить не собирался.

— Мне нужно будет все проверить, убрать и закрыть, — пояснил он, поймав мой вопросительный взгляд. — Технику вывезти, чтобы ничего не пропало. Чайник — еще куда ни шло, а пять ноутбуков и кофемашина это уже серьезно, на многие тысячи потянет. Вы же с меня вычтете, если что.

Кофемашина и чайник могут еще пригодиться, если обсуждение затянется, а вот ноутбуки вполне можно было уносить. Юра начал приносить откуда-то коробки с пенопластовыми вкладышами и аккуратно, не спеша, паковать технику, которую он, стараясь не шуметь, выносил и грузил в машину.

— Назар, ты обещал объяснить, что за странные разговоры ты вел с этой... Наташей, кажется? — требовательно заявил я.

Бычков огляделся по сторонам и всплеснул руками:

— Эх, незадача, компьютеры-то все поотключали! Я бы просто дал вам послушать... Ну ладно, я вам сейчас на телефоне найду, хотя звук, конечно, будет не тот, но суть вы поймете.

— Вера, вы что-нибудь поняли?

Максимова качнула головой:

— Ничего. Ума не приложу, при чем тут музыка.

Назар тыкал пальцем в экран смартфона, что-то выискивая.

— Да музыка-то ни при чем, — сказал он, не глядя на нас. — Это

песни. Там слова важны. Вот, нашел. Ладно, не буду вас заставлять слушать все целиком, просто текст зачитаю.

Внезапно выключил телефон, сунул в карман и постучал себя костяшками пальцев по лбу.

— Старый я дурак, ничего уже не соображаю. Тексты-то я вам и без всякого телефона наизусть расскажу. Ну, слушайте. В шестидесятые годы, когда я был молодым, начался всплеск самодетельной песни. Выступать на больших сценах этим авторам-исполнителям, конечно, не позволяли, их творчество не соответствовало правительственному канону, они пели в основном для своих, на так называемых квартирниках, их записывали на магнитофоны, переписывали. Тексты на машинке перепечатывали и распространяли среди любителей. Одним словом, их песни знали и пели все. Так вот, Наташа процитировала несколько слов из песни Кукина, а я стал проверять, случайно это или нет, то есть действительно ли она хорошо знает эти песни или просто одну фразу услышала где-то и запомнила. Сначала речь шла про песню о маленьком гноме. Там сказано:

*Беги от людей, мой маленький гном,
Беги поскорей в свой старенький дом,
Где по стенам вместо картин — гирлянды ненужных слов,
Где мозаикой стекол окон — десятки волшебных снов.
И книги, рожденные сотнею сказочно умных голов —
От Шарля Перро и до «Магизма основ».*

— Вот теперь понятно, — кивнул я. — А все остальное? Ты просил ее называть какие-то номера.

— А это уже из песни про волшебника. «Где ж ты, мой добрый волшебник?» Автор просит волшебника «дать ему хоть что-нибудь тоже». И дальше перечисляет: «Радости дай, дай печали, чтобы встречал и встречали, чтобы меня понимали и чтобы всё понимал я».

Вера быстро записывала в блокноте. Потом перелистнула несколько страниц, поискала глазами что-то из записанного ранее.

— Нашла. На вопрос, что она попросила бы у волшебника, Наташа ответила: первое, четвертое и шестое. Да, понятно. А дальше?

— А дальше идет перечисление того, что автор хотел бы научиться понимать.

*...И чтобы всё понимал я:
Чем опечалена туча?*

*Радость какая у листьев?
Горд чем цветок?
Что всё значит?
И почему люди плачут?*

— Ага, и девочка назвала первое и пятое, — подхватила Вера, снова заглянув в блокнот. — Чем опечалена туча и почему люди плачут. Вы именно поэтому сказали ей, что она любит поплакать?

— Грустная какая-то эта Наташа, — заметил я. — Может быть, она в депрессии? Слушает печальные песни и плачет. Вряд ли это признак здоровой психики.

— Вот тут я с вами не соглашусь, — убежденно произнесла Максимова. — У нее позитивные установки. Она попросила бы у волшебника радости и умения понимать людей и то, как устроен мир, первое и шестое из перечисленного. Это активная позиция. Если бы речь шла о проблемах с психикой, она бы в первую очередь жаловалась на то, что ее никто не понимает, то есть попросила бы пятое, а не шестое. В депрессии она, скорее всего, захотела бы, чтобы все умерли и вообще всё закончилось. А она хочет радости и любви.

— Про любовь ни слова не слышал, — возразил я.

— «Чтобы встречали» и «чтобы я все понимала». Желание, чтобы рядом был человек, которому дорого твое общество и которого ты понимаешь. Разве это не про любовь? Нет-нет, Ричард, девочка нормальная, просто особенная. А что с картиной «Грачи прилетели», Назар Захарович?

— Это уже другой бард, Клячкин, написал песню на стихи Давида Самойлова. Тоже известная песня была.

— А про две получки и Рождество?

— Это Дольский, песня про осень.

*Осталось две получки до метели
И ни одной любви до Рождества,
Но ласточки еще не улетели,
И на березах желтая листва.*

— Ничего себе! — Вера положила блокнот на стол и в восхищении уставилась на Назара. — И вы все эти песни наизусть знаете?

— Может, не все, но почти все, — скромно признался Бычков. — Я их очень любил, а поскольку сам играл на гитаре, то и пел постоянно, и в компаниях, и сам для себя. Да я-то ладно, со мной все понятно, я —

типичное дитя оттепели, а вот то, что нынешняя девочка Наташа их знает не хуже меня и с легкостью цитирует с любого места — это занимательно.

— И не менее занимательно, что у нее такая «продвинутая» подружка, — заметил я. — Так как, Вера, что посоветуете? Берем нашу любительницу погрузить на второй этап?

— Безусловно. И подругу ее я бы тоже взяла.

— Почему? — удивился я.

Подруга с розовыми прядями на голове и стразами на ногтях мне как-то сразу «не показалась». Она не производила впечатления человека вдумчивого и пригодного для целей моего эксперимента.

— Из них может получиться любопытный тандем. Подруга Марина, конечно, привирает, нет у нее никакого стремления к знаниям и к общению с образованными людьми, это понятно. Но какая-то цель у нее определенно есть.

— Она же сказала: Наташу защищать и оберегать, — подсказал Бычков.

— Возможно, — согласилась Вера. — А может быть, цель у нее совсем другая. Но в любом случае девочки настолько разные, настолько непохожие друг на друга, что их взаимодействие может оказаться полезным.

Я сделал пометки в своих записях.

— Хорошо, идем дальше.

Мы вспомнили каждого кандидата, освежили впечатления, поделились мнениями, еще раз посмеялись над незадачливым «знатоком истории СССР». Кого-то вычеркнули сразу и единогласно, кого-то долго обсуждали. В итоге оставили девять человек, которые будут приглашены для прохождения тестового испытания.

Назар, как обычно, выдавал пессимистические прогнозы.

— Из этих девяти человек пять-шесть, не больше, согласятся ехать для тестирования за тысячи километров. Да и испытание пройдут не все. Я же предупреждал: хорошо, если в итоге хотя бы трое останутся.

Ну и ладно. Трех мне достаточно.

Завтра утром на сайте появятся имена тех, кто прошел первый этап отбора, и будет указано место, где мы проведем тестирование. Кандидатов попросят в течение дня ответить, готовы ли они отправиться туда в обозначенные сроки, так что к вечеру мы и узнаем, сколько билетов нужно заказывать и сколько персонала нам понадобится.

«Наверное, не такой уж хороший я работник, если меня так легко выкинули», — думал Сергей Гребенев, складывая в кучу пустые коробки — магазинную тару, в которой завозили продукты от поставщика. Грузчик Шакир, работавший в этом магазине, попросил подменить его на недельку-другую: надо съездить домой, сестра замуж выходит. Директор не возражала, только строго предупредила, чтобы пьяным или даже в подпитии являться не смел. Когда Шакир вернется, Сергею придется искать еще какую-нибудь временную подработку, чтобы протянуть до августа.

Как только он заикнулся на работе, что в середине августа уезжает в другой город, его немедленно уволили. Прямо на следующий же день.

— Но почему? — не понял Сергей. — Я могу еще три месяца работать.

— Мне не нужны сотрудники, которые знают, что через три месяца все равно уволятся, поэтому работу можно выполнять спустя рукава, расхлебывать им уже не придется, — жестко ответил исполнительный директор. — Вместо тебя я возьму человека, который будет знать, что за каждую ошибку ему придется ответить, и не пропустит ни одной неправильной буквы или запятой. Такой человек не будет предлагать непродуманные проекты в надежде на то, что мучиться с ними потом будет кто-то другой. Всё, Гребенев, свободен.

«Наверное, я сам виноват, все испортил, — корил себя Сергей. — Но я хотел как лучше. Думал, нужно честно предупредить заранее, чтобы начали искать нового сотрудника и мой участок не оказался оголенным, когда я уйду. Вот дурак! Надеялся на то, что люди все нормальные, думают об интересах дела, а они... Нет, никому нельзя верить. Ни на кого нельзя полагаться».

Первый товар в магазин завозили с 6 до 7 утра — молочные продукты от одного поставщика и хлебобулочные изделия от другого, и к этому времени грузчику полагалось уже быть на месте. Все расходы Сергей постарался сократить до минимума: неизвестно, сумеет ли он найти следующую подработку достаточно быстро, а деньги заканчивались так стремительно... Поменял тариф на телефоне на более дешевый, да и сам телефон, купленный в прошлом году, продал за бесценок, а симку переставил в свой старенький аппарат, без интернета, но вполне работающий. Девушка, которую Сергей так ценил за то, что она «без претензий», оказалась совсем не такой: как только он заикнулся о том, что

хочет переехать в другой город и уже нашел там работу, заявила, что в таком случае он ей не интересен.

— Раз ты теперь без зарплаты, значит, мы никуда не сможем пойти? И ты мне даже цветочка не подаришь? — обиженно спросила она, когда Сергей сказал, что в ближайшее время ему придется жить в режиме строгой экономии. — И ради чего мне это терпеть? Ради того, чтобы через три месяца расстаться? Так уж лучше прямо сейчас, чего тянуть-то.

Вчера Сергей прошел собеседование и теперь все время поглядывал на часы: интересно, вывесили уже результаты или нет? Целый месяц жизни на всем готовом и с крышей над головой, а потом еще и оплата! В его нынешнем положении это просто сказочный подарок. К тому же он уедет из этого ненавистного города, воздух которого отравлен зловонным дыханием подлости и жадности его самых родных людей — матери и сестры. Ему так нужна эта работа!

В объявлении на сайте приглашались не только участники молодого возраста, но и какие-то другие сотрудники, и Сергей сперва рассчитывал на занятие какой-нибудь вакансии. В перечне вакансий указывались профессии актера, психолога, врача-терапевта общей практики, культуролога, переводчика, а также приглашался человек для выполнения функций «инженера-техника». Вот на эту-то работу Гребенев и подал заявку: на сайте сказано, что предстоит провести серию психологических экспериментов для выявления моделей поведения в условиях отсутствия современных технологий, то есть ничего особо технически сложного там не предвидится, и он вполне может справиться. Но на всякий случай он, поразмыслив, через пару дней снова зашел на сайт и оставил заявку в качестве участника. Не возьмут сотрудником, так хотя бы подопытным кроликом побудет, тоже и деньги, и жилье, и питание.

Уже 7.45... Наверное, результатов еще нет. Да и все равно посмотреть негде, телефон у него теперь без интернета. Магазин открывается в 9, до прихода продавщиц еще целый час. Сергей работает всего пятый день, еще не успел запомнить, кто из продавцов и кассиров в какую смену работает. Хорошо бы с утра работала Зуля, она такая приветливая, всегда улыбается, здоровается, когда приходит, и прощается, когда уходит. Если попросить у нее на пару минут телефон, чтобы выйти в интернет, Зуля наверняка не откажет.

Закончив складывать пустую тару, он присел на ступеньку крылечка, ведущего в подсобку, вытянул ноги, прикрыл глаза. Солнышко какое теплое сегодня! Город оживает, с каждой минутой машин становится все больше, и тишина, висящая прозрачной, звонкой накидкой над улицами и домами,

постепенно рвется на лоскуты и вытесняется шумом автомобильных двигателей и голосами людей, на ходу разговаривающих по телефону.

Он почти задремал, когда почувствовал, как в ладонь ему ткнулось что-то влажное. Открыл глаза — так и есть, Филя, местный охранник «за воду и жрачку», огромный лохматый бездомный пес, которого обожали все, кто работал в этом магазине, но взять к себе домой никто не решался — уж очень велик, и места для него нужно много, и не прокормишь в одиночку. Филя прибил к магазину, как сказали Сергею, около года назад. Сразу видно было, что пес домашний, воспитанный, умный, без дела не брехал, магазин сразу воспринял как объект охраны и не подпускал к дверям чужаков. Можно было даже замки на ночь не вешать и рольставни не опускать, Филя все равно никого не проспит. Сперва даже хотели хозяина поискать, думали, что собака случайно потерялась, но ветеринар, к которому отвели пса, чтобы убедиться, что он не болен бешенством, осмотрел Филю и уверенно заявил:

— Собака уже давно живет на улице. Если бы ее, такую красавицу, искали, то уже нашли бы, не сомневайтесь.

— А порода-то какая? — спросила сердобольная директорша магазина, самолично приведшая бездомную псину в ветклинику.

— Тут много всего намешано. Отчетливо вижу кавказскую овчарку, но там, по-моему, и алабай поночевал в предыдущих поколениях, и волкодав. Ну и еще кое-кто по мелочи.

Филю оставили при магазине. Днем он обычно лежал в подсобке на матрасике, который специально для него положили в углу, после закрытия магазина и до прихода грузчиков нес службу на улице, обходя здание по периметру. Умеет ли Филя выполнять команду «Фас!» — никто не знал, но желающих проверить это отчего-то не находилось. Все надеялись, что громадная псина отпугнет любого злоумышленника одним лишь своим видом. На случай холода, дождя или снегопада даже будку поставили, чтобы собаке было где укрыться в перерыве между обходами. Самое забавное, что территорию, прилегающую к магазину, Филя, видимо, воспринимал в качестве продолжения «дома», а дома, как известно, воспитанные собаки нужду не справляют. Похоже, прежний хозяин обучал своего пса строго и никогда не отпускал одного или без поводка. Во всяком случае, овчарка «комбинированной породы» почему-то не могла самостоятельно отойти подальше от магазина и сделать все свои дела. Филе требовался сопровождающий, который скажет заветные слова: «Гулять» и «Делать, можно».

Филя был, несомненно, очень умен и причинно-следственные связи

улавливал и запоминал быстро. Шакир, объясняя Сергею местные порядки, предупредил:

— Собаку не бойся, она не тронет. Утром придешь, товар из машины на склад перетаскаешь, тару сложишь вот здесь, во дворе, только чтоб аккуратно, хозяйка наша не любит, когда разбросано. Закончишь все — своди Филю в туалет. Он все понимает, проситься не будет, пока ты работаешь, терпит. Если сам забудешь — он напомним. Такая собака, такая собака, прямо лучше человека! — Шакир удрученно покачал головой. — У нас в магазине почти все, кто работает, земляки мои, из Средней Азии, мы с собаками обращаться плохо умеем, в домах мало кто держит, в основном на дворе. Вот поверишь, брат, — никто из нас его не боится, все его любят. Девочки еду принесут, из кулинарии или обрезки какие, за это ты не переживай, только следи, чтобы вода всегда в миске была.

Миска для Филя была больше похожа на ведро...

Сейчас пес напоминал Сергею о необходимости совершить утренний туалет.

— Ну, пошли.

Сергей поднялся, сунул в просторный карман рабочей рубашки полиэтиленовый пакетик и металлический совочек и сделал шаг в сторону. Филя стоял как вкопанный.

— Извини, — Сергей спохватился. — Гулять!

Пес с достоинством подошел и занял позицию у левой ноги. Они не спеша дошли до тротуара, вдоль которого тянулся зеленый газон. Филя снова остановился и вопросительно заглянул Сергею в глаза, мол, можно?

— Делать, можно! — разрешил Сергей.

«Делал-гулял» Филя быстро. Равномерно распределил содержимое мочевого пузыря между несколькими деревьями и столбиками ограды газона, место для серьезных дел не выискивал придирчиво, как некоторые собаки, использовал первое же, более или менее подходящее. Сергей совочком собрал отходы жизнедеятельности в пакет и выбросил в ближайшую урну. И в самом деле, удивительный пес — этот Филя! Наверное, физической активности ему и ночью хватает, а сейчас он понимает: время рабочее, разгуливать некогда, надо поскорее все сделать и возвращаться, службу нести.

— Как же тебя, такого умного, на улицу выкинули? — вслух говорил Сергей, снова усаживаясь на ступеньку крыльца.

Филя устроился рядом, у его ног, внимательно смотрел в глаза, слушал.

— Поверить не могу, что тебя просто выгнали за ненадобностью. Тебя

же долго учили, воспитывали... Столько сил вложили! Только на одну кормежку по ползарплаты тратили, не жалели. Наверное, с твоим хозяином какая-то беда приключилась. Может, погиб... Или умер внезапно. А тебя никто не взял, потому что ты на вид очень страшный, тебя все боятся. Люди ведь не знают, что ты на самом деле умный. Ты на людей не обижайся, Филя. Они такие. Но и верить им тоже нельзя. Даже и лучше, что тебя никто не взял, а то попал бы в дом к какому-нибудь уроду... А здесь ты на свободе, и при деле, и при питании, и крыша есть, и любят тебя, ценят. Мы с тобой, Филя, одинаковые: я тоже за матрас и миску похлебки готов честно нести службу. Любую. А ведь совсем недавно все было по-другому. Ты жил с хозяином, который тебя любил, кормил, учил, лечил, а я жил с мамой, Геной и сестренкой, про карьеру думал, работу выбирал не первую попавшуюся, а такую, чтоб с перспективами и чтобы коллектив был подходящий, и оба мы думали по наивности, что так будет еще очень долго и что люди, которые нас окружают, — хорошие и порядочные. А теперь мы с тобой оба... вот тут сидим...

— С добрым утром, Сережа! С добрым утром, Филя!

— С добрым утром.

Зульфира, продавщица из рыбного отдела, которую все называли просто Зулей, скинула с плеч синий рюкзачок, достала пакет с едой, положила перед собакой изрядный кусок вареного мяса. Филя не шелохнулся.

— Кушать, можно! — звонким голосом скомандовала Зуля.

Мясо мгновенно исчезло. Как будто его никогда и не было.

Хорошо, что Зуля работает в утреннюю смену. Сейчас, пожалуй, еще рано, а вот часов в десять уже можно будет попробовать попросить у нее телефон. Как раз около десяти придет машина за тарой, Сергей отгрузится и заглянет на сайт. Если информация еще не появится, можно будет подкатиться к девушке еще разочек, после того, как разгрузит следующие доставки.

Машина, которая должна увозить пустую тару, задерживалась, Сергей начал злиться, но послушаться директора и уйти в торговый зал не смел: та предупреждала, что транспорт перевозчика не должен простаивать у магазина ни одной лишней минуты, иначе водители пожалуются и магазин оштрафуют, там такие порядки.

Подойти к Зуле удалось только в начале двенадцатого. Девушка без колебаний протянула ему свой телефон, Сергей быстро набрал адрес сайта и впился глазами в экран. Есть! Он успешно прошел собеседование и приглашается на второй отборочный тур. Ура!

Мне было трудно. Уже много лет я составлял расписание своей жизни с учетом возможного приступа мигрени, никогда не планируя двух мероприятий или встреч подряд. Напротив, на всё, что возможно, я резервировал два времени с интервалом в двое-трое суток. Например, договариваясь о встрече, я предупреждал: или во вторник, или в четверг, и не обижайтесь, если за час до встречи во вторник я позвоню и все отменю. Меня за это не любили, кто-то считал чудаком, кто-то сердился и не хотел иметь дела со мной. В сущности, отменять назначенные дела приходилось не так уж часто, львиную долю из них я ухитрялся втискивать в первые же после очередного приступа три-четыре недели. Но случались и накладки, причем порой весьма неприятные.

Все изменилось после знакомства с Энтони, бывшим Антоном, сыном Уллы, то есть в прошлом — Ульяны, и внуком Зинаиды Михайловны Лагутиной. Энтони действительно работал над изучением мигрени и, вопреки моим ожиданиям, весьма преуспел. Его научные изыскания позволили ему получить грант на разработку препарата, дающего возможность почти на сутки блокировать развитие приступа.

— Избавить человека от мигрени как болезни мой препарат не может, — сказал мне Энтони. — Но если его принять, то я гарантирую, что в течение ближайших суток приступа не будет. Конечно, разработка еще не закончена, препарат испытывают на добровольцах, но результаты очень обнадеживающие, очень!

Разумеется, я тут же попросил зачислить меня в группу этих добровольцев и получил флакон с капсулами светло-зеленого цвета. По условиям эксперимента я должен был принимать по одной капсуле каждые пять дней и аккуратно записывать даты и длительность приступов. Через год можно было проанализировать календарные данные, чтобы подтвердить или опровергнуть вывод: в течение суток после приема препарата мигрень не началась ни разу.

Я не особенно верил в успех, слишком уж много различных вариантов лечения мне предлагалось за всю мою долгую жизнь, и ни один не помог. Приступы в тот год настигали меня, как обычно, неожиданно и не всегда в подходящий момент, но, к моему огромному удивлению, и в самом деле ни разу не случались в первые сутки после того, как я принимал капсулу. Исследования моего родственника шли полным ходом, и для таких несчастных страдальцев, как я, забрезжила надежда. На втором году моего

участия в апробации препарата я решил принимать его не по той схеме, какую прописал Энтони, а по своему собственному усмотрению, то есть не каждые пять дней, а перед встречами, мероприятиями, поездками — одним словом, перед любым событием, где требуется мое присутствие. Результат приятно удивил меня: прожив на свете больше семи десятков лет, мне удалось наконец за целый год не отменить ни одного назначенного дела. Наверное, моя дальнейшая жизнь с того момента стала бы совсем иной, если бы не анализ крови, который я сдавал при прохождении очередного обследования. На этих обследованиях настаивала страховая компания. Врач долго изучал данные из лаборатории, записал все лекарства, которые я принимаю постоянно, потом кое-что объяснил мне и посоветовал либо запросить у Энтони документацию на препарат с подробным описанием фармакологических свойств всех составляющих, либо отдать капсулу специалистам для проведения экспертизы.

Я был изрядно озадачен, но поступил так, как посоветовал врач. Первым делом обратился к Энтони, но получил от него категорический отказ: состав препарата является научной тайной, авторским ноу-хау, а после одобрения Фармацевтическим комитетом и получения лицензии на производство станет и коммерческой тайной. Такая постановка вопроса меня не удивила, в общем-то, я этого и ожидал, зная, как устроен наш мир. Договориться со специалистами оказалось тоже не так-то просто, никто не хотел тратить время и загружать оборудование, не имея на руках прямого письменного указания суда или хотя бы офиса прокурора. Взять заказ от частного лица на экспертизу препарата, не имеющего ни названия, ни описания, ни вообще какой бы то ни было документации? Нонсенс! На самом деле взяться за эту работу готовы были многие, но я не хотел доверять такой важный вопрос полукустарным лавочкам, где недоучки с сомнительными сертификатами работали на устаревшей аппаратуре. Мне нужны были высококвалифицированные химики и фармацевты и новейшее высокотехнологичное оборудование, чтобы быть уверенным в ответе. Потому что от этого ответа зависела теперь не только моя жизнь.

Помогли хорошие отношения с учеными, чьи доклады, статьи и монографии по химии, биологии и медицине я переводил. Так или иначе, но искомый ответ я получил. И связался с Энтони. Разговор вышел долгим и непростым.

— Ричард, ты слишком плохо думаешь о людях, — уверял меня Энтони. — Они не идиоты.

— Я прекрасно помню себя в юности, — отвечал я. — И всех своих друзей тоже помню. Да, в то время мы сами себе казались очень умными, а

сейчас, с высоты своего возраста, я вижу, что мы все были именно идиотами. И не умели смотреть вперед дальше, чем на три дня.

— Ты преувеличиваешь...

Мне не удалось его переубедить. Но регулярно снабжать меня препаратом Энтони пообещал. Впрочем, я не очень-то поверил его обещаниям, поэтому во время следующей поездки в США просто купил у него десяток флаконов с зелеными капсулами. Впрок. Шли последние месяцы работы лаборатории по гранту, после чего результаты будут представлены в Комитет, а там сидят знающие и опытные люди, которые не пропустят в производство препарат, дающий отдаленный побочный эффект — разрушение личности. Или пропустят? Кто их знает... Но в любом случае лабораторию закроют, опытные образцы производить больше не будут, а в случае успеха до лицензирования и продажи лекарства в аптечной сети пройдет как минимум лет пять. Поэтому я решил подстраховаться.

Вышло так, как я и предполагал: в Комитете разработку не одобрили, но продолжать исследования моему родственнику никто не запрещал, только платить за всё он теперь должен был из своего кармана.

— Я все переделаю, — твердил Энтони. — Самое главное — я нащупал правильный путь. Я придумаю, как сделать препарат безопасным. Но мне нужны деньги.

Вероятно, предполагалось, что эти деньги должен был дать я. Ну а кто же еще? Я — лицо заинтересованное, сам страдаю мигренями, располагаю очень солидными средствами, да к тому же я родственник, и не просто родственник, а одинокий, не имеющий наследников. Дать денег троюродному внуку, инвестировать в научные исследования — святое же дело!

— Я не милостыню прошу, — сказал Энтони, — я прошу в долг, мне нужен кредит. Я все верну.

— Интересно, как? В мои годы давать долгосрочные кредиты глупо, — возразил я. — Даже если ты сумеешь довести препарат до той кондиции, в которой он пройдет через Комитет, и начнется процедура лицензирования, я все равно не доживу до того светлого дня, когда ты разбогатеешь. Это случится не раньше, чем лет через десять.

— Я верну, — уверенно повторил Энтони. — В двадцатом году я получу деньги Уайли — Купера и все верну. Их хватит с избытком.

Деньги Уайли — Купера... О них я как-то не подумал. Собственно, я вообще вспоминал об этом крайне редко.

Зато теперь я помнил о Уайли и Купере почти постоянно. Когда я начал претворять в жизнь свою безумную затею, я почему-то не взял в расчет, что мне придется какое-то время постоянно находиться в боевой готовности. Иными словами, я буду нужен сам себе и своему проекту каждый день и каждую минуту, поэтому не могу позволить себе роскошь два-три дня валяться в постели в темной комнате и ничего не делать. А это означало, что принимать лекарство нужно будет ежедневно на протяжении длительного периода. Кто знает, к каким последствиям это приведет? Мне было страшно.

Я ведь говорил, что знаю, как устроена жизнь. И знаю, как сделать, чтобы комитет при повторном рассмотрении пропустил препарат и дал разрешение на его использование. Энтони, несомненно, знал это не хуже меня. Немного лжи, немного фальсификации в описании результатов, немного недосказанной правды — и нужные бумаги с печатями будут получены. После этого еще лет 20–30 никто ни о чем не догадается, а потом будет уже поздно. Энтони заработает свои миллионы и войдет в науку как первый ученый, освободивший человечество от страха перед приступами мигрени. Он сделает именно то, о чем так мечтал его далекий предок Джонатан. Правда, имя Уайли не окажется увековеченным, ибо Энтони носит совсем другую фамилию, но смею предположить, что после написания исследования и получения награды Уайли — Купера у него как у прямого потомка появятся все основания подать документы на смену фамилии. В США вообще поменять имя не составляет никакой проблемы, но если ты ученый и собираешься остаться в науке, то необходимо менять весь комплект дипломов, сертификатов и удостоверений. Либо при использовании каждого из них по тому или иному поводу каждый раз предоставлять документы о том, что ты законным образом и на законных основаниях изменил имя. Думаю, что моего родственника Энтони эти мелкие затруднения не остановят.

Он хочет денег. Он хочет славы. А на остальное ему наплевать.

От государства он денег не получит. Банки откажут в выдаче такого огромного кредита никому не известному ученому-медику. Богатый родственник, то есть я, тоже навстречу не пошел. Вся надежда Энтони Лагутина — на премию Уайли — Купера.

А вся моя надежда — на то, что премию Уайли — Купера присудят мне, а не ему. Я должен сделать все от меня зависящее, чтобы мой

троюродный внук этих денег не получил.

* * *

В колледже во время занятий Наташа телефон не выключала, ей все равно никто не звонил в первой половине дня: все знали, что у нее лекции, семинары, репетиции и много прочего, что предусмотрено программой. Поэтому, когда через монотонный голос преподавателя внезапно прорвался настойчивый сигнал мобильного, Наташа даже не сообразила в первый момент, что звук доносится из ее рюкзака, стоящего рядом на полу.

Она торопливо сунула руку в кармашек, нащупала кнопку отключения звука, виновато посмотрела на преподавателя и до конца лекции сидела ни жива ни мертва от страха: кто мог ей позвонить в такое неурочное время? Все же знают, что с утра она в колледже. Мама? Что-то случилось с отцом, уехавшим в очередной далекий рейс? А вдруг самое ужасное? Или с бабушкой...

Злыдня-преподаватель, как нарочно, теперь не спускала глаз с Наташи, а расхаживая по аудитории, будто специально останавливалась именно возле нее, так что достать из рюкзака телефон и посмотреть, кто звонил, не было никакой возможности. Вернее, возможность-то была, но последствий очень не хотелось, а у этой ученой дамы последствия всегда были одинаковы: любой студент, застигнутый во время занятий с телефоном или любым другим гаджетом в руках, немедленно изгонялся из аудитории, а в учебный отдел подавалась докладная записка. В принципе, ничего страшного, конечно, кто в наше время боится разборок с инспектором курса? Всем плевать. Всем, но не Наташе. Да и во время зачета и экзамена можно потом нахлебаться, у злыдни память отменная.

Наташа еле-еле дождалась перерыва и выскочила в коридор одной из первых. Оказалось, что звонила Маринка. После пропущенного вызова от нее пришла эсэмэска: «Звони асап». Вот же Маринка! «Асап» на ее языке означало транслитерацию английского выражения «As soon as possible», что означало «как можно скорее». Переключать шрифт на латиницу она ленилась. Что там у нее может быть такого срочного?

— Наташка, бросай всё и бегом домой! — заполошным голосом скомандовала Маринка. — Нас взяли! Обоих! И тебя, и меня! Я как раз на первой паре сайт проверила, как увидела, что нас взяли, сразу отпросилась, типа у меня зуб разболелся, и прямо посреди пары свалила.

В колледже, где Марина изучала гостиничный менеджмент,

требования к дисциплине во время занятий были куда более либеральными, да и на посещаемость смотрели сквозь пальцы, отделение-то коммерческое, платное, им вообще все равно, лишь бы деньги на счет поступали. А Наташа — бюджетница, с нее спрос другой.

— Зачем свалила? — не поняла Наташа. — И куда?

— Как это куда? Домой, ясен пень, готовиться надо, вещи перебрать. По дороге в салон забежала, записала нас обеих на четверг, вместе пойдем. Мне надо перекрасить прядь, я хочу другой цвет, ну и за тобой прослежу, чтобы все было тип-топчик, а то ты ж сама не разберешься.

— А почему на четверг? — растерянно спросила Наташа.

— Потому что в четверг вечером мы с тобой улетаем на самолетеке в прекрасную новую жизнь. Ты что, на сайт не заходила?

— Нет, у меня лекция...

— Да забей ты! Лекция у нее... Тут, можно сказать, жизнь решается, а ты про лекцию какую-то талдычишь. Значит, слушай внимательно: мы с тобой прошли первый этап, нас приглашают на второй, он будет проходить три дня в каком-то месте на берегу озера, билеты оплачивают организаторы. Я уже всё посмотрела, туда лететь полтора часа всего, в аэропорту нас встретят и доставят на место. Прилетим в четверг поздно вечером и потом три дня будем стараться на втором этапе. В воскресенье вечером можем вернуться. Так что если ты заморачиваешься со своим учебным отделом, то тебе нужно отпроситься только на пятницу. В четверг, если очень захочешь, можешь с утречка еще поучиться, но на три часа мы записаны в салон, так и знай!

Наташа, само собой, с занятий не убежала, да и зачем? Это Маринка собирается ловить свой вожденный хвост, поэтому для нее важно, как она будет выглядеть. Наташе нужно совсем другое, поэтому ни наряжаться как-то особенно, ни тем более творить что-то невообразимое с волосами она не собирается. Нет, хочется, конечно, произвести хорошее впечатление, чтобы попасть на основное мероприятие, но для этого достаточно просто выглядеть аккуратно, не отталкивающе.

После окончания последнего занятия — репетиции хореографической группы — она зашла к инспектору курса, и та сказала, что никакой документ ей не нужен, она студентка старательная, занятия не пропускает, оценки получает отличные, поэтому ничего страшного не случится, если Наташа прогуляет денек-другой. Инспектором была приятная пожилая женщина, любившая молодежь и относившаяся к ее жизни с сочувственным пониманием, в отличие от злыдни, которую весь курс называл не иначе как Бабой-ягой.

Вернувшись домой, Наташа застала их с Маринкой комнату в таком виде, о котором обычно говорят: как Мамай прошел. Створки шкафа распахнуты, вся одежда разложена на диване и кресле-кровати, сверху на одежде — раскрытые глянцевые издания, на полу валяется обувь, сама Маринка, босая и в одном белье, стоит в задумчивости перед этим развалом.

— Ну наконец-то, — встретила она подругу недовольным возгласом. — Давай раздевайся в темпе, будем комплекты сооружать. Их нужно штуки три как минимум.

Наташа молча разгребла кучу на своем диване, освободила место и села.

— Марин, — тихо произнесла она, — мне ничего не нужно. И с чего ты вообще взяла, что там, куда мы едем, кому-то важно, как мы выйдем? Если это действительно погружение в атмосферу семидесятых, то одежда не имеет никакого значения.

— Да?! — В голосе Маринки зазвучали истерические нотки. — Не важно, да?! А зачем тогда они размеры одежды и обуви спрашивают? И рост? Зачем? Я тебе точно говорю: это все фуфло насчет твоих семидесятых, на самом деле они модели выбирать будут, а может, вообще ищут перспективных девчонок для съемок в кино. Пусть даже и статистами, но если мы понравимся, нам потом эпизодик дадут сыграть, потом еще один, а там...

Она мечтательно закатила глаза.

— Там уже настоящая киностудия, настоящие звезды, настоящая жизнь! Вот смотри, я, когда в салон заходила записываться, уперла у них несколько журнальчиков, чтобы было на что ориентироваться. Мы должны выглядеть элегантно и сдержанно, вот смотри, тут специально про это статья есть: как одеваться на собеседование, если хочешь получить работу, не связанную с бизнесом. Нельзя выглядеть слишком деловой и нельзя слишком богемной. В общем, смотри: я поеду вот в этом...

Наташа молча включила ноутбук и потянулась за наушниками. Она не собирается участвовать в этом балагане, лучше песни послушает.

— Наташка! Давай вставай и примеряй, я для тебя выбрала вот эти джинсы и...

— Там не будет никакого кино, — терпеливо ответила Наташа. — И никаких моделей там тоже выбирать не будут.

— Откуда ты знаешь?

— Там будут настоящие семидесятые. Не зря же они предупреждали насчет интернета и мобильных.

— А актеры тогда зачем? Нет, ты мне скажи, зачем туда приглашают актеров, если всё так, как ты говоришь?

— Не знаю, — Наташа пожала плечами.

— Зато я знаю! Чтобы оценить наш потенциал! Этот их главный, ну, американец, наверное, режиссер.

— Он переводчик, мы же интервью читали. И он сам подтвердил, когда ты спросила, я слышала.

— Ну, значит, сын у него режиссер. Сын, конечно, наверняка женатый, попросил папашу набрать актеров, поскольку папаша по-русски шпарит на счет «и». Но этот старикашка вполне годится, бодрый такой и выглядит прилично.

Маринка возбужденно говорила что-то еще, но Наташа мысленно вернулась к тому, что подруга сказала раньше. Что-то про размеры одежды и обуви. Нет, все-таки она, Наташа, тормоз тот еще! Доходит до нее как до жирафа.

— Что ты говорила про размеры одежды? — спросила она, нахмурившись.

— Так на сайте же написано!

— Не было там ничего такого...

— Сегодня как раз написали. Ты что, так и не посмотрела?

— Я посмотрела, но в телефоне же мелко очень, экран маленький, я только фамилии прочитала, не думала, что там какая-то новая инфа появится.

— Очень даже появилась! Так вот, они просили сегодня до конца дня ответить, согласны ли мы лететь туда за их счет, и если согласны, то какие у нас размеры. Я за нас обеих написала, я же твои размеры все знаю. Они сразу же ответили, мол, как нам удобнее добираться, поездом или самолетом, и я написала, что самолетом. Поездом — это нам надо в среду вечером выезжать, а в салоне на среду свободного времени нет, только на четверг удалось записаться. Ну и вообще, когда встречают в аэропорту — это крутяк полнейший, а если на вокзале, то это как-то очень провинциально.

— А билеты мы, конечно, покупаем сами, — усмехнулась Наташа. — Они нам потом якобы деньги отдадут, да?

Маринка, успевшая за время разговора перемерить несколько вариантов «прикида», застыла посреди комнаты, полуодетая, держа в руках голубую майку с ярким принтом.

— Ты что городишь, Наташка? Билеты они уже оплатили и нам прислали, они в почте висят, можешь посмотреть. На мой адрес и прислали

оба билета в два конца.

Наташа быстро открыла почту. Так и есть, в ее почтовом ящике обнаружили те же самые два билета, ее и Маринкин. Туда и обратно. Видно, организация и в самом деле очень богатая, раз деньгами так разбрасывается... А зачем богатой организации эксперименты с погружением в советскую эпоху? Неужели Маринка права, и всё это обман, и на самом деле там будут выбирать актрис или моделей? Как жалко...

Да нет же, не может быть! А как же тот старик, который знает наизусть все Наташины любимые песни? «Мы с тобой одной крови — ты и я», как у Киплинга в «Маугли». Или старика позвали для отвода глаз, чтобы усыпить подозрения особо бдительных? А вдруг там производят отбор секс-рабынь для публичных домов? Про такое много в кино показывают. И телефонов и интернета не будет, это они специально так придумали, чтобы девушки не могли связаться со своими близкими. Уехали и пропали... Но в списке кандидатов, прошедших на второй этап, есть и мужские имена. Как же это объяснить? Значит, возможно, речь идет о наборе актеров для съемок порно, там нужны актеры обоих полов.

А Маринка, дурочка, радуется, вещи примеряет... Поделиться с ней своими опасениями? Засмеет. Издеваться будет. Да и глупо как-то. Отказаться и не ехать? Но Маринка-то все равно поедет, ей же свою птицу счастья хочется поймать, вернее, ее яркий хвост, и как бросить подругу одну? «Поеду, — решила Наташа. — Телефоны если и будут отбирать, то не в аэропорту же, а пока мы будем ехать до места, телефоны останутся при нас. Если по дороге мне что-то покажется странным или опасным, успею позвонить кому-нибудь. И вообще, наверное, зря я так разволновалась, напридумывала всяких страшилок. Маринка умнее меня, она в этих делах намного лучше разбирается, она бы сообразила, если там что-то не так. Правильно она вчера сказала во время собеседования: я неприспособленная, мне трудно, а она — продвинутая, и ей легче».

— Эх, засада! Лабутены с этой майкой вообще не катят, — с досадой произнесла Маринка, глядясь в зеркало. — А я так на них рассчитывала. У меня в них ноги лучше выглядят. Радовалась, что Нелька мне их почти даром отдала, ей привезли в подарок, а размер не угадали. Ладно, в этой майке я полечу, к ней кеды нормально подойдут, а лабутены возьму с собой и вот с этим комплектом надену уже там...

Наташа не слушала. Надела наушники, и зазвучал мягкий приглушенный голос под аккомпанемент гитары:

...Если хочешь сойти с ума —

Лучше способа нет...

«Вот уж точно, — мысленно хмыкнула Наташа. — Если хочешь сойти с ума — лучше способа нет, чем выбирать наряды, чтобы покорить старого американца!»

* * *

До отъезда в тот город, где стараниями Андрея Сорокопята под наш проект выделили опустевший пятиэтажный дом с тремя подъездами, оставалось несколько дней, в течение которых мне предстояло закончить решение кадровых вопросов. Мы с Назаром прикинули, что для девяти испытуемых нам нужно не менее трех актеров, но само испытание еще покажет, правильно ли мы рассчитали. Этот второй этап для того и существует, чтобы посмотреть наглядно и сделать корректировку, если выяснится, что я чего-то не предусмотрел. Врач потребуется на основном мероприятии, а пока можно обойтись без него. Первоочередные задачи — утверждение кандидатур психолога, культуролога и актеров. Посоветовавшись с Эллой, женой Бычкова, мы решили, что для трех дней вполне достаточно будет одного переводчика, а поскольку Семен Хорват уже отлично зарекомендовал себя во время собеседований, то его кандидатура в утверждении не нуждалась. Второго переводчика я тоже не собирался предварительно оценивать, полностью положившись на выбор Эллы.

Самые сложные задачи стояли перед нашим инженером-техником Юрой, на которого возложены были также функции снабженца. По тому, как он организовал проведение собеседований, я понял, что с основным мероприятием он вряд ли справится в одиночку, уж слишком много всего нужно делать, я как-то об этом заранее не подумал. Но на мое предложение подыскать одного или даже двух помощников Юра ответил решительным отказом:

— Я справлюсь, господин Уайли, даже не сомневайтесь. Вы только все точно пропишите: чего и сколько должно быть и в какое время. Я так понимаю, что ваше основное мероприятие будет где-то через месяц?

— Думаю, что да. Среди наших кандидатов есть студенты, мне сказали, что в вашей стране у них июнь обычно бывает занят экзаменами.

— Да ерунда, всегда можно договориться и сдать досрочно, — махнул рукой Юра. — Даже если вы начнете в конце июня, у меня есть еще целый

месяц на то, чтобы все найти, достать, устроить и обеспечить. А помощников не нужно. Знаете, у нас говорят: хочешь, чтобы было сделано хорошо — сделай сам.

— Но объем работы получается слишком большим, — заколебался я. — Я не предполагал, что от инженера-техника потребуется так много... В таком случае, если вы отказываетесь от помощников, я увеличу ваше вознаграждение. В два раза.

— Вот за это спасибо, — улыбнулся Юра.

Он больше не надевал свой плохо сидящий немодный костюм, снова ходил в джинсах, тонкой сорочке и легкой ветровке и был со своими длинными волосами и скобочкой усов похож на битломана, какими они выглядели в семидесятые. Только постаревшего.

Психолог, которого нам прислала Вера Максимова, подтянутый сорокалетний мужчина с классически красивым лицом, симпатии у меня не вызвал, однако пришлось смириться: на то, чтобы искать другого специалиста, времени уже не было, пусть поедет на три дня, а там посмотрим. В конце концов, у нас впереди еще целый месяц, чтобы подыскать замену, если с этим человеком не сработаемся или его квалификация покажется недостаточной.

Повара, вернее, как говорят в России — повариху, крепкую веселую женщину в возрасте «чуть за пятьдесят», инструктировал сам Бычков.

— В каком году вы начали работать в системе общепита? — спросил он.

— Да вот же моя трудовая, там все написано, как кулинарный техникум закончила — так и начала, в семьдесят шестом.

Она расхохоталась так заразительно, что я невольно тоже улыбнулся, хотя не понимал, что тут смешного.

— Ой, не могу! — всхлипывала она. — Как вспомню Хазанова с его «калинарным техникумом», так начинаю смеяться — остановиться не могу!

Я сообразил, что речь, вероятно, идет о каком-то известном юмористическом концертном номере. Сам номер я, само собой, никогда не видел, но фамилия «Хазанов» была мне знакома, я знал, что это известный в России актер.

— Значит, в семьдесят шестом, — невозмутимо продолжал Назар. — И работали, как следует из вашей же трудовой книжки, в столовой на заводе.

— Да, начинала там, потом доросла до завпроизводством, потом...

— Понятно, — перебил ее Бычков. — Стало быть, насчет ОБХСС

были в курсе? Знали, что и как делать, чтобы за руку не схватили?

Дама, которую звали Надеждой Павловной, ни на секунду не смутилась, напротив, смотрела по-прежнему весело и задорно.

— Это вы насчет усушки-утруски-недовложений-пересортицы? Да конечно, господа, все воровали, а попробуй не укради, если надо все время «наверх» отстегивать? Из своего кармана давать — так зубы на полку класть придется, никакой зарплаты на жизнь не хватит. Будто вы не знаете! И сейчас тоже воруют.

— Знаю, знаю, — кивнул Назар. — Меня, собственно, интересует, не утратили ли вы навыки готовить примерно так же невкусно, как готовили сорок лет назад в вашей столовке.

— Чего это? — Надежда Павловна почти обиделась. — Мы вкусно готовили, никто не жаловался.

— Но домашнее-то все равно было лучше, правда? Вы небось на антрекоты пускали мясо не только первого сорта, но и второго, а сами антрекоты делали весом поменьше. А на котлетный фарш пускали не только второй сорт, но и третий, который только для супов годился. Знаю я все ваши хитрости, и про то, что в картофельное пюре вместо сливочного масла маргарин клали, и про то, что сметану разбавляли. Так вот, Надежда Павловна, нам нужно, чтобы вы вспомнили свои прежние навыки. Воровать не обязательно, а вот приготовить так, чтобы было похоже на обычную столовку советского времени, сумеете?

— Да легко! Объемы какие?

— Пока человек пятнадцать примерно, а сколько будет человек, когда на месяц уедем, сказать трудно. Но вряд ли значительно больше или значительно меньше.

Участников-то будет наверняка меньше, а вот численность персонала зависит от того, сколько молодых людей останется в проекте.

— Пятнадцать? — всплеснула руками повар. — Это ж курам на смех! На пятнадцать человек я и домашнее приготовлю, такое, что пальчики оближете.

— Вы не поняли. Домашнее люди могут приготовить сами. Но если готовить по каким-то причинам не хотят или не могут, им придется воспользоваться общепитом. И для целей нашего проекта важно, чтобы в общепите их кормили так же и тем же, что и в семидесятые годы.

Надежда Павловна задумчиво смотрела на нас с Назаром, на этот раз уже без улыбки.

— Значит, после всех нынешних ресторанов, пиццерий и фастфудов вы хотите, чтобы им небо с овчинку показалось?

К такой постановке вопроса я готов не был, но мысль о «небе с овчинку» показалась мне занятой.

— Ну... Да, примерно так. И готовить вам придется из тех продуктов, которые были реально доступны в то время. Не из тех, которые имеются сейчас, — уточнил Назар. — Конечно, мы понимаем, что сами продукты уже совсем другие, но надо постараться максимально придерживаться хотя бы перечня. Макароны, к примеру, сейчас в магазине наличествуют двадцати сортов, а у вас будет только один, выбираете тот, который по вкусу ближе к нашим, советским.

— Поняла, — кивнула Надежда. — Калькуляционные карты составлю, а вы проверите, чтобы я там ничего лишнего не вписала. Буфет тоже сделать или только кухню?

Этого вопроса я не понял совсем и с недоумением посмотрел на Назара.

— В буфетах обычно продавалось то, что не нужно готовить и греть: напитки, бутерброды, выпечка, кондитерские изделия, салатики еще были, самые незамысловатые, — пояснил Бычков. — В некоторых буфетах ставили огромную кастрюлю с кипятком, туда сосиски бросали, так что можно было разжиться порцией сосисок с консервированным горошком. Такой, знаешь, советский вариант фастфуда.

Я кивнул.

— Понял. Наверное, буфет нужен. Надежда, вы сможете составить перечень и количество продуктов на пятнадцать человек с расчетом на три дня? Это нужно сделать быстро, чтобы наш сотрудник успел все закупить и привезти. И перечень оборудования тоже нужен.

— Да-да, — вступил Назар, — насчет оборудования: специальные плиты мы установить не сможем, готовить вам придется на самой обычной плите на четыре конфорки. Если нужно — можем поставить вторую плиту и даже третью. Вы это учтите, когда будете рассчитывать, сколько и какой посуды для готовки вам понадобится. Кастрюли, сковородки, противни, что там еще...

— Газ или электричество? — деловито спросила повар.

Мы переглянулись. Ни мне, ни Бычкову не пришло в голову, что такие подробности нужно знать, потому что они имеют значение. Назар потянулся за телефоном и позвонил Юре, который относился к порученному делу очень ответственно, уже ездил на место, чтобы осмотреться, и наверняка был в курсе. Так и оказалось.

— Газ, — сообщил Назар.

— Ясно.

Надежда поднялась — статная, в широких шелковых брюках и в яркой свободной тунике, она казалась огромным экзотическим цветком.

— Вы мне покажите, где можно присесть, я вам сейчас списочек накидаю, вы сразу и посмотрите. Чего туда-сюда ездить?

Для проведения встреч и переговоров наш юрист арендовал другой офис, поменьше и подешевле, но в том же самом здании, где мы проводили собеседования. Просторное помещение, в котором одновременно могли работать несколько человек, было больше не нужно, нам вполне хватало маленького кабинета с одним рабочим столом и несколькими стульями. Мне не жаль денег на мой проект, с собой в могилу их не унесешь, а оставлять некому. Но переплачивать, швыряться деньгами и тратить лишнее мне не позволяли здравомыслие и привычка к скромному образу жизни.

У кабинета имелось то, что в России называют предбанником — нечто вроде небольшой прихожей, где стояли два кресла и между ними столик. Вот там мы и устроили Надежду, снабдив ее бумагой и ручкой.

* * *

Резкий звонок в дверь заставил Артема поморщиться. Он никого не ждал, соседи к нему тоже просто так не заходили. Открывать не хотелось: любое нарушение запланированного порядка приводило его в бешенство. На цыпочках подошел к двери, глянул в глазок: мама. Пришлось открыть.

— Я тут неподалеку с заказчиком встречалась, решила к тебе забежать, проверить, как ты, — беспечно прощепетала мама.

Бросив сумку в прихожей и скинув туфли, она сразу прошла на кухню и начала инспектировать холодильник.

Артем с недовольным лицом стоял в дверном проеме.

— Тебе не приходило в голову, что являться в чужой дом без предварительной договоренности неприлично? — спокойно спросил он.

Мать даже не обернулась, продолжая рассматривать и оценивать продуктовый набор.

— Это не чужой дом, а дом моего сына. Моего собственного сына. Так, вот это нужно было давно выбросить... И это тоже, срок годности уже неделю как закончился... Господи, Тёма, а это что?

Открыв крышку пластикового контейнера, она понюхала содержимое и скорчила брезгливую гримасу.

Артем мягким движением отстранил мать и закрыл дверцу

холодильника.

— Я не твоя собственность. Я взрослый самостоятельный человек. И у меня могут быть свои планы, в которые твой визит не вписывается.

— Не морочь мне голову, — отмахнулась мать. — Лучше свари кофе.

— У меня нет кофе, я его не пью. Почему ты не позвонила, прежде чем приходить? Это что, так трудно?

— Ой, боже мой! И что изменилось бы, если б я позвонила? Ты что, сказал бы мне: «Мамочка, не приходи»?

— Сказал бы, почему нет?

— И у тебя повернулся бы язык сказать такое матери? И вообще, Тёма, я не понимаю, как ты живешь. Ну вот что это такое: в доме нет кофе! Я понимаю, что ты его не любишь, но ведь к тебе друзья приходят, девушки, а тебе их даже угостить нечем, чашку кофе налить не можешь. Как так можно!

— Как мне нужно — так и можно.

— Ты невыносим!

— Знаю, — улыбнулся Артем. — Ты много раз это говорила, я хорошо запомнил.

Мать решительно направилась из кухни в комнату.

— Покажи мне свой костюм, я проверю, чтобы он был в порядке, — потребовала она.

— Зачем тебе проверять костюм?

— Но ты же, я надеюсь, не собираешься приходить на папин день рождения в шортах или в чем ты там сейчас ходишь! У папы юбилей, мы пригласили друзей и родных в ресторан, и костюм нужен обязательно.

Она уже отодвинула створку встроенного шкафа-купе и перебирала плечики с одеждой. Артем уселся за компьютер, повернувшись к ней спиной, и продолжил делать то, чем занимался до прихода матери. Он слышал, как передвигаются по металлической перекладине плечики и как вздыхает мама.

— Ну конечно, я так и знала! Вот это пятно на лацкан ты посадил еще до Нового года, когда мы ездили на похороны тети Милы. Неужели ты за полгода не мог собраться и отнести костюм в чистку?

— Не мог, — бросил он, не поворачиваясь.

— Ты что же, так и ходил с пятном? Поверить не могу!

— Я не ходил. Я не пью кофе и не ношу костюмы. Мама, я хорошо помню, что я невыносим, так почему ты тоже не можешь запомнить такие простые вещи? Тем более о своем собственном, как ты выражаешься, сыне.

— Тёма! Ты вообще соображаешь? Ты с матерью разговариваешь!

— С собственником. Собственник — это хозяин, и он должен хорошо знать, как устроено то, чем он владеет и распоряжается.

Она помолчала.

— Ну ладно, сынок, хорошо, я не то слово сказала, не так выразилась. А ты сразу прицепился. Не будем ссориться. Если ты занят, я сама отнесу костюм в чистку, только не забудь его послезавтра забрать. И не опаздывай, ресторан «Магнолия», в семь вечера.

— Меня не будет, — невозмутимо сообщил Артем, по-прежнему не отрываясь от работы.

Мать задохнулась от неожиданности. Артем слышал, как у нее сбилось дыхание.

— Как — тебя не будет? Почему?

— Я уезжаю.

— Куда?

— Далеко. По делам.

— Тебя посылают в командировку? Но почему ты не объяснил своему шефу, что у твоего отца юбилей и ты должен быть...

— Потому что это дела. Они не могут ждать. У них есть четко обозначенные сроки.

— А папин юбилей — это что, не дело?! — возмутилась она.

— Папин юбилей — это самый обыкновенный день рождения. А дело — это дело. Не надо путать.

— Так!

Мать умолкла, теперь Артем слышал за спиной звук ее шагов, чуть шаркающих из-за сваливающихся шлепанцев, слишком больших для ее маленьких ступней.

— Значит, ты считаешь, что это нормально? Когда сын не приходит поздравить отца с днем рождения — это нормально, по-твоему?

Он снова пожал плечами. Это повторялось из года в год по самым разным поводам: родители хотели, чтобы их сын соответствовал какому-то стандарту, который был у них в головах, и жил по тем правилам, которые им нравились. Артем знал, что правила такие действительно есть и подавляющее большинство людей их соблюдают, причем с удовольствием. Но сам он никак не мог постичь сути этих правил, а следовательно, не признавал их необходимости и жить по ним не хотел. Вот почему все так носятся со своими днями рождения? А некоторые еще и именины отмечают. И непременно хотят каких-то преференций в эти дни, поздравлений, подарков. И еще какое-то непонятно откуда взявшееся правило особенно пышно отмечать любые дни рождения, если цифра,

обозначающая возраст, заканчивается на 0 или на 5, при этом почему-то называют это юбилеем. Какой на хрен может быть юбилей?! Юбилей бывает в жизни человека только один раз. Ну, если сильно повезет — то два, но это мало кому удастся. Потому что юбилей — это 50 или 100. Только 50-летие или 100-летие. «Йовель» или «ювель» — древнееврейское слово, так именовали 50-й год, завещанный пророком Моисеем как год, когда прощались долги, рабов отпускали на свободу, а земля отдыхала от полевых работ. Он так и назывался — «Год свободы», и наступал после каждых семи седмиц, семи семилетий. Что непонятного-то? Зачем надо было накручивать на такой простой термин кучу каких-то обременительных правил?

— Я считаю, — неторопливо ответил Артем, — что папин день рождения ничем не отличается от любого другого дня в году. И если на этот день намечены важные дела, то нет никаких оснований ими пренебрегать или откладывать их. Кроме того, я считаю, что поздравление по телефону или по интернету ничем не отличается от поздравления, сделанного лично и в ресторане. И еще я считаю, что нет никакой разницы, поздравлю я папу именно в день рождения или в какой-то другой день, раньше или позже.

— Ну как же... — Мать совсем растерялась и не смогла быстро сориентироваться, чтобы найти убедительный ответ. — А подарок? Ты же купил папе подарок и должен сам его вручить...

— Полагаю, ничего страшного не случится, если мой подарок вручишь ты. Все равно же это будет подарок от меня. Это просто вещь, предмет, и он не станет менее значимым, не утратит своих качеств, если папа получит его из твоих рук, а не из моих.

— Ты что, действительно не понимаешь?

Дальше мама начала повышать голос, потом кричать, но это Артема нимало не задевало: он умел мгновенно отключаться, краешком сознания улавливая только главную суть сказанного и не реагируя на эмоции. В данном случае суть сказанного матерью сводилась к тому, что ее сын — холодный, безразличный, начисто лишенный родственных чувств и вообще социопат, не соблюдающий общепризнанные нормы человеческого общежития. Ну, в целом вот как-то вокруг этого. Нужно было перетерпеть, переждать, пока мама успокоится.

Ну вот, негодование в голосе, кажется, пошло на спад. Сегодня маминого запала хватило не очень надолго, обычно такие скандалы растягиваются на полчаса, не меньше.

— Интересно, когда бы ты соизволил сообщить нам с папой, что уезжаешь в командировку, если бы я не заскочила к тебе совершенно

случайно?

Теперь в голосе матери звучала усталая безнадежность.

— Я вообще не собирался вам сообщать. Зачем?

— Что значит — зачем? Как ты себе это представляешь: сын уезжает из города, а родителей в известность не ставит?

— Не понимаю, зачем моим родителям знать, где и с кем я нахожусь. Тем более что мы все равно не живем вместе, вам не нужно ждать меня к ужину и как бы то ни было считаться с моим присутствием. Если моих родителей интересует, жив ли я и здоров ли, то ответ на эти вопросы можно в любой момент прекрасно получить по телефону благодаря сотовой связи. А нахожусь я при этом у себя дома или вообще в другой стране, не имеет ни малейшего значения.

— С тобой невозможно разговаривать! — выпалила мать, направляясь к входной двери.

Артем собрался было сказать: «Если невозможно — не разговаривай», но осекся и промолчал. Закрыл за мамой дверь и вернулся в комнату, но не подошел к компьютеру, а прилег на диван, подложив руки под голову. Правильно он сделал, что записался в этот загадочный проект. Правильно. Последние реплики матери только подтвердили его впечатление о том, что современные технологии породили совершенную новую ментальность, которая находит свое отражение и в отношениях между людьми. Сегодня достаточно просто позвонить и спросить: где ты? Как ты? А можно и еще проще — скачать нужное приложение, если уж так необходимо знать каждую минуту, где находится тот или иной человек, да и следить за его передвижениями, даже звонить и спрашивать не надо. Маме пятьдесят три, они с отцом почти ровесники. Она родилась и выросла в ту эпоху, когда позвонить можно было только на городской номер, да и то домашний телефон был не у каждого, впрочем, как и рабочий. Если человек попадал в больницу или уезжал в командировку или в отпуск, связаться с ним было технически невозможно, поэтому все старались друг друга предупреждать и заранее обо всем договариваться. Мама как-то рассказывала, что однажды не могла целый день дозвониться до своей тетки, той самой тети Милы, на похороны которой они ездили в декабре. Тетка была сердечницей, инвалидом детства, жила одна, и если она вдруг не подходила к телефону, в семье начиналась паника. А в тот день, когда мама не смогла дозвониться, пришлось ловить «бомбилу» и уговаривать его ехать сначала за город, где на даче окучивала грядки бабушка, мамина мама, — у нее были вторые ключи от квартиры Милы, потом возвращаться в город, открывать трясущимися от ужаса руками дверь... Квартира была пуста. И где искать

тетку — мама представить не могла. Кинулась обзванивать больницы, бюро несчастных случаев — ничего. Так и просидела на стуле, ни жива ни мертва, до двух часов ночи, пока не явилась Мила — спокойная, веселая, ни о чем не подозревающая. Оказалось, рано утром ей позвонила приятельница: у нее форс-мажор, нужно выехать в область, ребенка не с кем оставить, не выручит ли Мила. Мила выручила, ей нетрудно, никаких проблем. Приятельница вернулась часов в десять, они еще посидели, чайку попили, поболтали...

И до сих пор, когда в семье вспоминали этот эпизод, непременно с возмущением повторяли:

— Подумать только, ей даже в голову не пришло, что надо было позвонить нам и предупредить, мол, ухожу на целый день. И телефон этой приятельницы нам оставить. Мы так волновались! А она об этом и не подумала. Просто поразительная безответственность! Взрослый же человек, должна была понимать, что если мы не дозвонимся...

И так далее. Артем плохо представлял себе, как люди жили в ту эпоху. Вернее, почти совсем никак не представлял. Да особо и не интересовался, до тех пор, пока не сообразил, что никакие маркетинговые стратегии не будут работать, если не понимать, как мыслит и чувствует целевая аудитория. Мама и отец — не глупые, нет. Они просто другие. Они выросли в другое время. И с ними не получается контактировать и взаимодействовать так же, как он контактирует со своими ровесниками.

Этот проект с погружением в 1970-е годы может оказаться очень полезным, очень! Он прошел собеседование, его пригласили на второй отборочный тур, завтра утром он уезжает. И ехать оказалось не так уж далеко, всего 8 часов на поезде. Одним словом, жизнь прекрасна!

* * *

Люди в мой проект попадали самыми разными путями. Кто-то откликнулся на объявление на сайте, кого-то рекомендовали по знакомству, как, например, переводчиков и психолога. Задачей кадрового агентства, привлеченного Андреем Сорокопьятом, было проверить чистоту кандидата, то есть отсутствие криминальной вовлеченности и тяжелых зависимостей или патологий. У агентства для этого были все возможности.

Я боялся, что заявок будет слишком много и мне придется потратить уйму времени на беседы с каждым желающим занять вакансию, но беспокойство мое оказалось напрасным. То есть заявок действительно

оказалось немало, но значительная часть отсеивалась при первом же рассмотрении. Поработать летом в течение месяца за хорошую оплату выразили готовность двенадцать поваров, но десять из них оказались либо совсем молодыми, не имеющими ни малейшего представления о продуктах и кухне интересующего меня периода, либо женщинами, любящими готовить и хорошо освоившими домашнюю кулинарию, но не знающими специфики общественного питания. Из оставшихся двух одного отвергли по заключению кадрового агентства: повар опытный, со стажем, в прошлом — шеф-повар популярного ресторана, одна беда — сильно пьющий. Вот и осталась только Надежда Павловна.

Примерно то же самое получилось и с культурологами, причем среди тех, кто подал заявки, больше половины оказались мошенниками, никогда культурологией не занимавшимися. Вероятно, эти люди решили, что в любой научной специальности, где в названии присутствует слово «культура», можно выдать себя за специалиста, будучи полным профаном. Вот техника или, допустим, физика — это да, тут просто так не прокатит, а культура — что? Знай себе болтай да денежку получай. В итоге, разобравшись, кто в каком периоде лучше ориентируется, мы остановились на даме-профессоре, авторе нескольких монографий по культуре и быту периода «советского застоя». Галия Асхатовна, коренная петербурженка, попросила, если возможно, называть ее Галиной Александровной.

— Я ни в коем случае не стесняюсь своего имени, напротив, но я неоднократно сталкивалась с тем, что за моей спиной говорили: «Как эта старуха-нацменка может разбираться в русской культуре?» Причем говорили не только студенты, но и мои коллеги. Студенты — ладно, они дети еще, они самоуверенные максималисты, для них любое нерусское имя ассоциируется с понятием «понаехавшие», но то, что эту мерзость повторяют и взрослые, вынуждает меня быть довольно осторожной. Насколько я понимаю, в вашем проекте нет сложившегося коллектива?

— Нет, — признался я. — Сложившимся можно считать только наш тандем с Назаром Захаровичем. Все остальные люди для нас новые.

— Стало быть, вы не можете быть уверены в их толерантности и воспитанности, — заключила Галия Асхатовна. — Поэтому давайте не будем рисковать. Тем более в советское время царила атмосфера интернациональной дружбы. Не надо давать повода ее нарушить.

Последним в списке наших дел перед отъездом стояло утверждение кандидатуры врача. Сам отъезд был назначен на раннее утро, Назар предложил ехать на его машине и обещал, что дорога не займет больше 8 часов даже с учетом остановок для того, чтобы поесть, немного подышать

и размяться. До врачей дело дошло вечером накануне отъезда, когда мы оба уже изрядно устали. Соблазн отложить решение вопроса до возвращения из поездки был очень силен, ведь для трехдневного отбора медик нам не понадобится, а потом будет целый месяц, в течение которого можно спокойно и без спешки доделать все необходимое. Я готов был сдать и идти в отель отдыхать, но Назар проявил настойчивость:

— Мы же людей не вызывали, решили, что выберем так, заочно, по анкетам. Давай быстро посмотрим, что наши кадровики нам насоветовали, определимся и отправимся, как у нас говорят, на свободу с чистой совестью. Да и немного их, медиков-то, никто особо не рвется ехать на целый месяц не пойми куда. Я материалы предварительно просмотрел, с кадровым агентством переговорил, пометочки все сделал, так что мы быстро управимся.

Я вздохнул и согласился. Назар разложил на столе содержимое папки с надписью «врачи». Материалы на каждого кандидата собраны в отдельный файл, и через прозрачный пластик мне видны были разноцветные подчеркивания и пометки на полях.

— Вот эти, — Назар отложил в сторону несколько файлов, — студенты-медики, закончили третий, четвертый, пятый курсы, хотят летом подработать. Но о том, как ставили диагнозы и чем лечили в семидесятые, не имеют ни малейшего представления.

Во вторую стопку легли данные о тех, кто в семидесятых годах, сорок лет тому назад, был опытным терапевтом со стажем и хорошо знал существовавшие на тот момент протоколы. Идеальные кандидаты, но... Сегодня они были старше нас с Назаром, то есть уже в том возрасте, когда им самим в любой момент может потребоваться медицинская помощь.

— Остаются всего трое, — констатировал Назар. — Точнее, двое и один.

— Как это понимать?

— Двое подали заявки через сайт, а один пришел напрямую к твоему юристу и попросился на прием к кому-нибудь из руководства.

— Однако! — удивился я. — Как же он нашел Андрея?

— Ничего мудреного, — хмыкнул Назар. — На сайте указано название юридического лица, организующего проект, и адрес можно узнать, и какая фирма готовила документы, и кто учредитель. Вы же с Сорокопятом оба учредители, вот этот доктор к нему и пришел.

— Ясно. И чего он хотел?

— Хотел попасть в проект. Очень просился. В семидесятые он еще не работал, молодой, но клялся и божился, что все протоколы изучит и

подготовится как следует. Видно, какие-то сложные у него обстоятельства и очень ему нужно уехать.

— Скрыться? Спрятаться?

Я недовольно поморщился. Только беглых правонарушителей мне не хватало!

— Нет-нет, — Назар отрицательно покачал головой, — с этим все в порядке, кадровики проверили. Этот доктор до недавнего времени работал в одной из больниц в Подмоскowie, коллеги о нем хорошо отзываются, но с начальством разругался насмерть. Видишь ли, Дик, у нас в стране идет реформа здравоохранения, все сложно... В общем, не буду парить тебе мозг, но этой реформой недовольны все: и пациенты, и сами врачи.

— А кто доволен? Если реформа не годится ни для врачей, ни для больных, то для кого же она?

— Для страховых компаний. Да ладно, не бери в голову, тебе в наших реалиях нынешних все равно не разобраться. Короче, этот доктор без конца скандалил с представителями медстраха, а те вымещали злобу на главвраче и остальных медиках. В результате страдали больные, а больные начали обращаться с жалобами, завалили суды исками... Пришлось уволиться. Но он до такой степени разочаровался в организации здравоохранения, что пока не может найти в себе силы снова работать в государственной больнице. А в коммерческой медицине, в частных клиниках, искать место не так просто, как кажется. Ну и личное там у него...

— А именно?

— Он сам-то не говорил, упомянул только, что не женат, живет один, но ты глянь на фотографии, которые кадровики приложили к отчету.

На фотографиях было длинное сухое лицо мужчины лет сорока — сорока пяти, и мужчина этот выглядел каким-то... Запущенным немного, что ли. Холостяки, всю жизнь живущие вне брака, выглядят иначе, они, как правило, либо лоснятся довольством и источают радость жизни, либо — да, производят впечатление запущенности, но намного более выраженной. Этот же врач выглядел так, словно недавно его бросила жена, причем бросила неожиданно и грубо, неделикатно. И он растерялся и пока еще не может наладить свою жизнь. Непонятно, из чего я сделал подобный вывод — то ли из выражения лица, то ли из какой-то небрежности во внешнем виде, то ли из осанки... Я вообще плохо разбираюсь в людях и уж тем более не являюсь физиономистом. Но впечатление у меня сложилось, видимо, такое же, как у Назара.

Почему-то мне стало ужасно жаль этого доктора. Сразу вспомнились мои многочисленные неудачные попытки наладить стабильные спокойные

отношения. И женщины вспомнились, те, которые оставляли меня внезапно, резко, со скандалом. Кроме того, этот медик выразил безусловную готовность работать в проекте. А тот факт, что он не стал полагаться на электронные средства общения и предпочел личный контакт, расположил меня к нему еще больше. Мы с ним схожи в этом, я ведь тоже считаю личное общение более надежным способом.

Так мы за пять минут решили вопрос с последним нашим кандидатом — врачом-терапевтом Эдуардом Качуриным. Трех актеров мы утвердили сразу же, как только начали заниматься кадровыми вопросами, проблемы реквизита полностью взял на себя Юра, которого Назар, что называется, за ручку отвел на киностудию, где обещали помочь с арендой всего необходимого. Можно было ложиться спать, а завтра рано утром — в дорогу! По прибытии у нас будут сутки на то, чтобы привыкнуть к месту и устранить очевидные недоработки.

* * *

Первым, кого Наташа увидела в зале прилета, был тот самый старик, который во время собеседования гонял ее по текстам самодеятельных песен. Тогда, во время разговора по скайпу, она не разглядела его глаза — слишком волновалась, стараясь ответить быстро и правильно, а теперь вдруг ясно ощутила холодную и одновременно задорную уверенность, льющуюся из этих светлых, окруженных морщинами глаз. Маринка его не заметила, но это только потому, что не узнала: во время собеседования Наташи она сидела сбоку, чтобы не попасть в камеру, слышать-то слышала, а вот лиц не видела, а уж когда настала очередь ей самой отвечать на вопросы, все внимание девушки было сосредоточено только на американце (цель, она же жертва) и на рыжеволосой женщине (возможная соперница). На третьего интервьюера она и внимания не обратила, и лицо его запомнить не пыталась.

Маринка шла впереди, горделиво приподняв подбородок: на ногах голубые слипоны точно такого же цвета, как обвивающий ее шею чокер, узкие джинсы с подворотом, открывающим татушку на одной из щиколоток, белая коротенькая облегающая тишка с принтом, в котором преобладали голубой и синий цвета, сверху накинута свободная туника, крупноячеистая, как рыболовная сеть. Этот наряд Маринка составляла долго и придирчиво, осталась им вполне довольна и была убеждена, что производит на окружающих впечатление, во-первых, неизгладимое, а во-

вторых — такое, какое нужно, чтобы ее сразу сочли девушкой умной, незаурядной и обладающей вкусом. Наблюдавшая процесс выбора вещей Наташа никак не могла уяснить, почему самая обыкновенная футболка, пусть и с рисунком, которая по первоначальному замыслу предназначена для занятий спортом, становится, будучи переименованной в «тишку», свидетельством ума и незаурядности. И зачем носить на шее плотно облегающую плетеную удавку в тон обуви — не понимала тоже. А уж про сползающую с одного плеча рыболовную сеть и говорить нечего: вещь совершенно бессмысленная, учитывая жаркую погоду. Сама Наташа, несмотря на уговоры и даже требования подруги, оделась по собственному усмотрению, просто и практично: вместо тесных джинсов — свободные джоггеры, вместо модной обуви — традиционные кроссовки далеко не самого известного бренда, и футболка у нее — именно футболка, длинная, до середины бедра, а не коротюсенькое не-пойми-что, как у Маринки. Конечно, кроссовки она могла бы купить и подороже, и помоднее, с деньгами проблем нет, родители дают достаточно, но у Наташи с детства плоскостопие третьей степени, ноги болят почти в любой обуви, так что и туфли, и ботинки, и кроссовки приходится выбирать не по красоте и не по бренду, а исключительно посредством многократных тщательных примерок: какая колодка подойдет, ту и покупает.

Маринка проскочила мимо старика, как мимо пустого места, а Наташа бросилась к нему, как к родному.

— Здравствуйте! Вы нас встречаете?

— Вас, вас, — заулыбался старик. — Только подружка твоя, Марина, мимо пролетела, как на крыльях. Наверное, водителя в галунах ищет?

Маринка уже мчалась к ним, глаза метали молнии.

— Натка! Ты чего застряла? Дедушка, вам что нужно? Я сейчас полицию позову!

Наташа залилась краской стыда. Как неловко получилось! Маринка, конечно, добрая и умная, заботится о ней, опекает, хочет судьбу неудалой подруги получше устроить, но иногда так выступит — хоть сквозь землю проваливайся.

— Мне, дочка, нужно вас погрузить в транспорт и отвезти на базу, — спокойно ответил старик. — И на будущее усвой: людей надо запоминать, и вообще надо быть внимательной, в жизни очень пригодится. Вот я обои на вашей стенке в комнате с одного взгляда запомнил, и картинку, которая там висит, тоже запомнил. Не говоря уж о ваших лицах и именах. А ты меня видела, говорила со мной — и не узнала. Плохо. Гляди, с такими данными второй тур не пройдешь. Вот Наташа молодец, и память у нее отличная, и

внимание острое, цепкое.

Впервые за все годы Наташа увидела, как ее всегда уверенная в себе подруга растерялась. И даже словно бы поблекла.

Старик между тем невозмутимо оглядел сумки в руках у девушек: объемистую — у Маринки и обычную повседневную на ремне через плечо — у Наташи. Маринка, как и обещала, набрала с собой кучу тряпок и обуви, чтобы не оплошать и быть во всеоружии на любой случай. Наташа же не взяла ничего, кроме смены белья, туалетных принадлежностей и тонкой ветровки из немнущейся ткани, которая сворачивалась в тугой комочек, засовывалась в специальный чехол и занимала в сумке совсем мало места.

— Багаж не беру, — невозмутимо заявил старик. — Вы молодые, сами несите. Прощу за мной, машина на улице.

Он направился к выходу, не оборачиваясь.

— Ну, ты и дура, — прошипела Наташа, стараясь, чтобы старик не услышал. — Вот что мы теперь будем делать? Он там наверняка один из главных, нажалуется на тебя, и я вместе с тобой под раздачу попаду.

Маринка чуть не плакала от досады. Это ж надо было так проколоться в первые же минуты!

— Да ладно, — пробормотала она, — сама знаю. Ты еще меня пинать будешь... Может, все обойдется, и окажется, что он никакой не главный, а просто шофер. Тогда пусть жалуется сколько угодно.

— Ага, шофер, — злорадно поддакнула Наташа. — Чего ж тогда он на собеседовании сидел? Мариш, надо извиниться перед ним. Вот прямо сейчас, пока мы не доехали до этой базы и он никому не рассказал.

— Еще чего! — вспыхнула Маринка. — Ты хочешь, чтобы я перед этим старым сморчком извинялась? С какого перепугу-то? Да я перед родной матерью ни разу в жизни не извинялась, а уж перед этим...

Наташа подумала, что крайне неосмотрительно было бы считать старым сморчком человека с такой памятью. И с такими невероятными глазами. Но объяснять подобные вещи Маринке — дело бесполезное. Только время тратить.

— И вообще, за что я должна извиняться? — продолжала шепотом возмущаться подруга. — Что я сделала такого, за что нужно извиняться? Назвала старого деда «дедушкой»? И теперь что, за это в тюрьму сажают?

— Ты ему полицией пригрозила.

— И что? — Маринка почувствовала себя увереннее и повысила голос. — Это тоже нельзя? Это теперь преступление? Я увидела, как к моей подруге пристает незнакомый человек, и...

У Маринки всегда мгновенно находилось сто объяснений и тысяча оправданий, и заставить ее испытать чувство вины невозможно по определению, а о том, чтобы извиниться, даже речи быть не могло. Наташа иногда завидовала такому ее умению чувствовать себя правой в любой ситуации. Но сейчас ей было отчего-то очень обидно за старика, который был с ней «одной крови», и впервые в жизни захотелось, чтобы Маринка поняла, что неправда.

— Он не незнакомый человек, — строго проговорила Наташа. — Он с тобой разговаривал несколько дней назад. Ты должна была его запомнить и узнать. А ты не запомнила и не узнала. Если у тебя плохая память и слабое внимание, ты можешь не пройти испытание. И тогда не попадешь на основное мероприятие. А у тебя план. Поэтому ты не должна рисковать. Надо извиниться, Мариш.

— Не буду, — огрызнулась та.

У самых дверей, ведущих на улицу, толпа сгустилась, идущему впереди старику пришлось замедлить шаг, и расстояние между ним и девушками сократилось, так что на всякий случай голос пришлось понизить до едва слышного шепота.

— Если ты не хочешь извиняться, тогда я сама это сделаю, — заявила Наташа. — За тебя. Я не могу, понимаешь? Мне стыдно.

— Вот блин! А тебе-то за что? Это ж я накосячила, а не ты.

— Ты накосячила, а я промолчала. Я так не могу, Маринка.

— Промолчала — и молодец. Молчание — золото.

— Промолчи — попадешь в стукачи, промолчи — попадешь в палачи, — Наташа машинально произнесла вслух первые же пришедшие на ум слова из песни Галича.

— Чего-о? — протянула Маринка.

Ну да, для нее эти тексты — китайская грамота, «дурацкие песенки», слушая которые жизнь не построишь. А может быть, подруга права?

Они оказались на улице, вернее, на площади перед аэровокзалом. Уже стемнело, время к полуночи, и теплый вечерний воздух казался особенно вкусным после «задышанного» множеством людей кондиционированного воздуха в терминалах и в салоне самолета. Наташа решила, что им придется еще долго идти до машины и времени на разговор с Маринкой у нее достаточно, однако старик почти сразу подошел к большому черному джипу и открыл водительскую дверь. Маринка тут же забыла о назревавшем конфликте.

— Блииин! — восхищенно протянула она. — Шикардос! А ехать далеко?

— Смотря как считать, — отозвался он. — По московским меркам — близко, по местным — далеко.

Маринка собралась было сесть впереди, рядом с ним, но старик посмотрел остро и как-то насмешливо.

— Будьте любезны, дамы, займите места на заднем сиденье.

— А почему мне нельзя сесть впереди? — сердито уперлась Маринка.

Наташа молча заняла место сзади.

— Потому что я так сказал, — невозмутимо отрезал старик.

«Так больше нельзя, — подумала Наташа. — Сейчас начнется... Нужно спасать ситуацию».

— Извините, пожалуйста, как вас зовут? — обратилась она к старику.

Маринка, пыхтя, запихивала свою набитую одеждой сумку в открытый багажник. Старик уже сидел за рулем и не делал ни малейшей попытки оказать помощь пассажирке.

— Меня зовут Назаром Захаровичем. Это для твоей подруги, — ответил он как-то непонятно.

— Для подруги? — переспросила Наташа.

— Да, для Марины. А для тебя — просто «дядя Назар». Меня так зовут все, кому я это позволяю.

«Значит, все-таки обиделся, — удрученно подумала Наташа. — Маринка не попадает в число тех, кому он «позволяет». А я, выходит, попадаю. Вдруг она обидится? Как нехорошо выходит: он обижается на Маринку, а Маринка — на меня. Кругом одни обиды».

Маринка наконец уселась рядом, и машина тронулась.

— Назар Захарович, извините нас, пожалуйста, так неловко вышло. Мы растерялись, наверное... — промямлила Наташа.

— Ну, ты-то, дочка, не растерялась, — со смешком ответил Назар Захарович. — Да и подружка твоя тоже, сразу сообразила, что надо возвращаться и спасать тебя от старого сладострастника, даже полицию позвать собралась. Нет уж, растерянностью тут и не пахнет. Но ставлю тебе жирный плюс за то, что готова извиняться, хотя и не виновата.

— А мне минус, да? — с вызовом спросила Маринка. — Это у вас уже второй тур начался? Баллы выставляете?

Старик не ответил, и Наташа вдруг испугалась. Сама не понимала, чего, но испугалась сильно. Было в этом дедушке Назаре Захаровиче что-то необъяснимое и пугающее.

— Сериалы любите смотреть? — неожиданно спросил он.

— Да, — хором ответили девушки. — А что?

— Тогда угадайте, над каким эпизодом я смеялся больше всего? Кто

угадает — тому два плюса поставлю. Даже три, так уж и быть.

Наташа недоуменно переглянулась с подругой.

— Вы хоть наводку дайте: какой сериал? Наш, российский, или какой?

— Наводку дам: американский.

— Комедия? Или боевик? — продолжала допытываться Наташа, которая, в отличие от Маринки, комедии не смотрела вообще, а вот боевики и криминальные сюжеты — с удовольствием.

— Не комедия и не боевик.

— Про любовь?

— Тоже нет.

Маринка начала раздражаться:

— Ну а что тогда?

— Думайте. Одну наводку я вам дал, дальше буду только на вопросы отвечать, сам ничего не скажу.

Минут пять девушки безуспешно пытались угадать хотя бы название сериала и не обращали внимания на местность, по которой ехали.

— Ладно, все равно не угадаете, — внезапно прервал их Назар Захарович. — Сериал называется «Элементарно», и есть там один невероятно забавный эпизод. Двое молодых парней обсуждают заказчика, и один из них говорит: «Да что он может понимать в веб-дизайне? Ему же лет сорок пять, не меньше».

Наташа прыснула и расхохоталась. Маринка ничего не поняла.

— И чего тут смешного? — недовольно спросила она.

Наташа ткнула ее локтем в бок.

— Не, ну правда? — продолжала настаивать Маринка. — В чем прикол-то? Чуваки все правильно сказали.

Наташа снова толкнула ее, на этот раз сильнее.

— Ставлю Наташе маленький плюсики за то, что поняла, — сказал Назар Захарович. — Ты, Марина, у нее потом спроси, она тебе объяснит.

— А вы кем работаете? — спросила Маринка как ни в чем не бывало. — Шофером?

— Я никем не работаю, я на пенсии. Оказываю услугу своему другу, который попросил вас встретить и привезти.

— А в проекте вы кто?

— Никто.

— Но вы же были на собеседовании!

Наташа наклонилась к подруге и прошептала прямо ей в ухо:

— Да угомонись ты! Видишь же, что он не хочет отвечать.

— Отвяжись, — буркнула Маринка и продолжала в полный голос: —

Вы там сидели вместе со всеми, вопросы задавали.

— Я оказывал услугу своему другу, который попросил проконсультировать и высказать свое мнение.

— А кто ваш друг? Этот американец? Который самый главный?

— Да, именно он.

— А почему он живет один?

Наташа поняла, что этот допрос нужно прекращать, пока Назар Захарович не разозлился. Она, напрягая зрение, попыталась рассмотреть пейзаж за окном. Темно, освещения почти нет... Куда они едут? Вернее — куда их везут? Если первый вариант вопроса вызывал только любопытство, то при втором варианте ответы напрашивались тревожные, даже пугающие. Ей показалось, что невдалеке блестит вода. Река, что ли?

— Назар Захарович, а где мы едем? Вдоль реки? — спросила она, чтобы перевести разговор в другое русло.

— Мы едем вдоль берега большого озера. Аэропорт, куда вы прилетели, принадлежит крупному городу, озеро — неподалеку от него. На противоположной стороне озера находится поселок городского типа. Вот туда мы и едем, — пояснил Назар Захарович.

— В поселок?! — с изумлением переспросила Маринка. — А чего там делать-то? Мы с Натахой выросли в поселке, так сбежали при первой же возможности. Там же с тоски сдохнешь. А вы только нас встречаете? Или других тоже?

— Я всех встречал. Вы — последние, остальные уже приехали.

— Ой, а расскажите, сколько их? Какие они? Откуда? — оживилась Маринка.

— Разные. Завтра всех увидите и сами познакомитесь.

— Ну вы хоть скажите, сколько их?

— Завтра узнаете.

— Ну что вы вредничаете-то! — с досадой воскликнула она. — Трудно сказать, что ли?

Назар Захарович помолчал, потом ответил:

— Дорогая Марина, я ясно дал тебе понять, что ни на какие вопросы, касающиеся проекта, я не отвечаю. Однако ты меня не услышала и продолжаешь настаивать на своем. За эту настойчивость я, так и быть, поставлю тебе маленький плюсики, а за то, что ты не умеешь терпеть, не слышишь и не понимаешь, ставлю жирный минус. Вот подруга твоя про проект ничего не спрашивает, стало быть, заслуживает еще одного плюсики за внимание и терпение.

Минут через 15 машина въехала в поселок и остановилась перед

самой обычной пятиэтажкой, почтенный возраст которой был хорошо заметен даже в темноте.

— Это гостиница? — недоуменно спросила Маринка, оглядывая изрядно обшарпанный фасад. — Больше на общагу похоже.

— Нет, это жилой дом, — коротко ответил Назар Захарович. — Забирайте багаж, дамы, и следуйте за мной.

Маринка злилась, а Наташе было не по себе. Как-то непонятно все... И страшно. Ночь, жилой дом, никаких ответов на вопросы. Может, все-таки позвонить кому-нибудь, как и собиралась?

Назар Захарович не доставал никаких ключей, просто открыл дверь одной из квартир на втором этаже.

— Надежда Павловна! — громко произнес он. — Встречайте гостей!

Тут же перед ними появилась пожилая тетка обширного формата. Хмурое неприветливое лицо сперва испугало Наташу, но потом она с облегчением подумала: «Если здесь женщина, то, может, все не так ужасно».

— В ночное время только бутерброды и холодные напитки, — равнодушным тоном объявила тетка, которую называли Надеждой Павловной. — В десять вечера кухня закрывается, плита выключается. Что будете?

— А сэндвич можно какой-нибудь? И «Рэд Булл», — тут же попросила Маринка.

Форматная тетка поманила их пальцем в комнату, где на столе стояли два подноса с бутербродами: одни с сыром, другие с вареной колбасой. На другом столе, поменьше, сиротливо разместились несколько бутылок пива и два графина. Судя по цвету, в них были соки — томатный и яблочный.

— Выбирайте. Ничего другого нет и не будет, — грубо сказала Надежда Павловна. — Решайте быстрее, через пять минут буфет закроется.

«Как-то странно, — настороженно подумала Наташа. — Тратить такие деньги, чтобы оплатить наш проезд, и экономить на еде... Даже у нас в поселке в кинотеатре буфет намного богаче. Или для них главным было заманить нас сюда, а с этой минуты начинается рабство в голоде и холоде? Неужели мои страшилки окажутся правдой? Надо скорее позвонить, пока телефон не отобрали. Или хоть эсэмэску отправить».

Маринку, однако, подобное несоответствие затрат на дорогу и питание ничуть не смутило. Она, похоже, вообще ничего не сопоставляла, реагировала только на непосредственные раздражители.

— Чего вы грубите? — возмущенно проговорила она. — Почему вы таким тоном с нами разговариваете? Вы что себе позволяете? Вот это вот

убожество называете буфетом! Ни еды нормальной, ни напитков!

И она презрительно ткнула пальцем в сторону столов.

— Я лучше дойду до ближайшего супермаркета и куплю себе, что захочу, а этими вашими обедами сами давитесь!

Наташа дернула ее за руку, но Маринка руку сердито выдернула.

— Дорогая Марина у нас непонятливая, — зажурчал неожиданно мирный голос Назара Захаровича. — В семидесятые годы, дорогая Марина, не было ни сэндвичей, ни «Рэд Булла», ни прочих радостей. Даже воды без газа в бутылках не было. И буфетчицы, которые мило и вежливо разговаривали с покупателями, встречались крайне редко. С этой минуты, милые дамы, и на три дня вы погружаетесь в обстановку, максимально приближенную к реалиям того периода. Вас об этом предупреждали. Но вы, как обычно, не услышали или не обратили внимания. Да, кстати, будьте любезны сдать всю технику.

«Не успела, — мелькнуло в голове у Наташи. — Все-таки я действительно тормоз. Но, кажется, ничего плохого не будет. И в самом деле, семидесятые же... Ладно, поздняк метаться».

Она безропотно открыла сумку, вынула и отдала Назару Захаровичу телефон, плеер, наушники и зарядники.

— Это все? — он бросил на Наташу испытующий взгляд.

— Все. Честно.

— Верю, — улыбнулся он и снова стал таким же, каким Наташа видела его во время собеседования. Совсем своим. Одной крови с ней. — Поешьте, девушки, а я пока расскажу, что будет дальше.

Маринка стояла бледная от злости и недоумения. Резкими движениями вынула и буквально швырнула Назару Захаровичу телефон и айпад. Наташа с ужасом ждала, что сейчас ее подруга выкинет очередной фортель, который окончательно все испортит, но внезапно послышался добродушный смех Надежды Павловны.

— Что, девчата, тяжело? Не ожидали? Да вы не бойтесь меня, я вас не обижу. Это мне по роли так полагается, я должна быть хамоватой и вороватой буфетчицей. На самом-то деле я добрая, не укушу. Кстати, одна из вас будет жить вместе со мной. Так что ешьте бутерброды и решайте, кто со мной пойдет.

Наташа взяла бутерброд с колбасой и попросила томатного сока, у нее всегда был отменный аппетит.

— Я не поняла, что значит — жить с вами? — нахмурилась Маринка, откусывая от бутерброда с сыром. — Это как вообще?

— Это так, дорогая Марина, — начал объяснять Назар Захарович с

мягкой улыбкой, которая так и не сошла с его лица, — что каждый участник отборочного тура будет жить вместе с кем-то из сотрудников. В отдельной квартире.

— Да не буду я жить с чужим человеком! Я с Наташкой приехала, с ней и жить буду. Вы чего придумали-то? Бред какой-то!

— В семидесятые годы, дорогая Марина, — терпеливо продолжал он, — молодые люди вашего возраста и социального положения, если они не сироты, почти никогда не имели возможности жить одни, без родителей. Все эти подробности, если они вам не известны, вы узнаете в ходе нашей работы. А пока просто примите как данность: вы будете жить в квартире со взрослым человеком. Одна из вас — с нашей Надеждой Павловной, другая — с Галиной Александровной.

— Это еще кто? — спросила Маринка.

— Это культуролог, профессор, доктор наук.

Наташа робко посмотрела на него:

— Назар Захарович, а можно мне жить с вами?

Тот рассмеялся:

— Нет, дочка, нельзя. Правило жесткое: девушки живут только со взрослыми женщинами, а юноши — с мужчинами.

— Но почему?

— Чтобы лишних разговоров не было. Надеюсь, вы понимаете, о чем я, — строго ответил Назар Захарович. — И определяйтесь побыстрее, время позднее, ночь на дворе, а завтра подъем — и за работу, начинаем в девять утра.

— А вот мне интересно, — вызывающим тоном заявила Маринка, — почему это вы называете меня «дорогая Марина», а Наташку — дочкой?

— А потому, дорогая Марина, что я уже старый, мне намного больше сорока пяти лет, я живу давно и тем самым заработал себе право выбирать, кого и как называть.

Наташа вспомнила разговор в машине и снова рассмеялась. Ей вдруг стало легко и совсем не страшно. И если минуту назад перспектива жить бок о бок с совершенно незнакомыми женщинами вызывала у нее отторжение, смешанное с отвращением, то теперь она готова была жить с обеими, хоть с Надеждой Павловной, хоть с неведомой профессоршей Галиной Александровной. Надежда Павловна такая уютная, большая, надежная и добрая. Какой окажется Галина Александровна — неизвестно, но раз она культуролог и работает в этом проекте, то наверняка знает много интересного про тот период и может в свободное время рассказать Наташе. Кого же выбрать?

Но Маринка сделала свой выбор первой.

— Ладно, я буду жить с этой... как ее... ну, профессор которая.

— Галина Александровна, — тихонько подсказала Наташа.

И тут же поймала на себе одобрительный взгляд Назара Захаровича.

— Не зря я говорил, что Наташа приметливая, все видит, все слышит, все запоминает с первого раза. Молодец, дочка. Давайте-ка, девушки, прощайтесь, и я поведу Марину туда, где она будет жить. Это здесь же, только на третьем этаже. Я в прихожей подожду.

— А я пока приберу здесь все, — подхватила Надежда Павловна и начала складывать в контейнеры и уносить на кухню продукты и напитки.

Маринка крепко обняла Наташу и замерла на несколько секунд.

— Ты не обижаешься, что я профессоршу себе выбрала? — шепотом спросила она.

— Да почему я должна обижаться? — не поняла Наташа.

— Ну, не знаю... Ты вроде как в колледже культуры учишься, нашла бы, о чем с ней поговорить. Но ты и меня пойми, Натка, ты ведь с этой профессоршей про песенки свои будешь разговаривать, а про главное все равно не сумеешь. А я сумею. Я у нее все выведаю про американца. Он же с доктором наук наверняка больше делится, чем с буфетчицей. А ты только время зря профукаешь.

— Надюша! — послышался из прихожей голос Назара Захаровича. — Выкати мне чемоданчик для Марины!

— Сейчас, Назар, минутку! — отозвалась из кухни Надежда Павловна.

Она быстрыми шагами прошла мимо девушек в дальнюю комнату и через несколько секунд прошествовала обратно, катя за собой чемоданчик на колесиках.

— Ну что, Наталья, давай и мы с тобой делом займемся, — сказала она, когда за Назаром Захаровичем и Маринкой закрылась дверь. — Одежду выберешь — и пойдем спать.

— Какую одежду?

— Которую в те годы носили. У вас же специально для этого все размеры спрашивали, вот и подобрали для каждого по размеру одежду и обувь. И по чемоданам заранее разложили. Пойдем-ка.

Она провела Наташу в ту самую дальнюю комнату, совсем небольшую. В ней стояли два квадратных столика, накрытые скатертями, и по четыре стула вокруг каждого. В центре каждого стола — солонка, перечница, подставка с салфетками. На подоконнике — горшки с растениями. В углу — чемодан, точно такой же, как тот, который унесла с собой Маринка. На крышке чемодана прилеплен желтый стикер с надписью: «Наталья».

— Открывай, примеряй, выбирай, — скомандовала Надежда Павловна.

Наташа осторожно открыла чемодан и принялась разглядывать вещи, которые показались ей невзрачными и грубыми. Ткани какие-то непривычные, сплошь синтетика, цвета неинтересные. Платье. Сарафан. Юбка. Три блузки. Две пары брюк, одни — синтетические, ярко-синие, другие коричневые, вроде как джинсы по фасону, но жесткие, плохо отстроченные. Из обуви — пара босоножек, пара туфель и тенниски.

Первой мыслью было: как же Маринка это будет носить? Да она же с ума сойдет! Подруга с таким рвением выбирала наряды, ухлопала кучу времени на примерки, тащила тяжеленную сумку — и в результате облом!

Она вытащила то, что выглядело похожим на джинсы.

— Что это? — спросила Наташа у Надежды Павловны.

— Джинсы.

— Да ладно! Настоящие джинсы...

— Ой, не надо мне тут рассказывать, какие бывают настоящие джинсы! — отмахнулась Надежда Павловна. — А то я сама не знаю! Это сейчас джинсов завались, любого фасона и на любой кошелек. А в те времена настоящие блю джинз стоили как две зарплаты работника с высшим образованием, да и то купить можно было только у спекулянтов, с рук. Ну, или достать, если блат есть. А эти вот — индийские, двадцать рублей стоили, так тоже ловить надо было, где выбросят, и очередь приличную отстоять. Ты примерь, может, оно и ничего.

Наташа с сожалением сняла свободные джоггеры из мягкой шелковистой ткани и натянула джинсы. Неудобно. Жестко. Давит на живот. Попробовала присесть — нет, неудобно, в коленках ткань не тянется, совсем не эластичная. Она быстро перемерила все остальное и остановилась на легкой шелковой юбке и двух блузках. Вышла в прихожую, посмотрела на себя в зеркало — ужасно. Но зато более или менее удобно, по крайней мере в сравнении с так называемыми джинсами.

С обувью было хуже всего. Все три пары оказались хотя и по размеру, но ужасно неудобными. Наташа прошла в каждой из них по квартире, и стопы заныли.

— Я не смогу в этом ходить, — жалобно проговорила она, чуть не плача. — У меня плоскостопие, мне больно.

— Ну что ж делать, милая моя, — развела руками Надежда Павловна, — в те времена все так ходили. Ты стельки свои почему не привезла? Вставила бы их сейчас — и ходи как королева.

— Какие стельки?

— Ортопедические. Что ты так смотришь? Нету, что ли?

— Нет, — призналась Наташа растеряннo. — Я даже и не знала про них. А зачем они?

— Ох ты, господи, — вздохнула буфетчица. — И как вы выживаете? Ничего не знаете, ничего не умеете. Ладно, я тебе потом расскажу, а сейчас спать пойдем.

Наташа огляделась. В этих двух комнатах она не видела ни одного спального места. Может быть, есть еще одна комната, которую она с перепугу не заметила? Надежда Павловна перехватила ее растерянный взгляд и усмехнулась.

— Здесь у нас пищеблок. Столовая и буфет. Если не хочешь сама готовить — приходи, здесь подадут, но в ассортименте советского общепита. Решишь сама готовить — тоже сюда приходи, тебе продукты выдадут, но не любые, как сейчас, а только такие, которые в те времена были доступны. В большой комнате у нас буфет и столы для питания участников. А здесь, в запроходной, подаем сотрудникам. Чтобы все было как положено: для руководства во всех столовых были отдельные залы, начальники с простыми людьми за одним столом не сживали, да и меню для них поинтереснее старались сделать. Эта квартира — «трешка», здесь есть еще одна комната, отдельная, в ней продукты хранятся. А жить мы с тобой будем в другой квартире, рядом, на этом же этаже. Она поменьше, но ничего, разместимся.

По сравнению с «пищеблоком» соседняя однокомнатная квартирка показалась Наташе совсем маленькой и тесной. Ей хотелось задать Надежде Павловне множество вопросов, но день выдался таким длинным, таким трудным... Она быстро приняла душ и забралась в постель, уже сквозь сон слыша, как Надежда укладывается и ворочается на диване, до которого, казалось, можно достать рукой. Впервые за много лет Наташа перед сном не слушала свои любимые песни. Но об этом она даже не успела подумать, провалившись в глубокий крепкий сон.

* * *

Я не ложился спать, ожидая Назара, уехавшего в аэропорт встречать двух последних участников. Точнее — участниц. К временному своему жилищу я успел привыкнуть, хотя не могу сказать, что оно мне нравилось. Тянущиеся вдоль плинтусов и вертикально по стенам провода, прикрепленные скобочками, вызывали недоумение: неужели в те времена, когда строился этот дом, не знали о скрытых проводках? Наверное, и

впрямь не знали. Ванная и туалет казались крошечными, даже в отелях, где я за всю жизнь проводил дни множество раз, они были просторнее. Мебель выглядела уродливо и убого, но Галина Александровна, осмотрев все выбранные нами и оборудованные Юрой квартиры, уверенно заявила, что все правильно, именно так и обставлялись жилища в семидесятые годы.

С поселком нам повезло. Городские и областные власти затеяли административную реформу, в результате которой и озеро, и поселок оказались присоединенными к городу. Пространство между городом и озером решено было застроить новыми домами, куда переселить жителей поселка, сделав их горожанами, сам поселок полностью разрушить и создать на его месте чистую курортную зону с коттеджами, пляжами и всей инфраструктурой, необходимой для отдыха и оздоровления. Разумеется, больше половины земли, сильно подскочившей в цене, будет продано частным застройщикам, но на эти деньги можно будет оборудовать и что-то для муниципальных нужд, для обычных граждан, желающих провести уик-энд или отпуск на берегу красивого и пока еще не отравленного сточными водами озера.

Новый дом в черте города построили с размахом: многоподъездный и многоэтажный, предназначенный для переселения в него жителей сразу десятка старых пятиэтажек, образывавших в поселке целый микрорайон. Переезжать люди не торопились, особенно семьи с детьми-школьниками, ждали окончания учебного года, да и с детскими садами не так все просто: на «городской» стороне новый садик еще не построили, а возить каждый день малыша в поселок мог себе позволить только тот, у кого есть машина, потому что маршрутка ходит нерегулярно и добираться на ней много дольше. Все эти детали объяснял мне Андрей Сорокопят, приложивший немалые усилия, чтобы полностью освободить хотя бы один дом. От съехавших жильцов оставалось довольно много старой мебели и оборудования, и все это мы использовали в своих целях, дополнив недостающим.

Жители в соседних домах еще оставались, но все торговые точки в микрорайоне закрылись: число покупателей уменьшалось с каждым днем. Это было нам на руку. С технической стороной вопроса дело обстояло сложнее, но Андрей и это сумел организовать. После множества визитов в разные организации и выплаты немалых денег было установлено какое-то хитрое устройство, полностью глушившее спутниковый сигнал во всем доме, где обитали только мы, участники проекта. В соседних домах сотовая связь оставалась доступной, хотя и с изрядными помехами, но жильцам объяснили, что эти трудности — всего на три дня. Отключение же

интернета всего в одном строении на другие здания никак не повлияло. Сорокопят полагал, что к моменту проведения основного мероприятия люди из всех окрестных домов переедут в новое жилье, и мы со своими затеями уже никому не помешаем.

Итак, семеро из девяти человек, отобранных на второй тур, уже прибыли: четверо молодых людей и три девушки. Я задумчиво разглядывал распечатанные фотографии юных лиц и вспоминал тексты, с которыми нам придется работать. Справятся ли они? И — самое главное! — справлюсь ли я? В голове то и дело начинал звучать голос Энтони Лагутина: «Вы все равно не справитесь, потому что вы многого не знаете. А я — знаю».

Тренькнул дверной звонок, пришел Назар. Лицо довольное, глаза хитрые, блестят.

— Ну что? — нетерпеливо спросил я. — Как они?

— Как по маслу. Развел я их, как лохушек, конечно. Но все строго по инструкции. Как психолог советовал, так я и делал. Вбивал между девчонками клин, нарушал устойчивое равновесие. Дик, чайку-то не нальешь?

— Конечно, — кивнул я и направился на кухню. — Только ты сам завари, я ваш чай заваривать не умею. Попробовал вчера — так пить не смог, помои какие-то получились.

— Это да, — засмеялся Назар, — наш чай со слонем — это тебе не «Липтон» в пакетике. Хорошо, что ты не англичанин, а то я б тебе заваркой ни за что не угодил.

Он принялся колдовать, стоя спиной ко мне.

— А девчонки просто уморительные, — рассказывал он, наливая в фарфоровый чайничек и зачем-то выливая в раковину кипятков. — У них позиции распределены и закреплены намертво: Марина — главная и умная, Наталья — подчиненная и неудачная. И ни одна из них в своей позиции не сомневается. Пришлось расшатать уверенность. Реагировали по-разному, Наталья то боялась, то смеялась, а Марина злилась отчаянно!

Назар накрыл чайник сложенным вчетверо махровым полотенцем и повернулся ко мне.

— Ну вот, пять минут настоится — и можно пить.

И вдруг разразился мелким дробным смехом, отчего пронзительные светлые глаза совершенно скрылись между морщинистыми веками.

— А все-таки мы с тобой, Дик, конкретные пацаны!

Конкретные пацаны? Словосочетание было для меня новым.

— Не понял...

— Это в девяностые годы так говорили. Сейчас уже не говорят. Я имел

в виду, что мы с тобой, два старых пня, над сопливыми девчонками эксперименты ставим и развлекаемся, как пацаны-недоростки. Вроде как сзади за косичку дернули и убежали, и хихикаем из-за угла. В наши-то годы! Не зря говорят: старый — что малый.

Я тоже расхохотался. Почему-то в обществе Бычкова у меня сразу поднималось настроение, как-то волшебным он на меня действовал.

— И в самом деле, — я захлебывался смехом, — как это нам с тобой не стыдно! Умудренные жизнью старцы, одной ногой в могиле стоим, а девочек поддразниваем.

Давно я не смеялся так долго и от души.

Чай настоялся, Назар разлил его в чашки, я сделал глоток и убедился, что получилось намного лучше, чем у меня.

— С кем девочки поселились? Кого выбрали?

— А вот тут они меня, признаться, удивили. Марина выбрала Галину Александровну, а уж у Натальи и выбора не было, как говорится, бери что осталось. Наталья-то привыкла быть второй, поэтому ждала, когда подружка примет решение, но я был почему-то уверен, что Марина выберет нашу Надюшу.

— Почему?

— Надюша попроще. Кроме того, она не выдержала роль до конца и дала понять девчонкам, что на самом деле она не грубая и не злая. В общем, для девушки вроде Марины наша Надя смотрится бабушкой, которой вполне можно управлять и заставить плясать под свою дудку. Красивая девушка, привыкшая быть в центре внимания, командовать и принимать подчиненное положение окружающих. Но она почему-то выбрала культуролога, человека, которого она еще не видела и даже не знает, сколько ей лет и как она себя ведет.

— И это еще раз подтверждает, что я был прав, — задумчиво проговорил я, сделав очередной глоток чаю. — Мы их совсем не знаем. Мы их не понимаем. Точно так же, как они не знают и не понимают нас. Может быть, они и с текстами не справятся, но если не справятся они — то не справится уже никто.

Часть третья

Отбор

Из крепкого сна Наташу выдернул громкий голос Надежды Павловны:
— Наталья! Подъем! Быстро умываться и завтракать, уже половина девятого!

Девушка испуганно подскочила, потрясла головой и с ужасом уставилась на незнакомый рисунок стенных обоев. Где она? Через секунду все вспомнилось, и она испугалась еще больше: уже половина девятого, а Назар Захарович вчера сказал, что начало в девять. Она опаздывает!

Наташа выскочила из-под одеяла и пулей пролетела в ванную, успев, однако, на ходу уловить доносящийся из кухни запах чего-то сладкого.

— Садись завтракать, — скомандовала Надежда Павловна, когда Наташа, умытая и одетая, появилась в кухне.

На столе стояла миска с оладьями, банка со сметаной и пустая тарелка.

— Сегодня я завтрак приготовила, завтра будет твоя очередь.

— А йогурт можно? — жалобно попросила Наташа. — Я по утрам всегда йогурт ем, фруктовый какой-нибудь.

— Никаких йогуртов, — отрезала Надежда Павловна. — Их в те времена не было. Даже слова такого не знали, только в кино слышали. Бери оладушки, клади сметанку.

— А почему сметана в банке?

— Потому что в те времена ее продавали вразвес, мы все со своими банками в молочный магазин ходили. Расфасованная тоже была, но не всегда, и всего одного вида, а развесная — целых двух, по рубль пятьдесят и по рубль семьдесят, чуть пожирнее. Но это, конечно, очень условно, потому что от жадности завмага и продавцов зависело.

— Что зависело? Я ничего не поняла.

— Это сложно, — усмехнулась Надежда Павловна. — Я тебе потом объясню, когда время будет. Ты давай ешь, а я побегу в буфет, я же только на пять минут отбежала, чтобы тебя разбудить, боялась, что проспийшь, видела с вечера еще, что ты будильник с собой не привезла. По будильнику вставать не приучена, что ли?

— Так у меня будильник в телефоне, а телефон отняли. Да я и не сообразила вчера, нервничала, наверное. Спасибо, что разбудили.

— Побегу я, там у меня народ завтракать приходит, надо обслужить. А

ты к девяти часам иди на четвертый этаж, квартира справа, такая же, как пищеблок. Ключи не забудь взять, они на крючке у двери висят.

Наташа быстро поела, на ходу глотнула остывшего чая и поспешила на четвертый этаж. Сердце колотилось, руки дрожали. Ей снова стало очень страшно. Вот сейчас, уже через 10 минут она узнает, в чем будет состоять то, что Назар Захарович называл «работой». А вдруг это что-то ужасное? Хоть бы Маринка тоже догадалась прийти пораньше, чтобы можно было успеть парой слов перекинуться. Какая она — эта Галина Александровна, с которой Маринке придется жить три дня? Рассказала ли она что-нибудь важное про эту загадочную «работу»?

Маринка стояла у окна между третьим и четвертым этажами и нервно постукивала по плиточному полу ногой в туфельке на широком, каком-то громоздком каблуке. На ней была точно такая же юбка, как у Наташи, из тонкой ткани, длинная, до самых щиколоток, только другого цвета, и облегающая трикотажная кофточка. Маринка была такой красивой в этом наряде!

— Ну наконец-то! — сердито воскликнула она. — Я уже полчаса тут торчу, жду, когда ты соизволишь выйти. Слушай, ну это полный зашквар! Ты-то еще ничего, тебе даже идет, а я вообще как чучело в этом прикиде.

— А мне кажется, наоборот, — Наташа посмотрела на свою юбку, из-под которой виднелись теннисные тапочки. — Ты очень стильная, а вот я как урод. Неужели в семидесятые годы еще носили такую длину? Я думала, что длинные платья после революции уже не носили, потом вообще мини...

— Я тоже удивилась, а Галина, ну, профессорша эта, рассказала, что в середине семидесятых на несколько лет вернулась мода на длинные юбки, представляешь? Назывались «макси». Она вообще прикольная такая тетка, рассказывает интересно, но не про то, что мне надо. А твоя буфетчица как? Инфу удалось вытянуть?

— Нет. Да и когда мне было с ней разговаривать? Вещи выбрала и спать легла, а утром чуть не проспала, Надежда Павловна разбудила аж в полдевятого и сразу в буфет свой ускакала.

— Везет тебе, — с завистью вздохнула Маринка. — А моя кочерга в семь часов проснулась и меня подняла, заставила завтрак готовить и плиту на кухне оттирать. Я ей говорю: «У меня маникюр дизайнерский, какая плита?» А она только улыбается, старая зараза, мол, в семидесятые годы никакого дизайнерского маникюра не было. Короче, я собралась было разораться, что я не нанималась и чтобы она тут не командовала, но потом решила не обострять, а то мало ли что... Сварила ей овсянку по-быстрому,

чтоб не выступала. Оттерла эту плиту гребаную, как смогла, и сюда сбежала тебя ждать. Между прочим, никто еще и не пришел, я в квартиру поднималась, там дверь открыта и какая-то девица одна сидит, больше никого. Сколько там до начала, не знаешь?

Наташа пожала плечами. Ни она, ни Маринка и почти никто из их компании наручные часы не носил, все привыкли смотреть время в телефоне. А телефона не было. Когда она выходила из квартиры, настенные часы, висящие в кухне, показывали без десяти девять.

— Наверное, минут пять, может, три, — предположила она.

Маринка с выражением досады на лице разглядывала безнадежно испорченный маникюр с частично отвалившимися стразами. Где-то наверху лязгнул замок, послышались приближающиеся шаги. Обе девушки впились глазами в заветную дверь: в квартиру вошел спустившийся с пятого этажа парень, только им не удалось рассмотреть, симпатичный он или нет.

— А что там, в квартире? — с тревожным любопытством спросила Наташа.

— Да ничего особенного, такая же крипота, как везде, наверное. Длинный стол в большой комнате, вокруг него стулья. Больше ничего не видела. У тебя с буфетчицей нормальная хата? Спите в разных комнатах?

— Нет, там однокомнатная квартира. На втором этаже, рядом с пищеблоком. Спим примерно так же, как мы с тобой, друг у друга на головах. Ну, может, чуть попросторнее. А у тебя как?

— У нас «трешка», как раз над пищеблоком, на третьем этаже, так что мне повезло, комната отдельная. Можешь ко мне в гости приходить. Но мебель такая же уродская. Ну что, Наташа, пошли? Места зайдем, посмотримся, познакомимся.

— Пойдем, — со вздохом согласилась Наташа.

* * *

Как я и предполагал, большинство участников опоздали. Мы с Назаром вошли в квартиру, отведенную под коллективные занятия, ровно в две минуты десятого. За составленными вместе тремя столами сидели только четыре участника, переводчик Семен Хорват и психолог по имени Вилен. Остальные пятеро подтянулись в течение десяти минут. Пока все собирались, мы не вступали с ними ни в какие разговоры, просто сидели рядом за этим длинным столом и тихонько общались, ни на кого не глядя.

Наконец молодежь расселась по местам. Перед каждым лежали заботливо принесенные нашим незаменимым Юрой простенькие блокноты и ручки.

Я представился и сказал несколько вступительных слов. Объяснил, что за предстоящие три дня участникам отборочного тура придется выполнить работу, по результатам которой будет принято решение: кого из них пригласить на основное мероприятие.

— Сейчас я попрошу представиться каждого из вас, а потом отвечу на любые ваши вопросы, касающиеся организации нашей работы. Не нужно рассказывать всю биографию, не нужно называть фамилию, только имя и последний род занятий. Подчеркиваю: не место работы, а именно род занятий, профессию. Если у вас было много разных занятий, назовите последнее, например, кем вы были неделю назад. Если неделю назад вы были безработным, то так и говорите. Задание понятно?

Все молча кивнули. Ну, посмотрим, насколько вам понятно такое простое задание и до какой степени вы умеете слушать.

— Прошу. Говорите по очереди, начиная...

Я окинул глазами молодых людей, сидевших по другую сторону стола. Мы расположились рядом, справа от меня сидел переводчик, за ним — психолог, слева поместился Назар, а участники постарались занять места подальше от нас, так что прямо напротив уместились шестеро, в торце справа — один, в торце слева — двое. Да, наверное, четверо мужчин, двое из которых годятся им в отцы, а еще двое — в дедушки, это явно не та компания, к которой молодым хочется быть поближе.

— Начиная с вас, — я остановил взгляд на девушке, сидящей в торце справа. — И от вас против часовой стрелки.

Если я не ошибался, этой девушкой была та самая Евдокия, подруга какого-то ученика Назара. Та, которая выразила готовность хоть полы мыть, хоть помои выносить.

— Евдокия, геммолог.

Молодец, все сказала правильно. Имя и род занятий, никаких названий фирм, компаний, должностей. Немногословная, умеет слушать и исполнять указания.

— Артем, маркетолог.

Еще один молодец. Но Вера сказала про него, что он гений, так что ничего удивительного, что он справился с таким простым заданием.

— Елена, менеджер по продажам.

— Сергей... — небольшая пауза и потом уверенное и слегка насмешливое: — Грузчик.

Занятно. На грузчика этот парень не очень-то похож. Посмотрим.

— Марина, студентка колледжа. Изучаю гостиничный менеджмент.

Ну вот... Вроде бы условия соблюдены, а вроде бы и нарушены. Я сам виноват, не подумал о том, что в случае с учащимися нужно было оговорить: называть специальность или нет. Моя недоработка.

— Наталья, студентка колледжа культуры.

Ладно, будем считать, что обе девицы поняли меня правильно.

— А я безработный. Тимур.

Это лицо я хорошо помнил по фотографиям из интернета. Правда, от того образа, который я видел в Инстаграме, остались только прическа, борода и очки в массивной квадратной оправе. Сейчас паренек был одет по моде семидесятых, но в реальной жизни он, конечно, настоящий хипстер. И даже когда следует правилу, то делает это не как все. По-своему. Пусть самую капельку, но иначе. Пусть даже просто переставит местами слова. Для хипстера главное — не быть в тренде.

— А я — поэт, зовусь я Цветик, от меня вам всем приветик, — хихикнул сидящий рядом с ним юноша.

Я чуть склонил голову к Семену, который быстро прошептал, что этот стишок — цитата из детской книжки про Незнайку.

— То есть вы поэт? — как ни в чем не бывало осведомился психолог Вилен, не поднимая глаз от блокнота, в котором он что-то строчил по ходу представления участников.

— Не, это шутка такая. Я Алексей, веб-дизайнер.

Неожиданно напряженное напряжение, висевшее в комнате, разорвалось тихим сдавленным смехом. Начала смеяться Наталья, следом за ней — Назар. Я понял, что, вероятно, их насмешило какое-то общее вчерашнее воспоминание. Надо будет потом спросить.

Этот смех несколько разрядил обстановку, лица стали более расслабленными. Впрочем, поэт Цветик изначально не напрягался, но он был единственным таким спокойным, все остальные волновались, кто скрыто, кто явно.

И последняя участница, сидевшая рядом с Цветиком в левом торце.

— Оксана, я вообще-то училась в институте, но сейчас в академическом отпуске...

Плохо, девочка. Условия задачи не для тебя? Тебе же все объяснили!

— Спасибо, — произнес я. — Теперь, пожалуйста, ваши вопросы.

Повисла пауза, после чего заговорили несколько человек разом. Семен попытался успеть перевести все вопросы, но я быстро запутался и выставил вперед ладонь.

— По очереди. Считайте, что у нас пресс-конференция. Поднимайте

руки, я отвечу всем. Но сначала скажу несколько предварительных слов. После ответов на вопросы вы получите задание. Как и где вы будете его выполнять — значения не имеет. Вы можете оставаться в своих квартирах, можете ходить друг к другу в гости, можете выйти на улицу, пойти на озеро, например, или просто погулять. Можете приходить сюда и сидеть в любой из комнат, дверь квартиры днем не запирается, вход свободный. Где работать — выбираете сами. Но к завтрашнему утру должен быть результат. Задание одинаковое для всех. Можете советоваться друг с другом, обсуждать, но вы и сами увидите, что в этом не будет никакого смысла. Вам нужно проявить свою индивидуальность, а не искать правильный ответ. Теперь ваши вопросы.

Первым взметнулась рука поэта Цветика.

— А магаз далеко?

— Магазин, — тихонько подсказал переводчик.

Вопрос застал меня врасплох: обозреть окрестности я не успел. Вся надежда на Назара — большого любителя быстрой ходьбы. Я вопросительно посмотрел на него, и он меня понял, перехватив инициативу.

— До ближайшего магазина минут пять-семь. Но есть ограничение: покупать в нем можно далеко не все. Для особо непонятливых повторю: можно приобретать только такие товары, которые были доступны сорок лет назад. И ничего другого.

— Так откуда я знаю, что там у вас при царе Горохе было доступно, а что нет? — искренне удивился Алексей-Цветик. — Пивасик, к примеру, можно брать?

— Пиво, — донесся справа шепот переводчика Семена. — При царе Горохе — идиома, означающая «очень давно, в незапамятные времена».

— Пиво можно, но только одного сорта.

— А сорт я сам могу выбрать? — настаивал веб-дизайнер.

— Сорт за тебя Страна Советов выбрала, — усмехнулся Назар. — Никакого немецкого, чешского, голландского или еще какого импортного. Только российское, и не баночное, а в бутылках, причем не самое дорогое.

— А если чего покрепче? Джин-тоник или, там, виски с колой?

— Ни в коем случае.

И Назар принялся сыпать названиями и сортами спиртного, продававшегося в советских магазинах почти полвека назад. Лица мужской группы участников заметно поскущнели.

— А если мы не запомним, чего вы тут нам перечислили, и купим что-то другое? — спросил хипстер по имени Тимур.

— А вот для этого, мои юные друзья, вас будут сопровождать сотрудники проекта, которые жили в те времена и отлично все помнят. Они и подскажут, и проконтролируют, чтобы вы не поддавались соблазну нарушить правило. Имейте в виду: сотрудники будут ходить с вами повсюду, как только вы решите выйти из дома.

Глаза округлились, над длинным столом пронесся дружный вздох не то возмущения, не то негодования.

— За ручку, что ли, будут водить?

Голосок у Елены звонкий, сердитый.

— Не бойтесь, за ручку водить не будут. Куда идти, когда и с кем — выбираете сами, но рядом или чуть сзади будет идти человек, в задачу которого входит наблюдать, чтобы вы не нарушали правила. А правила у нас простые: попытаться пожить так, как жили в нашей стране в семидесятые годы.

— Ну ладно, — раздался голос Сергея, заявившего, что он грузчик, — с магазинами понятно, тут мы без вас точно не разберемся. А если не в магазин, то зачем нам сопровождающие?

— Чтобы вы в клуб какой-нибудь не завихрились, или в кино, или в кафе.

Теперь вопросы посыпались один за другим, Назар едва успевал отвечать.

— А в клуб-то почему нельзя?

— Потому что их тогда не было.

— А в кино? Кино тоже не было?

— Было, но другое. И сами кинозалы были совсем другими.

— А в город съездить можно?

— Можно, если придумаете как. До города ходит маршрутка, где останавливается — не знаю пока, но идет она долго и ходит редко. Маршрутка старая и раздолбанная, я ее видел, дорога плохая, новую трассу еще не отстроили.

— А если на такси?

— Можно, но сложно, — усмехнулся Назар. — И в любом случае с вами поедет сопровождающий. Сейчас я еще кое-что объясню, чтобы лишить вас всех иллюзий. Мы здесь не можем полностью воссоздать обстановку семидесятых, это понятно. Поэтому все будет очень приблизительно и с огромными допущениями. Но!

Он поднял палец и сделал паузу, оглядывая присутствующих.

— Покажу на примере того же такси, чтобы вам всё стало понятно. Сейчас вы вызываете машину одним нажатием кнопки, из приложения,

верно? И машина приезжает в течение максимум десяти минут в любое место. Раньше такого не было. Вариантов было только три: первый — вы идете на стоянку такси и ждете, когда появится свободная машина. Стоянок было немного, и далеко не всегда до нее можно было быстро дойти пешком. Вы приходите на стоянку, там стоит человек, допустим, пять, то есть ваша машина — шестая. Сколько вам придется ждать — непонятно, может быть, минут пятнадцать, и это огромная удача, а может быть, и два часа. Это непредсказуемо. Второй вариант: вы вызываете такси по телефону. Сначала дозваниваетесь час-полтора, потом вам говорят, что машина будет не раньше чем через час, а то и два. Третий вариант: вы выходите на улицу и голосуете, то есть ловите или свободное такси, или частника, который согласится вас подвезти за деньги. Тут тоже как повезет, иногда ловили сразу, иногда стояли на обочине минут по тридцать-сорок. Но в нынешних реалиях третий вариант не пройдет никак, такси все берут заказы через приложения, и если водитель едет без пассажира, значит, либо он взял заказ и едет к клиенту, либо вообще не намерен брать кого-то, а собрался пообедать или по делам. Частников уже давно нет. Так что если кто-то из вас соберется ехать на такси, вы сообщаете об этом своему куратору, то есть человеку, с которым временно проживаете, он засекает время и по телефону вызывает для вас машину, но уехать вы сможете не раньше чем через полтора-два часа. Куратор или другой сопровождающий едет вместе с вами, и когда вы соберетесь вернуться сюда, вся процедура повторится.

— Правильно ли я понял, — заговорил Артем, — что если мне нужно на пятнадцать минут попасть в город, то я потрачу на это не меньше четырех часов?

— Совершенно правильно, — подтвердил Назар. — И с покупками в магазинах история та же. Хлеб вы сможете купить минут за пять, а вот если вам захочется сыра или колбасы, то ваш сопровождающий не только укажет вам, что можно купить, но и постоит вместе с вами в магазине от получаса до часа, и только после этого вы сможете подойти к кассе.

— Зашква-а-ар, — в ужасе протянула красивая девушка Марина. — А конфеты или чипсы можно?

— «Зашквар» — это сленговый синоним «ужасно, очень плохо», — прошептал Семен, и я благодарно кивнул.

— Чипсы нельзя, — категорически отрезал Бычков. — Конфеты можно, но, опять же, далеко не все. Ваш куратор Галина Александровна все вам покажет и подскажет. Еще раз напомним: в каждой квартире есть стационарный телефон, пользоваться им можно без ограничений, но

звонить разрешается только на городские номера. Подчеркиваю: на номера сотовой связи звонить запрещено. Все номера телефонов вы будете знать, можете ими обмениваться друг с другом и давать своим близким, чтобы они вам звонили. Но звонить они должны тоже только со стационарных телефонов, а не с мобильных. Поскольку проконтролировать тех, кто будет звонить вам, вы не сможете, то лучше и не давайте им ваших номеров, а то позвонит вам кто-нибудь с мобильного — а вам зачтется нарушение. Не рискуйте. Если вы надеетесь, что сможете куда-нибудь пойти и оттуда позвонить, то надежду эту оставьте. Мы вас не обыскивали, просто попросили сдать технику, положившись на вашу честность. Но мы отдаем себе отчет в том, что некоторые из вас могли лукавить и сдать не все. И эти умники сейчас слушают меня и думают: да фигня, выйду из дома, заверну за угол, а то и в кафешку зайду, вытащу спрятанный андроид, выйду в сеть, всем позвоню, всем напишу, всё почитаю, погуглю, фотки сделаю и размещу где надо, а если этот надзиратель будет рядом толочься, то в туалет уйду, там меня никто не засечет.

Я не сводил глаз с молодых людей. По меньшей мере двое совершенно точно думали именно так, как говорил Назар. Поэт Цветик и красавица Марина. Возможно, были и другие, умевшие лучше владеть мимикой и скрывать свои эмоции.

— Так вот, — невозмутимо продолжал мой друг, — я не исключаю, что вам удастся бесконтрольно нарушить правило, но предупреждаю: мы об этом узнаем в течение нескольких часов. Тот, кто будет пойман на нарушении, без всяких оговорок считается не прошедшим испытание. Никаких извинений и тем более никаких блеяний на тему «а я не знал, что нельзя» не принимается. Вы всё знаете, я вас предупредил.

— Да вот же блин! — с досадой воскликнула Оксана, сидящая рядом с Цветиком. — Как же я позвоню, если вы телефоны отобрали? Там же номера все забиты, а на память я их не знаю. И что теперь делать?

— Обращайтесь ко мне, вся техника хранится у меня, я дам вам телефон, вы сможете выписать из записной книжки нужные номера. По-хорошему, вы сами должны были позаботиться об этом заранее, вас ведь предупреждали еще на собеседовании о невозможности пользоваться мобильниками. Но этот промах мы решили вам на первый раз простить. Вы еще очень молоды и действительно не понимаете, как мы жили в те времена, так что в этом единственном пункте к вам будет проявлено снисхождение.

— Вот спасибоочки, — презрительно протянула Елена. — Премного вами довольны. А задание-то в чем будет состоять? В том, чтобы выжить в

этом кошмаре?

— Да, — раздались голоса, — в чем задание? Что нужно делать?

Я поднялся из-за стола, вышел в соседнюю комнату и вернулся со стопкой книг. Девять совершенно одинаковых книг. Горький, «Дело Артамоновых». Я раздал книги. На меня уставились девять пар недоумевающих глаз.

— Каждый из вас должен прочитать эту книгу до завтра. Она не очень большая, вы успеете. Завтра в девять утра мы снова соберемся здесь, и вы мне расскажете, что именно в наибольшей степени привлекло ваше внимание, какие характеры, ситуации, проблемы или даже просто отдельные фразы, реплики. Книги — рабочий инструмент, можете, если захотите, подчеркивать или ставить пометки на полях, а можете делать выписки в блокноты. Каждый работает так, как ему удобно, и тогда, когда ему удобно, но завтра утром должен быть результат.

Ответом мне была длинная-длинная пауза. Потом послышался озадаченный голос Марины:

— Зашква-а-ар...

Похоже, это было ее любимое словечко.

* * *

Артем молча взял книгу и первым встал из-за стола. Задание понятно, но непонятны смысл и цель. Впрочем, сначала нужно прочитать и послушать завтрашнее обсуждение, а потом уже делать выводы.

Он поднялся на пятый этаж, в двухкомнатную квартиру, тесную и запущенную. На потолке следы бесчисленных протечек, побелка осыпается, обои в верхней части стен отслоились. Краны на кухне и в ванной подтекают. Линолеум на полу местами протерт до дыр. Наверное, сорок лет назад все это было в хорошем состоянии...

Артем накануне приехал раньше всех, и когда ему предложили выбрать, с кем жить — с завхозом, переводчиком, психологом или актером, — не раздумывая выбрал психолога. Быстро отобрал одежду из предложенного скудного ассортимента, огорчился, что в чемодане не нашлось того, что он привык носить, но огорчение это моментально улетучилось, стоило лишь вспомнить о цели: понять, почувствовать людей того поколения. «Чем хуже — тем лучше, — подумал он, затягивая ремень на поясе слишком свободных брюк. — Быстрее проникнусь атмосферой». Он терпеть не мог облегающую тесную одежду и, отвечая на вопросы о

размерах, специально указал на размер-два больше, он и в магазинах так вещи покупал. Ему нравилось, чтобы все болталось и ничто не стесняло движений. Мама постоянно твердила, что он позорится, некрасиво выглядит, и ей стыдно идти рядом с ним по улице, и что подобный внешний вид вызывает большие сомнения в его психической полноценности, и что мальчик из интеллигентной семьи не имеет права ходить как бомж.

— Мне так лучше думается, — отвечал ей Артем. — Моя работа — придумывать, а не выглядеть. И ходить рядом по улице нам совсем не обязательно.

Вчера он успел погулять по поселку в сопровождении Вилена, обсудить с ним плюсы и минусы теории поколений, дойти до озера и осмотреть пляж, на котором стояли штук десять скамеек и пара ларьков, где торговали хот-догами и еще какой-то горячей и холодной снедью и напитками. Озеро огромное, противоположный берег едва виден.

— Симпатичное место, — заметил Артем. — Можно сюда ходить. Давайте съедим что-нибудь, посидим на скамеечке.

Вилен в ответ рассмеялся и отрицательно покачал головой.

— Нельзя. Вот если бы мы принесли с собой подстилку и еду, то могли бы устроить пикник, а так — нет. В семидесятые годы здесь могла быть всего одна скамейка, и она всегда была бы занята. Но скорее всего, и одной не было. И никаких ларьков. Так что имей в виду на будущее: на пляж нужно всё нести с собой.

— Строго тут у вас.

— А иначе смысл теряется.

— Но пить-то хочется...

Вилен пожал плечами.

— Терпи. Как все в те годы терпели — так и ты терпи.

Артем с завистью смотрел на купающихся и на тех, кто отходил от ларьков, держа в руках бутылки с разноцветными этикетками и вкусно пахнущие «доги» и «бургеры».

— Ладно, а если по правилам, то что делать, когда пить хочется?

— Раньше были автоматы с газировкой, бросишь одну копейку — нальет водички без сиропа, три копейки — с сиропом. Но не на каждом шагу, конечно. Можно было зайти в магазин и купить бутылку лимонада. Или стакан сока, если в том магазине продают в разлив.

— Но это все или газированное, или сладкое. Я такое не пью. А если просто воды, чистой воды, без ничего?

— Ну, это из-под крана, — усмехнулся Вилен. — Но кран тоже еще

найти надо было.

— Кран? — удивился Артем. — А в чем проблема? Зайти в любое заведение, в туалет, и напиться из-под крана.

— Так тебя и пустили! В туалет имели право заходить только посетители, клиенты. Человека с улицы никто не пустил бы.

Артем задумчиво кивнул.

— Получается, нужно зайти, допустим, в кафе, заказать что-нибудь, заплатить за это, и только тогда я могу воспользоваться туалетом и попить обыкновенной бесплатной воды из-под крана?

— Именно.

— Круто... А если зайти просто в туалет, в общественный, на улице?

— А их не было, — улыбнулся Вилен. — Если кое-где и попадались, то такие грязные и вонючие, что к крану ты бы и не прикоснулся из брезгливости.

— Н-да... Интересно люди жили...

Они двинулись в обратную сторону, оставив озеро за спиной. Пить Артему хотелось все сильнее. И в туалет тоже хотелось невыносимо. Сказанные Виленом слова о кафе казались все более и более привлекательными. Идя по улице, он посматривал на вывески: на каждом шагу попадались то суши-кафе, то хинкальные, то бары, одним словом, заведений, куда можно заглянуть, было в этом поселке в избытке. Особенно густо — на улицах, близких к озеру, чем дальше от озера — тем их становилось меньше. Но все равно более чем достаточно. Маркетологу Артему такая логика была понятна и удивления не вызвала. Он заглядывал в витрины и окна и отмечал, что посетителей в этих заведениях почти не было, хотя время самое подходящее: конец рабочего дня. Похоже, поселок и вправду расселяется, вымирает, пустеет, как и объяснил Вилен.

Общий принцип Артему уже был понятен, поэтому ни в какие двери, имеющие вывеску с нерусским названием, он войти не пытался. Но вот на глаза попала вывеска «Радуга». Могло же в советское время быть кафе с таким названием? Вполне могло.

— Давайте зайдем, — предложил он Вилену. — Наверняка у них в меню есть что-то совсем простое, что было сорок лет назад. Или даже просто чашка кофе. Кофе был?

— Кофе был, — согласно кивнул психолог. — Правда, плохой, невкусный, но был. Проблема в другом.

— В чем же?

— Кафе не было.

Он снова рассмеялся, увидев ошарашенное лицо Артема.

— Как это?

— Были, были, не пугайся, но их было очень мало, а желающих — очень много. Поэтому если ты не пришел к самому открытию, а хочешь, допустим, вечером посидеть с друзьями или с девушкой, то либо пользуешься блатом, либо стоишь на улице в очереди часа два-три, а очередь двигается по мере освобождения мест. И с ресторанами та же история. Так что если ты действительно хочешь зайти в это кафе, то мы с тобой сейчас встанем у входа и постоим пару часиков, а уж потом войдем.

Пару часиков! В принципе, Артем не прочь был бы и постоять, с Виленом интересно, можно много чего обсудить важного и нужного. Но пить так хочется... А в туалет хочется еще больше. Вообще-то вопрос насчет туалета показался ему крайне любопытным с точки зрения достижения главной цели. И насчет того, почему не открыть побольше кафе, если они пользовались повышенным спросом, тоже необходимо будет выяснить. Соотношение спроса и предложения — один из краеугольных камней для маркетологов. Артем интуитивно чувствовал, что в этих двух простых вопросах кроется что-то очень важное. Вернее, не в самих вопросах, а в ответах на них.

— Тогда пойдем домой, — решительно сказал он. — Не возражаете?

— Решение принимаешь ты. Я только сопровождаю.

Вернувшись домой, они сходили в столовую к Надежде Павловне, с которой Артем уже успел познакомиться во время обеда, съели по порции сосисок с гречкой в какой-то сомнительной подливке, а пить чай отправились к себе на кухню, прихватив из буфета по паре бутылок пива. Во время ужина за соседним столиком Артем увидел хорошенькую девочку, поглощавшую какой-то суп в компании своего куратора — немолодой тетки с внешностью бывшей графини. Эту тетку Артем уже видел раньше, когда только приехал, и Вилен сказал, что она актриса.

— Хочешь познакомиться? — спросил психолог, заметив взгляд, брошенный Артемом на новенькую.

— Не-а. Не упала она мне.

— Что, неужели не нравится? А по-моему, она прехорошенькая.

— Да мне фиолетово. Мне нужно подумать.

У себя на кухне они выпили по две чашки чаю, после чего Вилен отправился с пивом в свою комнату, побольше, а Артем улегся у себя в комнатухе на диван в любимой позе: ноги на подлокотнике, руки под головой. В этой позе ему думалось лучше всего.

Через несколько минут из-за стены стали доноситься раздражающе-оптимистичные голоса, которые что-то бубнили на фоне такой же

оптимистичной музыки. Звуки мешали думать, Артем встал с дивана, чтобы взять наушники, но тут же сообразил, что не захватил их с собой. Надо сгонять в магазин, купить. Наверняка здесь где-то продают, магазины электронной техники и аксессуаров к ней теперь в любой глуши есть.

Он зашел в комнату к Вилену. Психолог, развалясь на диване, потягивал пиво и смотрел телевизор. Но изображение на экране было почему-то черно-белым, а сам сюжет — абсолютно непонятно о чем. Какие-то дымящиеся трубы, рабочие в спецовках... Голос за кадром вещал о досрочной сдаче сталелитейного завода и сверхплановых листах проката.

— Можно сделать потише? — довольно бесцеремонно спросил Артем. — В моей комнате все слышно, мне мешает.

— Это не громкость виновата, — невозмутимо ответил психолог. — Это стены такие, сквозь них все слышно.

— Мне надо сходить в магазин купить наушники.

— Исключено. В те годы никаких наушников не было. Вернее, были только для профессионалов, работающих на радио и телевидении, в стрелковых тирах были, еще кое-где, но их получали по разнарядке. В свободной продаже для населения — не было.

— А как же тогда?

— Никак. Или затыкай уши ватой, или терпи.

— Ну хорошо, а беруши можно? Они продавались?

— Нет.

Артем помолчал. Снова он услышал это странное для себя, непривычное слово: терпи. Пожалуй, за него имеет смысл зацепиться.

— Что это вы смотрите? Что за программа?

— Документальный фильм о выполнении планов пятилетки.

— Чего-чего?

Вилен отставил пустую бутылку, встал с дивана, подошел к телевизору и принялся нажимать на кнопку, уменьшая громкость. Артем проводил его глазами: нормальный телевизор, как у всех, зачем было вставать, если все можно сделать при помощи пульта?

— А почему не пультом? — удивился он. — Не работает? Давайте я посмотрю быстренько, починю.

— Пультом нельзя, — усмехнулся Вилен. — В те годы пультов не было, программы переключались вручную, и громкость регулировали тоже вручную.

Ни пультов, ни наушников... Да уж. Нелегко жилось людям при советской власти.

— Ясно. А зачем вы это смотрите? Это вам нужно для работы?

— Это, — Вилен сделал выразительный знак в сторону экрана, — никому не нужно ни для какой работы. Но у меня нет выбора. Смотрю, что дают.

— Так переключите канал! Кино какое-нибудь найдите... Ну или что там еще сейчас показывают.

— Ты не понял. Это не телевизор, в том смысле, что он не подключен к антенне. Это просто экран, видеоплеер, к нему прилагается набор дисков с записанными телепрограммами семидесятых годов. Если захочешь посмотреть телевизор, то будешь смотреть то, что показывали в те годы, а не то, что сейчас. Информационные программы, политические, развлекательные, документальные и художественные фильмы, мультики, телеспектакли, концерты всякие. Всё — только оттуда. Видеомагнитофонов и плееров в семидесятые еще не было, конечно, но нам приходится делать определенные допуски в достоверности. Телевизионных каналов было всего два, так что выбор, как сам понимаешь, невелик.

Артем подумал пару секунд и включился в игру.

— А давайте переключим на другой канал, может, там кино показывают.

Вилен посмотрел на часы.

— Не показывают. Через десять минут по первому каналу начнется программа «Время», а у нее не должно было быть конкурентов. Если по второму каналу в это время показывать кино, то главную идейно-политическую программу страны никто смотреть не станет.

— Блин! Это получается, что за меня уже кто-то решил, что и когда мне смотреть? — возмутился Артем.

— Получается, что так.

— А можно мне в комнату тоже поставить такой видик? Я что-нибудь другое посмотрю. Кино или концерт какой-нибудь.

Вилен с улыбкой развел руками.

— Нельзя. Больше одного телевизора в квартире могли себе позволить очень немногие. Обычно у всех был только один. Если кому-то не нравилось то, что смотрят другие, то он либо уходил, либо...

— Терпел, — подхватил Артем. — Я понял. Я только не понял, почему мы смотрим то, что интересно вам, а не то, что интересно мне.

— Потому что ты младший в семье, у тебя нет права голоса. За тебя все решают родители. Кстати, телевизор стоит, как правило, в той комнате, где родители спят, так что если ты собрался посмотреть футбол, а мама, например, приболела, устала и прилегла подремать, то я тебе не завидую.

Артем еще немножко подумал.

— А в самом деле, как быть в такой ситуации? К другу пойти?
— Вариант, если он тоже болельщик. Но ведь и у него есть родители. И футбольный матч в их комнате, когда они пришли с работы уставшие, может им не понравиться.

- А если друг живет один?
- Крайне редкий случай, практически эксклюзивный.
- Спортбар?
- Их не было.
- Засада...

Одним словом, вечер дня приезда прошел для Артема крайне продуктивно, он многое понял из принятых здесь правил, поэтому сегодня не задавал никаких вопросов, ничему уже не удивлялся, сделал только одно уточнение о временных затратах на поездку в город, забрал книгу и отправился читать.

* * *

Сергей приехал ближе к вечеру, из аэропорта его привез тот дедок, который сидел на собеседовании. Дедок представился Назаром Захаровичем, но через несколько минут оживленной беседы разрешил называть себя просто дядей Назаром. Сергея живо интересовали и город, и поселок: инфраструктура, население, переселение, планы по созданию курортной зоны, строительство. Он ведь консультант по инвестициям, и судя по разъяснениям дяди Назара, в этом городе и во всей области можно найти приличную работу по специальности. Так что если с вакансией, открывающейся в середине августа, что-то не срастется, можно будет подумать о других вариантах. Время в пути пролетело за разговорами незаметно, и Сергей даже не сообразил задать вопросы о проекте, о предстоящей работе и возможных конкурентах. Возьмут-то не всех, кто приедет, не зря же тур называется отборочным.

Когда приехали, дядя Назар первым делом повел Сергея на второй этаж ужинать в импровизированную столовую, откуда как раз выходили какой-то парень и с ним мужик лет сорока пяти. «Вот и конкурент», — мелькнуло в голове у Сергея.

В столовой он сразу увидел красивую девушку и строгую чопорную даму.

— Как тут у вас насчет познакомиться? — спросил он у Назара Захаровича.

— Без проблем.

— А насчет замутить? Не запрещается?

— Ради бога! Если найдете где.

Ответ показался Сергею не вполне понятным, но с девушкой по имени Оксана он тут же познакомился, и они договорились встретиться и потусоваться примерно через час, после того как разберутся с одеждой и устроятся на новых местах. «Ладно, — думал Сергей, — даже если меня не возьмут в этот проект, хоть время приятно проведу». Оксана сказала, что ее куратор — актриса, и когда Сергею предложили выбрать, с кем вместе жить, с актером или с переводчиком, выбрал актера. С одной стороны, вроде как знак солидарности с красивой Оксаной, а с другой — в переводчиках, на его взгляд, нет ничего интересного, а актер — прикольно.

Вечер в обществе Оксаны начался весьма приятно, но закончился большим разочарованием: тем, что Сергей называл эвфемизмом «замутить», заняться было совершенно негде. У него — однокомнатная квартира, которую он делит с немолодым актером, у нее — «двушка», но со строгой актрисой, взявшей на себя роль бабушки — неумолимого контролера. Попытались прогуляться по улицам — скучно, зайти никуда нельзя, чуть позади за ними маячит высокая фигура актера, бдительно следящего, чтобы молодежь не нарушила правила. Куда податься? Ни в клуб, ни в бар... Вернулись, попытались провести время в квартире у Оксаны, но ее куратор, Полина Викторовна, усадила их пить чай и все время торчала рядом. В конце концов постояли полчасика на лестнице, у окна, поболтали о какой-то ерунде, и Сергей внезапно с изумлением осознал, что если не «мутить», то делать с этой девушкой ему совершенно нечего. Почему-то стало очень неприятно. «Она такая красивая, я надеялся, что нам будет классно вместе, а оказалось, что и говорить не о чем. Не то она меня обманула своей внешностью, не то я сам дурак и чего-то не понял».

Настроение у него испортилось, он наспех распрощался с Оксаной и ушел к себе. А утром, придя в квартиру на четвертом этаже, не сел рядом с ней. Впрочем, девушку этот факт, по-видимому, вполне устроил: еще завтракая в буфете, Сергей заметил, что она с удовольствием флиртует с еще одним конкурентом, смешливым парнем с немного высокомерной манерой держаться. Вот и во время утреннего собрания они сели вместе и как-то очень отдельно от остальных. Ну, как говорится, Бог им в помощь.

Он старался не встречаться с ней взглядом все время, пока два старика — главный и дядя Назар — держали речи перед участниками и отвечали на вопросы. Когда раздали книги, Сергей равнодушно подумал, что Горький

— это, само собой, ужасно скучно и пресно, потому что он был певцом революции, а теперь всем давно известно, что революция себя не оправдала и вообще была плохой затеей, ну и какой смысл читать о прославлении того, что оказалось профанацией? Что вообще в этом может зацепить, как выразился главный, американец, современного продвинутого интернет-пользователя, профессионально занимающегося финансами? Да ничего! Но попасть на основное мероприятие, прожить здесь месяц и получить очень достойные деньги — необходимо. Ну и ладно, грузчиком работать — тоже не обалдеть как интересно. И вообще, ему, по большому счету, все равно чем заниматься, лишь бы не сдохнуть от голода и при этом не видеть мать и сестру. И не думать о Гене, при одной только мысли о котором сердце разрывается от жалости и стыда.

Он внимательно рассматривал присутствующих, прислушивался к их словам. Кто из них — настоящий, искренний, а кто — лишь маска? Вон та девушка, которая все время молчит, не задала ни одного вопроса... Имя у нее занятное: Евдокия. Старомодное какое-то. Интересно, почему ее так называли? Конечно, современным девицам, его ровесницам, часто давали имена, которые раньше не были популярными: Варвара, Ксения, Полина — этих и им подобных было навалом, но ни одной Евдокии он никогда не встречал. Вопросы задавали все, кроме нее и того парня, с которым он вчера столкнулся на пороге квартиры-столовой.

Сергей хотел подойти к Евдокии, заговорить с ней, но отвлекся, отвечая на вопрос, который задала ему одна из двух сидящих рядом подружек, та, что побойчее, а когда спохватился, молчаливой девушки со странным именем уже не было за столом.

Он вернулся в квартиру, еще на лестнице услышав доносящийся через дверь выразительный голос, декламирующий с отчетливой дикцией какие-то стихи, смутно знакомые. Не то Пушкин, не то Лермонтов, не то Некрасов, в общем, что-то такое, что осталось в воспоминаниях о школьной программе. Скучное и ненужное.

У актера было сложное имя и отчество, не то Виссарион Иннокентьевич, не то Иннокентий Виссарионович, но он с первой же минуты велел называть себя Гримо, а на непонимающий взгляд Сергея ответил со смехом:

— Поговорить люблю, и голос у меня хорошо поставлен, меня всегда и всюду слышно. Если ты меня не слышишь, значит, я умер. А Гримо, если ты помнишь, был большим молчуном, из него слова не вытянешь, и голоса его почти никто не слышал. Вот мне и дали на театре такое прозвище в шутку. Что ты смотришь? Ты «Трех мушкетеров»-то читал?

А, ну да, «Три мушкетера», безмолвный слуга Атоса... Ну, Гримо так Гримо, все легче, чем путаться в нескончаемых буквах имени-отчества, спотыкаясь о каждую пару сдвоенных согласных.

Едва Сергей захлопнул дверь и положил ключи на полочку, Гримо нарисовался в прихожей.

— Явился, внучок? Чем порадуешь?

Сергей пожал плечами. Чем он может порадовать этого старого клоуна?

— Да вот, Горького велели прочитать...

— А чего рожа такая постная? Читать не любишь?

— Читать люблю, но не Горького же... Нормальные книги.

Гримо как-то странно глянул на него и вдруг заговорил, приняв позу отчаявшегося, раздавленного унынием человека:

*Маленькие, нудные людишки
Ходят по земле моей отчизны,
Ходят и уныло ищут места,
Где бы можно спрятаться от жизни.
Все хотят дешёвенького счастья,
Сытости, удобств и тишины.
Ходят и всё жалуются, стонут,
Серенькие трусы и лгуны...*

— Это что? — удивился Сергей. — Я не понял, это вы к чему?

— Это ни к чему, это Горький, из пьесы «Дачники», я в ней роль Власа играл много лет назад. Ну, чего стоишь-то? Дали тебе задание — иди выполняй.

Сергею показалось, что Гримо на что-то рассердился, но, как ни силился, не понимал, что такого он сделал не так, чем обидел своего «временного деда». Прошел в комнату, сел на диван, раскрыл книгу, прочел первые строчки: «Года через два после воли, за обедней в день Преображения Господня, прихожане церкви Николы на Тычке...»

«Это невозможно, — мелькнула угрюмая мысль. — Я это не одолею. Блин, через два года после воли... Это вообще когда? Преображение Господне — это когда? Какого черта он писал так, как будто все должны это знать? Церковь еще какая-то Николы на Тычке... Нет, не прочту. Провалю задание, не пройду второй тур, выпрут меня. Ну и ладно».

Он захлопнул книгу, откинулся на спинку дивана, закрыл глаза. «Надо узнать, в какой квартире живет эта Евдокия, пойти познакомиться с ней,

поболтать. Всё лучше, чем эту муть читать».

— Что, внучок, не читается? — загремел прямо над ухом голосище Гримо.

— Не могу. Скучно невыносимо.

— А хочешь, я тебе вслух почитаю? Слушать опытного актера — это совсем не то же самое, что буквы с бумаги рассматривать. Скучно не будет, гарантирую. Я Горького очень люблю, много в его пьесах играл. Главных ролей, конечно, не давали, не той масти я артист, но играл и вправду много. Ну как? Почитать? Будешь слушать?

Сергей решил, что слушать в любом случае повеселее будет, чем читать, и молча протянул Гримо книгу с лицом седобородого старца на обложке.

— Ты картошечку жарить умеешь? — вдруг спросил Гримо ни с того ни с сего.

— Умею.

— А любишь?

— Жарить — не люблю, а есть люблю очень, поэтому и жарить приходится, — усмехнулся Сергей.

— Тогда мы вот как сделаем. Сейчас сходим в закрома нашей Надюши, купим картошечки и лучку репчатого, сала кусочек возьмем, ты будешь картошечку чистить, резать и жарить, а я буду тебе читать.

— А сало-то зачем?

— Ну а как без сала картошечку жарить? Картошечка, брат, продукт благодарный, если с ней по правилам обращаться, то она весь свой вкус тебе отдаст с радостью, а если обращаться неправильно, то и вкуса никакого не будет.

Предложение показалось Сергею забавным, но привлекательным. И вдруг нестерпимо захотелось именно жареной картошки! В последнее время он совсем перестал готовить для себя, перехватывал тем, что можно было купить в супермаркете и быстро сжевать в подсобке, не отходя от рабочего места.

Они спустились на второй этаж, в квартиру, где работала Надежда Павловна.

— Овощной магазин? Конечно. Ты сам или Иру позвать?

— Да справлюсь я, Надюша. Или я не артист? Если надо, я тебе хоть собачью колбаску сыграю.

Сергей ничего не понял из этого странного обмена репликами и моментально насторожился. О чем они говорят? Что за тайный смысл кроется за такими обычными словами, которые никак не связываются в его

сознании с картиной мира?

Надежда Павловна между тем открыла дверь, на которой висела картонка со сделанной фломастером надписью «Магазин». Три больших, почти под потолок, холодильника, какие-то контейнеры, ящики, коробки...

Картофель лежал в одном из ящиков, весь в комьях земли. Сергей озадаченно смотрел на него, пытаясь сообразить, что нужно делать дальше.

— Молодой человек! — послышался из-за спины отвратительный визгливый голос. — Так и будем стоять и смотреть? Выбирайте товар и оплачивайте, не задерживайте очередь.

Сергей в ужасе обернулся: Гримо стоял подбоченившись и с таким выражением на лице, что захотелось провалиться сквозь пол. Старый актер преобразился настолько, что утратил все признаки мужчины и стал похож на усталую раздраженную женщину, хамоватую и ненавидящую всех покупателей, как нынешних, так и прошлых, и будущих.

— Как выбрать? — растерянно спросил Сергей.

— Руками, а как еще? — сердито ответила продавщица-Гримо.

— Так она же грязная...

— Грязная?! А я что, должна для тебя картошку мыть?! Какую завезли, такую и продаю!

— Кать, а, Кать! — вступила Надежда Павловна. — Что это у тебя, покупатель скандалит? Заведующую позвать?

— Ты только подумай, картошка ему грязная! Нет, ты видела такое? — продолжал разоряться Гримо. — Давай-давай, поживее, выбирай и отходи, вон очередь какую собрал!

Сергей жалобно посмотрел на Надежду Павловну.

— Что, правда прямо руками брать?

— Прямо руками, — подтвердила та своим обычным голосом.

— Но вы хотя бы пакет дадите?

— Пакетов не давали, все ходили со своими сумками, авоськами, сетками — у кого что было.

— Но как же мне...

— А никак. Сегодня в руках и унесешь, а в следующий раз сумочку прихватишь или пакет, — миролюбиво объяснил Гримо, снова принявший свой обычный вид.

Сергей наклонился над ящиком, выбрал несколько крупных картофелин — сколько поместилось в двух руках. Но ведь Гримо говорил что-то о луке и куске сала...

— Ладно, — смиловился Гримо, — лук и сало я сам возьму, на первый раз с тебя хватит.

Сергей поднимался по лестнице, стараясь не испачкать одежду землей, плотно облепившей картофелины. В квартире он сгрузил картошку в раковину и открыл кран, чтобы вымыть руки.

— Что это вы устроили? — зло спросил он, поглядывая на актера, который с невозмутимым видом уселся за кухонным столом и принялся листать книгу, которую ему предстояло читать вслух.

— А что тебе не понравилось?

— Зачем весь этот цирк с грязной картошкой?

— А другой в те времена не было. Наш завхоз Юра специально ездил на ферму, договаривался, чтобы продукцию продавали нам немытую. На рынке овощи были чуть почище, конечно, но заметно дороже. А в магазине — только такие. Другое дело, что в магазинах они были почти всегда расфасованные по пакетам или по сеткам, но такие же грязные.

— А орать и хамить зачем было?

— Милый мой, во всех магазинах продавцы орали на покупателей и хамили. Даже в ювелирных такое случалось, а уж в овощных — поголовно.

Сергей оттер наконец руки и взялся за полотенце.

— Вы серьезно?

— Серьезней некуда. Мы все так жили.

— Но это же унижительно!

— Ну... — Гримо пожал плечами. — Наверное. Но мы привыкли. Для нас это было нормой, мы и не знали, что бывает как-то иначе.

— Ну ладно. Только я не понял, о чем вы с Надеждой разговаривали в самом начале, когда мы только пришли.

— Мы разговаривали о том, кто будет играть роль продавца и нужно ли для этого звать нашу Ирочку. Я ответил, что сам справлюсь. И ведь справился?

— Справились. — Сергею наконец удалось расслабиться после шока, вызванного посещением «магазина». — А Ирочка — это кто?

— Актриса. Нас, актеров, здесь трое: Полина, у которой твоя Оксана живет, Ирочка и я. У Полины возрастные роли, у Ирочки — помоложе, лет на тридцать пять — пятьдесят, ну и я — на все мужские и вообще на любые, ты ж сам видел, я что угодно сыграю.

— Ага, хоть собачью какашку, — с улыбкой кивнул Сергей.

— Это грубо, — поморщился Гримо. — Я сказал «колбаска». Ты давай начинай дело делать, фартук повяжи, нож достань, дощечку, миски, сковородку, не стой пнем. А я читать буду.

Сергей послушно надел фартук и взялся за нож, а Гримо откашлялся, взял поочередно две ноты с размахом в октаву и принялся читать.

А дальше стало происходить что-то непонятное. Невероятное. В раковину падали картофельные очистки и луковая шелуха, на сковороде подтапливалось нарезанное мельчайшими кусочками сало, стены кухни словно раздвинулись, и перед глазами Сергея появилась улица, а по ней шел, твердо ступая, могучий мужчина с длинными руками. Серо-голубые его глаза сверкали из-под бугристых лохматых бровей, и покачивалась густая, в колечках завитков, борода... Озадаченные горожане смотрят ему вслед и переговариваются, обсуждая и строя догадки: кто это да зачем явился в их город, стоящий на большой реке?.. Вот умирает городской староста и на смертном одре договаривается о женихе для своей дочери... Дочь старосты и сын Артамонова, того самого «неизвестного и страшного», принимают благословение, впервые увидев друг друга и не испытывая никаких чувств... И вдруг, как откуда-то из другого мира, прозвучали слова: «Живет человек, а будто его нет. Конечно, и ответа меньше, не сам ходишь, тобой правят. Без ответа жить легче, да — толку мало».

Было что-то особенное то ли в самих этих словах, то ли в той интонации, с которой произносил их старый актер Гримо. Сергей отвернулся от плиты, на которой шкворчала порезанная тончайшими ломтиками картошка, и замер, уставившись на чтеца.

— Что? — спросил Гримо, оторвавшись от книги и сдвигая очки на кончик носа.

— Это тоже Горький написал? Вот то, что вы сейчас прочитали?

— Ну а кто ж? Не я же.

— Что-то тут революцией и не пахнет.

— Ну, ты хватил! — расхохотался актер. — Действие начинается через два года после воли, это первая половина шестидесятых годов девятнадцатого века, до революции еще глаза выпучишь.

— То есть про революцию здесь вообще не будет? — на всякий случай уточнил Сергей, почему-то обрадовавшись.

— Будет, но в самом-самом конце и совсем чуть-чуть. Ты не отвлекайся, внучок, картошку-то мешай, а то пригорит.

В сочном глубоком голосе Гримо было что-то завораживающее, и картины перед мысленным взором вставали яркие, красочные, выразительные. Когда еда приготовилась, они сделали перерыв, но Сергей старался съесть свою порцию побыстрее, чтобы снова вернуться к волшебным картинам, оживающим под силой голоса Гримо. Актер же, наоборот, не спешил, ел медленно, со вкусом, нахваливая стряпню «внучка». Сергей успел не только поесть, но и вымыть сковородку, ножи,

миски и даже свою тарелку, и нетерпеливо ожидал, когда Гримо доест, сдаст посуду и вернется к чтению.

— А ты не стой без дела, кофейку свари пока, мне покрепче, а себе — как любишь.

Кофе пили уже под книгу: Гримо читал, на ощупь просовывая палец в колечко ручки, подносил чашку ко рту, делал маленький глоточек, почти не прерывая потока слов. Сергей слушал как замороженный.

— Ну как? — спросил актер часа через два. — Дальше сам будешь читать? Въехал?

— А вы устали?

— Да я-то что, у меня глотка луженая, могу читать хоть до ночи.

— Я бы еще послушал, если можно. Вы так классно читаете! Если честно, никогда не понимал, почему некоторые люди любят слушать аудиокниги. Мне всегда казалось, что лучше глазами и в тишине...

— Теперь понял?

— Теперь понял.

— Тогда перерыв на десять минут, можно оправиться и покурить.

— Я потерплю.

— Ну а я вообще не курю, — рассмеялся Гримо. — Это выражение такое. Не слышал никогда?

— Нет, — признался Сергей. — Вам еще кофе сварить?

— Свари.

Актер походил по квартире, помахал руками, зашел в ванную, сполоснул лицо прохладной водой.

— Ты почему не записываешь ничего? — вдруг строго спросил он. — На память надеешься? Вот завтра утром тебя спросят, а тебе и сказать нечего.

Ох, елки-палки! Он совсем забыл, что нужно будет отчитаться о «зацепившем». Правда, до настоящего момента зацепили его только слова о жизни без ответственности, но ведь и их нужно процитировать. Сергей схватил блокнот, взял лежащую на столе книгу, начал листать с самого начала, чтобы найти нужное место. Выписывать цитату целиком было лень, он давно уже отвык делать записи, все, что можно, вносил либо в компьютер, либо в телефон или айпад. Но вроде бы этот главный, американец, сказал, что можно делать пометки на полях. Найдя цитату, Сергей отчеркнул ее карандашом, а в блокнот вписал только номер страницы. Вот так будет отлично: всё быстро найдется.

Неутомимый Гримо читал до самого вечера, делая десятиминутные перерывы каждые полтора-два часа. Сергей варил ему и себе кофе и два

раза во время перерывов бегал в буфет к Надежде Павловне за бутербродами и булочками с вареньем.

— Может, вам ужин принести? — предложил он вечером. — Давайте я попрошу Надежду Павловну, она даст навынос. А посуду я ей потом верну.

— Не даст, — отрезал актер. — Не положено. Навынос можно только то, что из буфета. А столовское едят строго по месту подачи. Если не хочешь прерываться — сходи в магазин, возьми десяток яиц и колбаски кусочек, сало у нас еще осталось, так что можем хорошую яишенку забабахать. Сумеешь?

— Сумею, конечно, но куда нам десять яиц? В нас разве влезет столько?

— А никого не волнует, что там и сколько в кого влезет, яйца продаются только десятками и никак иначе.

Сергей представил себе очередную сцену с продавщицей и поежился. Но идти в столовую и видеть других участников, а возможно, и разговаривать с ними отчего-то хотелось еще меньше. «Боюсь я их, что ли? Да вроде нет, с чего мне бояться... Почему они все так неприятны мне? Потому что конкуренты? Наверное. Я не боец. Я не умею выдерживать конкуренцию, я ее избегаю. Неужели я трус? Или слабак? Надо же, как странно: никогда прежде я об этом не задумывался. Нужно было вляпаться во всю эту дикую историю с прочтением Горького и с погружением в семидесятые годы, чтобы начать думать об этом. Чудеса!»

Он спустился к Надежде Павловне, предусмотрительно взяв пакет, внутренне подобравшись и выставив вокруг себя частокол из иголок. На этот раз продавщицу изображала та самая Ирочка, которая «от тридцати пяти до пятидесяти». Она не кричала и не хамила, «ее» продавщица вообще не произнесла ни слова, обслуживала молча, но при этом обливала покупателя таким холодным презрением, что уж лучше бы орала, как та, в овощном. Яйца в пакет она складывала с таким остервенением, что Сергей только диву давался: как хрупкая скорлупа выдерживает? Кусок колбасы, отрезанный от вынутого из холодильника батона, она не положила на весы, а швырнула, при этом стрелка весов заметалась, как бешеная, а продавщица, не дожидаясь, пока стрелка остановится, молча завернула колбасу в грубую серую бумагу и карандашом нацарапала на краешке цену. После чего уже завернутую колбасу швырнула на прилавок. И все это в гробовом молчании и с выражением неистребимой ненависти ко всему человечеству.

Однако второй магазинный опыт прошел для Сергея намного легче. Он-то, спускаясь по лестнице, боялся, что будет так же ужасно, как в

первый раз, но сейчас он отнесся ко всему происходящему почти равнодушно. «Человек ко всему привыкает, — думал он, — вопрос только в том, насколько быстро. Я пережил разочарование в близких, потерю работы, жизнь грузчика, я привык и смирился. И к обычаям советского времени привыкну. Если, как говорит Гримо, все люди так жили, то почему я не смогу?»

Он пожарил на сале яичницу с колбасой, они с Гримо поужинали и продолжили чтение.

— Тут по объему часов на одиннадцать-двенадцать голосовых, — сказал актер, опытным взглядом оценивая толщину книги. — Я-то договору, я тренированный, в последние годы подрабатывал начитыванием аудиокниг, а вот ты дослушаешь ли? Или, может, хватит, дальше сам дочитаешь?

— Я бы послушал, — умоляюще проговорил Сергей. — Если вы не устали.

Они начали читать примерно в половине одиннадцатого утра, значит, к полуночи книга должна закончиться. Ну, еще час накинуть на перерывы. Все равно времени, чтобы выспаться, остается более чем достаточно.

* * *

— Не буду я читать этот отстой, — упрямылась Маринка. — Ну это ж просто застрелиться на месте — Горького читать! У меня есть более важные задачи.

— Твои задачи ты все равно не решишь, если не пройдешь отбор, — уговаривала ее Наташа, которая к перспективе прочитать за один день роман классика советской литературы отнеслась гораздо более спокойно, чем ее подруга, но тоже без энтузиазма. Читать она не очень любила, предпочитала слушать, сидя или лежа с закрытыми глазами и в наушниках, да и слушать она любила песни, а вовсе не книги про революционное движение.

Очень хотелось забить на все... Но Маринка права: есть цель, есть задача, и нужно преодолеть себя и постараться. Теперь, после знакомства с Назаром Захаровичем, Наташе еще сильнее хотелось попасть на так называемое основное мероприятие и не только прожить месяц в отрыве от раздражающей современной жизни, но и познакомиться поближе с человеком, который хорошо знает и, вероятно, любит то же, что так нравится самой Наташе.

— Ты хочешь подлезть к американцу, но трех дней тебе на это не хватит, а вот за месяц вполне справишься, — сказала Наташа. — Так что не скули, придется читать.

— Сама читай, — огрызнулась Маринка. — Потом мне расскажешь.

Пришлось потратить еще некоторое время, чтобы напомнить подруге: завтра будет не контрольная по содержанию, а ответ на вопрос о том, что именно произвело наибольшее впечатление.

— Ну ладно, прочитаешь и скажешь мне, что там произвело на тебя впечатление, а я повторю своими словами. Я же понимаю, в чем прикол.

— В чем?

— Да ясен пень, в том, чтобы развенчать идеи революции. Ты хоть что-то помнишь из того, что нам в школе про Горького рассказывали?

— Ну... — Наташа замялась. — Очень приблизительно. Если честно, то совсем ничего не помню. А ты?

— А я вот помню, — торжествующе улыбнулась Маринка. — Того, что задавали, я, само собой, не читала, посмотрела в интернете краткое изложение, чтобы совсем не опозориться на уроке, но русичка говорила, что Горький — певец революции, то есть он революцию поддерживал и прославлял. И все книги у него про это. А теперь сама подумай: зачем сегодня это читать? Сегодня уже всем понятно, что все это было неправильно. И заставлять нас читать Горького можно только с одной целью: чтобы мы сказали, где и в чем он ошибался. Поняла? Так что ты читай, если ты такая идейная, а я пойду попробую мосты навести. Узнаю, в какой квартире этот Ричард поселился, и начну прощупывать почву. Времени терять нельзя.

— Почему? — не поняла Наташа.

— Конкуренция, — многозначительно и серьезно ответила Маринка. — Эта Евдокия мне, конечно, не соперница, а вот две другие девицы могут помешать. Нужно успеть первой. Сейчас потрясу этим старьем из чемодана, может, выберу что-то поприличнее.

Куратор Марины, культуролог Галина Александровна, сидела в самой просторной комнате трехкомнатной квартиры и читала какую-то рукопись, а девушки устроились в малюсенькой комнатке Маринки.

Наташа думала, что они заберутся с ногами на диван, раскроют каждая свою книгу и будут спокойно читать до самого вечера, то и дело обмениваясь впечатлениями, но раз Маринка читать не намерена, а хочет вместо этого нарядиться и приступить к атаке на американца, то и Наташе нужно идти к себе. Не оставаться же здесь... Как-то неприлично это.

Она со вздохом сползла с дивана.

— Ты куда? — удивилась Маринка.

— Домой. В смысле — к себе пойду, ты же уходить собралась. Чего я тут буду с твоей Галиной...

— Да погоди ты! Хочешь читать — читай, пока я оденусь и накрашусь, потом вместе выйдем, ты к себе, а я на разведку.

— Ладно.

Наташа послушно забралась на диван, подогнула под себя ноги и принялась за чтение, а Маринка, испустив громкий вздох отвращения, открыла чемодан и начала рассматривать одежду, вытаскивать каждый предмет по очереди, надевать и рассматривать себя в зеркале на внутренней стороне дверцы шкафа.

— Кошмар какой, — ныла она вполголоса, — ну как можно такое носить? Ноги показать получится только в мини-юбке, но к ней нечего надеть сверху, сюда бы топик хорошо подошел, коротенький такой, чтобы живот торчал, у меня как раз такой был с собой, так эти уроды все отняли... Может, вот так? Ну-ка глянь!

Наташа подняла глаза, оторвавшись от текста, окинула подругу равнодушным взглядом, кивнула.

— Нормально, пойдет.

— Что пойдет? — вдруг взорвалась Маринка. — Куда оно пойдет? Что ты вообще понимаешь, курица?! Уткнулась в свои песенки дурацкие и ничего вокруг себя не видишь! У меня, может, вся судьба сейчас решается, а тебе все равно, да? Подруга называется!

— Я не в песенки уткнулась, а в книгу, — спокойно отпарировала Наташа, ища глазами место, где она остановилась.

— Ага, в книгу про революцию! Уж так интересно, что прям не оторваться!

— Книга про любовь.

— Чего-о? — протянула Маринка. — Про какую еще любовь?

— Про ту самую, обыкновенную. Там такая замутка — и не разберешься сразу. Три брата, один женится по указанию отца, без любви, второй ее любит, а третьего любит она сама. При этом отец их влюбился в мать девушки.

— А она в него? — спросила Маринка, продолжая изучать свое отражение.

— Вроде тоже да.

Маринка внезапно оторвалась от своего увлекательного занятия и внимательно посмотрела на Наташу.

— Ты шутишь, что ли?

— Да какие шутки, Марин! Как тут написано, так я и рассказываю.

— А революция где?

— Пока нету. И вообще не похоже, что будет. Тут как-то всё про другое...

— Ты много прочитала уже?

— Прилично. Ты же знаешь, я быстро читаю.

— А ну дай сюда!

С этими словами Маринка вырвала книгу из рук подруги и, прищурившись, начала просматривать открытую страницу.

— Ну? — насмешливо спросила Наташа. — Убедилась, что я не вру?

Маринка вернула ей книгу и с размаху опустилась на диван.

— Засада... Про любовь я бы почитала, конечно. И завтра выступила бы в правильном ключе, чтобы американец заинтересовался мной. Но и время упустить страшно. А вдруг Ленка эта или Оксана подсуеются вперед меня? Хотя Оксана вроде на поэта настроилась... А вот Лена может подгадить, знаю я таких уверенных в себе блондинок. Сама ничего не может, институт бросила, наверняка рассчитывает на перспективного папика, который будет ее содержать.

«Как и ты», — подумала Наташа, но совершенно беззлобно.

— Ты все напутала, Лена — менеджер по продажам, а Оксана не бросила институт, она в академке.

— А ты и поверила! Академка — это примитивная отмазка, вранье. Бросила, точно тебе говорю. А Лена ни на кого из парней глаз не положила, я бы заметила, я за ней все время наблюдала. Значит, она нацелилась на кого-то из мужиков.

— Ну почему обязательно нацелилась? — рассмеялась Наташа.

— Ну а как иначе? Для чего ей вообще сюда приезжать, если не нацелилась? Евдокия — ладно, она какая-то отмороженная, небось голова полна тараканов, с тобой тоже все понятно. А все остальные...

— Думаешь, всем нужен твой американец?

— Ну а то! Он самый лакомый из всех. Хотя, может, у кого-то из девчонок запросы поскромнее, им лишь бы уцепить такого мужика, который их в столицу увезет. Но это не мой путь. Мой путь — напрямик в Европу. Моя планка — самая высокая. И нельзя терять ни минуты. Сейчас крашусь — и в бой.

— А читать? Не будешь?

— Потом прочитаю, еще весь день впереди и ночь.

Красилась Маринка долго и тщательно, за это время Наташа успела прочесть изрядный кусок текста.

— Галина Александровна, мы уходим! — крикнула Маринка из прихожей.

— Куда? — послышалось из комнаты. — На улицу? Тогда подождите, я с вами пойду.

— Нет, не на улицу, Наташка домой идет, а я в гости.

— К кому?

— Еще не решила. Хочу с девочками поближе познакомиться, — соврала Маринка, не моргнув глазом.

Внушительная фигура Галины Александровны показалась на пороге комнаты.

— Ты не забыла, что у тебя есть задание, которое к завтрашнему дню должно быть выполнено?

— Да помню я, — недовольно пробурчала девушка. — Времени навалом, я успею.

— Но у девочек такое же задание, и твой приход может им помешать. Воспитанный человек обычно звонит по телефону и спрашивает разрешения, если хочет нанести визит.

— Да я всем позвонила, они не возражают.

Маринка продолжала врать по той схеме, которая всегда прокатывала в обычной жизни. Но, как вдруг выяснилось, никак не могла прокатить в реалиях семидесятых годов.

— Когда же ты им звонила? — невозмутимо допрашивала ее Галина Александровна.

— Ну вот только что, буквально пять минут назад, и со всеми договорилась.

— Что-то я не слышала, чтобы ты с кем-то разговаривала.

— Так я же из своей комнаты звонила, — уверенно заявила девушка и вдруг осеклась, наткнувшись на насмешливый взгляд куратора.

«Ну да, конечно, — подумала Наташа. — Из какой такой «своей комнаты» она могла звонить, если стационарный телефон находится в той комнате, где Галина Александровна корпела над чьей-то рукописью? Все привыкли, что с мобильного позвонить можно откуда угодно и когда угодно, хоть из туалета, сидя на толчке... Если эсэмэску бросить или вотсапку, так и вообще без разговоров вслух. А когда аппарат один на всю квартиру, да еще и шнур у него короткий, и рядом с телефоном расположено любимое кресло бабули, в котором она просиживает целыми днями, схема обмана должна быть какой-то другой. Интересно, какой? Как люди выкручивались в те времена? Ведь наверняка же у них были в арсенале какие-то приемчики... А может, тогда, в семидесятые, все люди

были честными и никто никого не обманывал?»

Маринка в первый момент растерялась, потом расхохоталась:

— Подловили меня! Прикольно! А вранье тоже считается нарушением? — внезапно спросила она уже серьезно. — За него могут отчислить и выгнать из проекта?

— Не волнуйся, — Галина Александровна снисходительно улыбнулась, — за вранье не выгонят. Люди врал друг другу во все времена испокон веков, и ложь так же типична для нынешнего времени, как и для семидесятых годов. А уж лгать родителям и вообще старшим — просто святое дело, ни один человек без этого не прожил.

— И вы тоже родителей обманывали? — вырвалось у Наташи.

— А как же! Запомните, девочки: развивается и меняется только технология, а человек остается прежним, ничего в нем не меняется и не развивается.

Куратор подумала немножко и негромко добавила:

— Уж не знаю, к сожалению или к счастью.

Девушки уже открыли дверь на лестничную площадку и собрались покинуть квартиру, как им в спину донеслось:

— Марина, обед в два часа, не опаздывай.

— Я буду обедать, когда проголодаюсь, — не оборачиваясь, бросила Маринка.

— Ты будешь обедать, когда я скажу, — спокойно и строго ответила Галина Александровна. — Привыкай, девочка. Таковы правила.

Наташа остановилась.

— И что, во всех семьях в те времена были такие порядки? — недоверчиво спросила она.

— Не во всех, конечно. Но во многих. И у нас, в нашей временной семье, будет именно так.

— Зашквар, — выдохнула Маринка шепотом сквозь зубы. И уже громче произнесла: — Я в гостях пообедаю. Так можно?

— Нельзя, — Галина Александровна подавила улыбку. — Это неприлично.

— Да почему?!

— Потому что хозяйка в те времена обычно готовила еду сразу на два-три дня с расчетом только на свою семью, то есть на определенное число едоков. Незваные гости в расчет не входили, и накормить такого гостя обедом означало урезать пайку кого-то из членов семьи или вообще оставить его голодным.

— Ну елки-палки! — возмутилась Маринка. — Что за проблема-то —

обед сварить? Пошла в магазин, купила в кулинарии все готовое, сунула в микроволновку — и никаких проблем. Чего-то вы грузите не по делу, Галина Александровна.

— Попробуй — узнаешь, — усмехнулась куратор и закрыла за девушками дверь.

Наташа направилась вниз по лестнице, на второй этаж, Марина задумчиво стояла на площадке, оглядывая двери соседних квартир и прикидывая, с чего лучше начать задуманное предприятие. Навстречу Наташе поднимался вышедший из квартиры-столовой парень, который на утренней встрече назвался Тимуром и сказал, что он безработный. Физиономия у него была веселая и довольная, в руках — завернутые в бумажную салфетку бутерброды с сыром и пара булочек.

— Привет, красотки! — радостно заявил он. — Вот, затарился перед тем, как погрузиться в литературные глубины. Такую муть можно читать только вприкуску, чтобы скрасить ужас и скуку. А вы куда? Тоже в буфет? Давайте быстрее, там наша повариха булочки только-только из духовки достала, бегите, пока горячие, а то всё расхватают, народ уже прочухал, что здесь выпечка обалденная.

— Я мучное не ем, — томно откликнулась Маринка, явно проверяя на Тимуре силу своего очарования, в которой теперь, по причине неадекватности наряда, приходилось немножко засомневаться. — А ты читать собрался?

— Конечно! А ты разве нет?

— Почитаю, почитаю, — медленно проронила она. — Ты с кем живешь?

— С завхозом, а что?

— С завхозом? Никого попрличнее не мог выбрать?

— Смысла вопроса не понял, поэтому внятного ответа не дам, — по-прежнему весело ответил Тимур и помчался дальше по лестнице вверх.

Остановился на мгновение, обернулся.

— Чмоки, красотки! Зря булочки не едите!

Подмигнул и исчез из виду.

* * *

Наташа, в отличие от своей подруги, фигуру не берегла и вообще о своей внешности думала не очень много, поэтому прислушалась к совету весельчака Тимура и зашла к Надежде Павловне за булочками. В конце

концов, не так уж это и плохо: заварить чайку, выложить на тарелку аппетитные теплые плюшечки, забраться на диван, устроиться поудобнее и читать. И книга не такая скучная оказалась, как думалось вначале...

Маринка явилась примерно через час, когда все булочки уже были съедены и следы преступления тщательно уничтожены: чашка и тарелка вымыты, вытерты и убраны в шкафчик над мойкой.

— Облом, — зло бросила она, плюхнувшись на диван Надежды Павловны. — Все козлы! Дед этот вчерашний, как цербер, никого к Ричарду не подпускает. Ты прикинь, я выяснила, в какой квартире обитает американец, все продумала, речь приготовила, звоню, открывает этот дед, извините, говорит, господин Уайли занят, работает с документами, просил не беспокоить. Я давай ему в уши лить, что у меня много вопросов по заданию, а дед меня под локоть — и на лестницу, пойдемте, говорит, ко мне, я вам на все вопросы отвечу. Нет, каково, а? Пришлось, чтобы себя не выдать, к нему зайти. Ну, спросила что-то там несущественное и свалила.

— Но он ответил на вопросы? — поинтересовалась Наташа.

— Да говорил что-то, но я же не слушала. Я такая злая была... Короче, пошла с горя в буфет, хотела Надежду твою порасспрашивать, думала, может, она что-то нужное сболтнет.

— И как? Получилось?

— Да ни фиги! Улыбается, старая зараза, и талдычит одно и то же: я, мол, простая повариха-буфетчица, со мной никто ничего по делу не обсуждает. Но хоть одно хорошо: видела сейчас Цветика нашего, он с Оксаной гулять пошел, и тетка какая-то за ними тащилась. Приличная такая тетка, фигура хорошая. Старая совсем, правда, мне не конкурентка. Не представляю, как можно в старости иметь такую фигуру. Наверное, она еще не очень старая, просто морду неудачной пластикой испортила. Не знаешь, кто такая?

— Мариш, ну мне-то откуда знать? Мы с тобой все время вместе, кого ты знаешь — того и я. Утром были Ричард, Назар Захарович, переводчик Семен и психолог Вилен. Всё. Ну, Надежду и твою Галину еще мы знаем. А остальные участники тоже ведь с кем-то живут, значит, как минимум еще три тетки должны быть.

— Три тетки! — сердито воскликнула Марина. — Целых три! А вдруг они молодые и тоже имеют свои задачи, как я? Ну ладно, одну я только что видела, она старая и не опасная, а две другие? Вот как тут задание выполнять, когда столько проблем?!

Наташа не отвечала, уткнувшись в книгу. Боль горбуна Никиты, безнадежно влюбленного в жену брата, отзывалась в ней накапливающимися

слезами, и это было так похоже на то, что она чувствовала, слушая любимые песни... Но нельзя, чтобы Маринка заметила. Опять начнет подшучивать, издеваться. Это не обидно, Наташа любит свою подругу и искренне благодарна ей за опеку и постоянные попытки «устроить жизнь» своей одноклассницы. Не обидно. Но почему-то все равно неприятно.

— Маришка, если не получается так, как ты придумала, тогда начинай читать, тебе нужно завтра на обсуждении произвести хорошее впечатление, — сказала Наташа, чтобы отвлечься от грустного и не расплакаться.

— Придется, — тяжело вздохнула Маринка. — Пойдем ко мне, а? Неохота одной мучиться, вдвоем веселее.

— Можно здесь остаться, — предложила Наташа. — Принеси книгу — и все дела.

— У нас места больше, у меня отдельная комната.

— А какая разница? Надежда все равно в столовке целый день, а если и зайдет, то на пять минут, не больше. Может, и вкусенького чего-нибудь принесет. Иди за книгой, заодно Галину предупреди, что обедать не придешь, мы с тобой вместе потом в столовку сходим.

Маринка сидела, уставившись неподвижными глазами куда-то в окно.

— Нет, я так не могу! — вдруг воскликнула она. — Ну что это такое?! Ни позвонить толком, ни эсэмэску кинуть, ни в сеть выйти! Вчера вечером я как-то с дороги не прочухалась еще, сегодня утром заседание это непонятное, вроде голова чем-то занята, короче, нормально было. Непривычно, но нормально. А сейчас я не могу ни на чем сосредоточиться, только и думаю о том, кто что написал, да какие фотки разместил, да сколько лайков кому поставили... Надо сходить к деду, попробовать вытащить телефон. Поможешь?

— Как?

— Пойдем вместе, ты его отвлечешь, про песенки чего-нибудь замутишь, а я телефон заберу, я видела, где хранится техника, которую они отобрали. Специально заметила, когда ходила номера телефонов выписывать.

— Перестань, — поморщилась Наташа. — Даже и не думай. Тебя поймут и выпрут. И все твои планы накроются. Иди за книгой.

Когда Маринка ушла, Наташа, на мгновение вынырнув из глубин сюжета, с удивлением подумала, что подруга почему-то не командует, а, наоборот, слушается ее. Мысль показалась ей настолько смешной и неправильной, что девушка, невольно улыбнувшись, прогнала ее.

Обедать они, конечно же, не пошли, просто сбегали в буфет, набрали

всего того, чего Маринка якобы не ела, и прихватили по две бутылки какого-то сладкого газированного напитка, про который Надежда Павловна сказала, что он максимально близок по вкусу к советскому лимонаду «Буратино». В общей комнате столовой заняты были два стола, за одним обедали психолог Вилен и маркетолог Артем, за другим сидела очень симпатичная женщина лет сорока в компании бывшей студентки Лены и странной молчаливой Евдокии. Артем бросил на девушек равнодушный взгляд, Вилен поглядел на них с нескрываемым мужским интересом, Лена смотрела пристально, словно пытаясь за несколько секунд составить о подругах максимально полное представление: именно так обычно рассматривают соперниц. Евдокия была погружена в свои мысли, ее лицо не выражало ничего, кроме задумчивости. А вот неизвестная женщина посматривала на них с явным любопытством.

— Как ты думаешь, эта тетка с кем живет, с Евдокией или с Леной? — шепотом спросила Маринка.

Наташа пожала плечами:

— Понятия не имею. Если тебе интересно — подойди и спроси.

— Смотри, — продолжала нашептывать Маринка, — Лена и эта Евдокия вместе обедают, значит, они подружились уже.

— И что?

— И ничего, — огрызнулась подруга. — Мне нужно понимать расстановку сил.

— Я же говорю: подойди и спроси, если тебе так нужно знать.

— Легко тебе говорить... Ладно, давай еды наберем и пойдем отсюда. Слушай, а может, ты сама у них спросишь?

— А мне-то это зачем?

— Ну...

И Наташа с изумлением поняла, что впервые за все годы знакомства видит свою подругу не то чтобы растерянной, а какой-то неуверенной в себе. Словно она не знает, как подойти к людям, что сказать, и вообще — как себя вести. Сама Наташа ни малейшей проблемы здесь не видела, она всегда легко общалась с незнакомыми людьми и при всей своей замкнутости отнюдь не была застенчивой и стеснительной. Ей стало неожиданно приятно, что есть, оказывается, вещи, которые она может делать лучше Маринки. И тут же стало совестно за это непрошеное чувство: как-то это некрасиво, неправильно. Если она сейчас подойдет к столику, за которым сидят Евдокия, Лена и незнакомая женщина, и все узнает для Маринки, подруге будет неприятно, она ведь привыкла считать Наташу глупой и неумелой курицей, неприспособленной к суровым

законам жизни, а тут вдруг выяснится, что Наташа кое-что умеет, а вот сама Маринка кое в чем неприспособленная... В общем, нехорошо. Отношения нужно ценить, дружбу надо беречь, этому учат ее любимые песни.

— Мы по-другому сделаем, — тихонько сказала Наташа, складывая на принесенную с собой тарелку свежую выпечку. — Ты погоди, не суетись.

Когда вышли из столовой, Наташа протянула Маринке ключи от квартиры.

— Ты заходи, а я сейчас вернусь.

Она быстро поднялась в квартиру к Назару Захаровичу, позвонила в дверь. Никто не открыл. Напрягла память, вспоминая, что Маринка говорила о неудавшемся визите к Ричарду Уайли. Какая у него квартира? Вспомнила. Подошла к двери, осторожно позвонила. Открыл дядя Назар. Глянул насмешливо и выжидательно.

— Что, дочка, вторая смена?

Наташа смешалась, но тут же взяла себя в руки. Какая Маринка все-таки неловкая! Похоже, Назар Захарович хорошо понял ее намерения и теперь смеется про себя.

— Нет, я к вам. У меня только один вопрос, очень короткий, можно?

— Давай, — разрешил он.

— Мы сейчас видели в столовой Лену и Евдокию, а с ними женщина, такая интересная, красивая. Я хотела спросить: кто она? Мне неловко было подойти и познакомиться, я же намного младше, а меня всегда учили, что тот, кто младше, не должен навязывать знакомство тем, кто старше.

— А, ты про Ирину? Она актриса.

— Ух ты! А кто с ней живет, Лена или Евдокия?

— Обе.

— Как это?

— Очень просто. А что тебя смущает, дочка?

— Я думала, все живут по двое, один участник и один взрослый сотрудник. Нет?

— Так и задумывалось, но видишь, как вышло: у нас взрослых женщин не хватило на всех девушек. Так что Лена и Дуня живут с Ириной, вроде как она им мама, а они — сестры, Дуня — старшая, Лена — младшая.

— Но почему так, дядя Назар? — обиженно заговорила Наташа. — Вы же с самого начала знали, что мы с Маринкой подруги, вы сами на собеседовании сказали... Почему вы нам не разрешили поселиться вместе, а вместо этого...

Она так расстроилась, что чуть не плакала.

— Вы же заранее знали, что девушек-участниц у вас больше, чем женщин-кураторов, и знали, что мы с Маринкой приедем вместе... Почему вы не нам разрешили, а им? Ну почему?

Назар Захарович вздохнул:

— Эх, дочка... Ну что тебе ответить? Правду?

— Конечно!

— Женщин-кураторов у нас действительно только четыре, а девушек мы отобрали пять. И вот судили мы с господином Уайли, рядили, думали-прикидывали, как нам быть: то ли еще одну женщину нанимать на работу, то ли одну из отобранных девушек выбраковать и на второй тур не приглашать. Тут, видишь ли, какая ситуация: мы хотели, чтобы все участники жили каждый со взрослым сотрудником, потому что куратор должен постоянно быть в курсе, где находится его подопечный и что он делает, когда выходит из дома. Здесь-то, в доме, вы ничего такого сделать не можете, уж мы постарались, чтобы возможностей у вас не было, а вот вне дома за вами нужен глаз да глаз. И что получится, если у куратора будут на попечении два человека? Как он за вами углядит? Вот то-то и оно. Тогда мы с господином Уайли и решили, что никого из девочек выбраковывать не станем и дополнительного сотрудника нанимать тоже не будем, а просто поселим кого-нибудь из вас вместе с Дуней. Дуня — она надежная, за ней можно не присматривать, она ничего такого себе не позволит.

— Я бы тоже не позволила, — тихо произнесла Наташа. — За других не поручусь, но про себя знаю точно.

— Это, дочка, знаешь только ты, а не я и не господин Уайли. Для нас вы все незнакомые, а доверять людям просто так, на глазок, я не приучен.

— Но как же Дуня? Она ведь тоже незнакомая?

— О Дуне я смог навести справки, она из Москвы, общие знакомые нашлись. Поэтому знаю точно: она ни за что не нарушит ни одного правила. Так что все внимание Ирины может быть сосредоточено исключительно на Лене. Ты не обижайся, дочка, но такие у нас правила.

— Дядя Назар... — Наташа помолчала, решая, спросить или не нужно. Потом все-таки спросила: — А для чего все это? Зачем вы нас сюда согнали, телефоны отобрали, Горького читать заставляете? В чем смысл?

— Это господин Уайли подробно объяснит тем, кто пройдет отбор и приедет на основное мероприятие, — строго ответил Назар Захарович. — Зачем загружать лишней информацией головы тех, кто все равно выбывает из игры?

— А сколько человек вы оставите для основного мероприятия?

Сколько забракуют?

— Не знаю, дочка. Как пойдет. Может, всего двоих-троих оставим, а может, и вовсе одного. Завтра поработаем, вечером по результатам работы проведем совещание, обсудим и послезавтра объявим решение. Потерпи, недолго осталось.

Дома Наташа обнаружила подругу сидящей на полу с телефонной трубкой в одной руке и листком бумаги в другой. На этот листок сегодня после утренней встречи Маринка выписывала под надзором Назара Захаровича номера телефонов из своего мобильного.

— Ну что за блин! — огорченно приговаривала Маринка. — Никого дома нет! Никому не могу дозвониться! Домашних номеров — раз-два и обчелся, так и по ним не отвечают. Сажу тут как отрезанная от всего мира. Не понимаю, как люди раньше жили?

— Вот так и жили. Значит, слушай: Лена и Евдокия живут вместе, как сестры, а тетка эта — актриса, она им вместо матери.

— Актриса?! Да ты что?! Правда, что ли?

— Назар Захарович сказал.

— Вот блин! Знала бы — приехали бы пораньше, и я бы к ней попросилась. От профессорши моей все равно никакого толку, только руководит, а ничего нужного не рассказывает.

— Думаешь, актриса стала бы болтать?

— Да это фиг с ним! Она же актриса! У нее знакомства в кино и на телевидении! Ой, Наташка, ничего ты не понимаешь, курица! Ладно, сейчас главная задача — пройти испытание и попасть на мероприятие. А там уж я сориентируюсь. И ошибку свою больше не повторю. Приедем заранее, самыми первыми, чтобы куратора правильно выбрать. А то приперлись, как дуры, самыми последними, к шапочному разбору, вот и приходится жить с теми, кто остался.

— Приедем, — кивнула Наташа, стараясь скрыть улыбку, — если нас вообще не выгонят после завтрашнего обсуждения. Так что заканчивай названивать по телефону, открывай книгу и читай, чтобы завтра было что сказать.

Маринка покорно взялась за чтение, но все равно каждые 15–20 минут хватала телефонную трубку, заветный листочек и начинала накручивать диск, сердито ворча:

— Что за устройство дебильное... У меня маникюр, ногти длинные, неудобно же... Хотя бы кнопочный был, а тут приходится палец в дырки засовывать... Каменный век какой-то... Блин, да куда все подевались-то? Почему никто к телефону не подходит?

Наташа, погруженная в чтение, не заметила вороватого хитрого взгляда, который подруга бросила в ее сторону.

— Нелька, привет! — возбужденно заговорила Марина. — Ты где? Чё делаешь? А с кем? Ух ты! Приветик от меня передавай, скажи, что его последняя фотка просто уродская, и пусть не делает селфи, если не умеет... Ага... Ну как встанете на перекрестке — дай ему трубу, я сама скажу...

Встанете на перекрестке? Наташа вскинула голову и с ужасом посмотрела на Маринку, безмятежно чирикающую со своей подругой по колледжу. Какой перекресток? Маринка позвонила на мобильный? Но это же нарушение! И звонит она из квартиры Наташи. Если узнают — выгонят именно ее, Наташу, а если она выдаст подругу, то Маринку отчислят, и тогда Наташа тоже не сможет приехать на основное мероприятие, даже если пройдет второй тур. У нее просто совести не хватит приехать при таких обстоятельствах. Марина — ее подруга, как бы там ни было, и кинуть ее нельзя.

Вскочив с дивана, она одним прыжком добралась до телефонного аппарата и нажала на рычаг.

— Обалдела? — закричала Маринка. — Ты что творишь?

— Это ты творишь! — закричала Наташа в ответ. — Зачем ты звонишь Нельке на мобильник? Да еще с моего телефона. Если что — мне предъявят, а не тебе. Сказано же: звонить можно только на стационарные номера. Вылететь захотела?

— Так не узнает же никто, — уже более спокойно сказала Маринка. — Ты меня не выдашь, ты нормальная, а больше никто и не узнает. Чего ты хипиш поднимаешь? Тебе больше всех надо?

— Все равно, — Наташа упрямо мотнула головой. — Я тебя, конечно, не выдам, это правда. Но правила есть правила. Надо играть по-честному.

— По-честному ты никогда в жизни ни в одной игре не выиграешь, даже не пытайся. Ладно, уймись, больше не буду.

Но Наташа знала: Маринкиному слову грош цена, она повторит попытку при первой же возможности. Интересно, сколько мобильных номеров она выписала на листочек под видом «домашних»? Сама Наташа не выписала ни одного, домашний номер, по которому нужно звонить родителям, она и без того помнила наизусть, а все остальные номера в ее телефоне были сотовыми. А вот Маринка выписала не меньше двадцати номеров, и крайне маловероятно, что все до единого были для звонков на стационарные телефоны. Неужели она не понимает, что своими никому не нужными поступками она создает риск не только для себя, но и для Наташи? Неужели ей в голову не приходит, что без нее Наташа не поедет на

основное мероприятие, даже если пройдет отбор? Не поедет просто потому, что Маринке это будет наверняка неприятно, а расстраивать подругу девушка не хочет.

Задетая такой черствостью Маринки, Наташа подумывала, не огорчиться ли ей, а может, даже обидеться... Послушать бы сейчас свои любимые песни... И тут же в памяти возникло:

*Вбей в колено тоску, кулак,
Удержи от ненужных слез...
Просто что-то не так, не так,
Что-то не удалось.*

Ну и ладно. Ну и правильно. Будем дочитывать «Дело Артамоновых». А плакать не будем. Просто что-то не удалось.

* * *

Поздно вечером, а точнее, уже за полночь, собрались на совещание в квартире на четвертом этаже. Весь день дверь этой квартиры была открыта, чтобы любой из участников и сотрудников мог прийти, но теперь я попросил Юру дверь запереть. Молодежь — народ шустрый, мало ли кого из них вдруг одолеет соблазн подслушать наше обсуждение. Первыми решили заслушать кураторов.

Грузчик Сергей весь день провел на глазах Виссариона Иннокентьевича, отлучался только в импровизированный магазин, там за ним наблюдали Надежда Павловна и Ирина. По телефону не звонил, уйти на улицу бесконтрольно не пытался. Замечаний нет.

Тимур, безработный хипстер, быстро прочитал книгу и в остальное время болтался рядом со своим куратором Юрой, с интересом расспрашивая о музыке и группах, которые были в моде в семидесятые годы прошлого века. Заодно помогал Юре с разными хозяйственными вопросами: загружать и разгружать продукты, чинить плиту в квартире-столовой. Попросил куратора сходить с ним в магазин и показать те товары, которые разрешено покупать, долго рассматривал их, уйти самостоятельно не пытался. Замечаний нет.

Евдокия весь день просидела в квартире, выходила только в столовую пообедать и поужинать вместе с Еленой и куратором Ириной. Читала книгу, в положенное время посмотрела фильм 1950-х годов «Укротительница

тигров», потом один из первомайских «Голубых огоньков». Звонила дважды на стационарный телефон, один раз не дозвонилась, второй раз разговаривала с кем-то, просила передать что-то тому, кого не застала. Замечаний нет.

Марина, студентка колледжа, тоже из дома не выходила, проводила время то у себя, то у подруги. Есть несколько нарушений — звонки на мобильные телефоны. За вполне скромные деньги удалось договориться с телефонной сетью о том, что организаторам проекта будут ежедневно предоставляться сведения о соединениях со всех телефонных номеров, установленных в доме. К началу совещания Юра привез из офиса телефонной компании полный отчет, из которого все отлично видно. Сначала грешили на Наташу, потому что соединения производились из ее квартиры, но потом путем нехитрых манипуляций и пары звонков на обозначенные номера выяснили, что звонила именно Марина.

Оксана, бывшая, а возможно — и будущая студентка, провела практически весь день в обществе веб-дизайнера Алексея, которого удобнее называть Цветиком. Молодые люди около полудня отправились на прогулку, их сопровождала только куратор Оксаны, Полина Викторовна, потому что куратор Алексея-Цветика, переводчик, был занят в момент их ухода: вместе с Ричардом Уайли он прослушивал записанную на диктофон утреннюю встречу. Оксана и Цветик сперва направились в магазин, где под контролем и руководством Полины Викторовны купили спиртное и закуску, после чего пошли на берег озера, потом снова гуляли по поселку, потом зашли в кафе, предварительно постояв на улице перед входом около часа и попивая прямо из бутылки какое-то недорогое вино.

— Был момент, когда мне показалось, что Алексей, уйдя в туалет, слишком долго отсутствовал, — заметила Полина Викторовна. — Перед этим он извинился, встал из-за стола и подошел к какой-то незнакомой девушке, сказал, что хочет познакомиться с ней. Похоже, что познакомился. Во всяком случае, они обменялись номерами телефонов. Пока Алексей отсутствовал якобы в туалете, девушка тоже отлучилась со своего места и тоже якобы туалет, оба уходили в одну сторону, за барную стойку. Но девушка ушла позже и вернулась раньше Алексея.

— Вот как? А что скажет Юра? — обратился я к нашему незаменимому офис-менеджеру.

Тот поправил очки, ткнул пальцем в распечатанный отчет и стал водить по строчкам.

— Есть звонок на стационарный телефон, зарегистрированный в поселке, из квартиры, где живет Алексей, — доложил Юра. — В двадцать

один час двадцать три минуты. Окончание разговора в двадцать два пятнадцать.

— Воркуют, голубки, — заметил Назар. — Ладно, завтра поглядим, до чего они доворковались. Продолжайте, пожалуйста, Полина Викторовна.

Судя по отчету пожилой актрисы, Алексей-Цветик и Оксана были заметно навеселе, когда вернулись домой около девяти вечера. Оксана пыталась болтать с Полиной Викторовной, но разговор не клеился, поскольку от выпитого у девушки совершенно расстроилась способность быть внимательной и понимать то, что ей говорят. Полина Викторовна провела, мягко выражаясь, воспитательную беседу с подопечной, неоднократно напомнив о невыполненном задании. Оксана отнеслась к ее словам крайне негативно, нагрубила и нахамила в ответ, после чего легла в постель и мгновенно уснула. Когда она собралась читать — непонятно.

Переводчик Семен Хорват, которому достался Алексей-Цветик, подтвердил, что в начале десятого нетрезвый подопечный забрал телефон на длинном шнуре и ушел с ним в кухню: квартира этой паре досталась однокомнатная. Разговор был долгим, но сам Алексей говорил не так много, больше слушал. После чего заявил своему куратору, что он слегка выпил и ему необходимо поспать буквально полтора-два часа, он сейчас ляжет, а Семен пусть разбудит его, когда сам соберется ложиться спать. К этому времени Алексей совсем протрезвеет и будет всю ночь читать заданную книгу. Семен не возражал, убедился, что парень заснул, и отправился на четвертый этаж на совещание.

— Разбужу его, когда вернусь, — закончил переводчик. — Хотя у меня большие сомнения, что он будет всю ночь читать, даже если проснется и встанет. Мне кажется, он слишком много выпил и будет дрыхнуть до самого утра.

Маркетолог Артем, по наблюдениям Вилена, книгу не просто прочел — проработал на совесть, при этом и подчеркивал отдельные места в тексте, и выписывал что-то в тетрадь. Выполняя задание, проявил несвойственную молодым парням усидчивость, работал сосредоточенно и не отвлекаясь, и в целом произвел на психолога впечатление человека чрезвычайно целеустремленного. После ужина предложил куратору прогуляться, сказав, что для работы голова должна быть свежей, а с уставшей головой качественного выполнения задания не получится. После прогулки, длившейся около 40 минут, снова вернулся к чтению. Телефоном ни разу не воспользовался. Замечаний нет.

Наташа, студентка колледжа культуры, звонила по телефону один раз — домой. Весь день провела либо за чтением, либо за разговорами с

подружкой Мариной. Ничем особенным себя не проявила, кроме попытки получить у Назара Захаровича дополнительную информацию.

— Ее интересовало, кто куратор у Елены и Евдокии и почему им разрешили проживать вместе, — рассказывал Назар. — Обижалась, что они с Мариной, дескать, давние подружки и приехали вместе, а им не разрешили поселиться в одной квартире.

— Кстати, у меня есть любопытное наблюдение, — вставила Ирина, актриса, опекающая Лену и Евдокию. — Когда вы, Ричард, давали предварительную характеристику участников, вы сказали, что в паре Наташи и Марины лидером является именно Марина, а Наташа — ведомый. Я правильно поняла или что-то перепутала?

— Совершенно правильно, — кивнул я.

— Так и есть, — подтвердил Назар.

Ирина красочно, в лицах, представила нам сцену в столовой во время обеда.

— Я не слышала, о чем девочки перешептывались, но язык тела никто не отменял, а у меня владение этим языком чисто профессиональное, я могу вообще ни слова не слышать, но почти точно передать смысл и эмоциональное содержание всех реплик. В том диалоге Марина была явно в положении более слабого и просящего. Как будто перед ней внезапно поставили задачу, которую она не знает, как решить, а решить нужно обязательно, то есть нельзя просто махнуть рукой и наплевать.

— Вы уверены? — удивленно переспросил я.

— Ну... — Ирина поколебалась. — Марина — та, которая повыше ростом, волосы темно-каштановые и ярко-малиновая прядь, а у Наташи волосы русые с отливом в рыжину и глаза синие, большие?

— Да-да, — тут же подхватила Надежда Павловна. — У Наташеньки свой цвет, натуральный, я специально корни посмотрела, она волосы никогда в жизни не красила. И синеглазая она.

— Значит, все правильно, — сделала вывод Ирина. — В той ситуации лидером была именно Наташа.

— Забавно, — протянул Назар. — Значит, вы обедали в столовой, я вас там видел, потом поднялся к Ричарду, а минут через пятнадцать появилась Наталья со своими вопросами, и ответы на эти вопросы были нужны не ей, а Марине, которая просто не могла придумать, как их получить. Почему она не подошла к вашему столу и не спросила? С какой проблемой совершенно неожиданно могла столкнуться лидер Марина? Почему ей пришлось прибегнуть к помощи своего ведомого?

Все молчали. Я перевел глаза на психолога, который тихонько

улыбался.

— Что скажете?

— Могу предположить, что в данном случае мы имеем дело с типичным синдромом: красивая девушка, привыкшая к тому, что на нее все обращают внимание. Парни сами подходят к ней и проявляют инициативу, ей остается только парировать реплики в зависимости от желания либо нежелания завязывать знакомство. И как у подавляющего большинства современной молодежи, процентов восемьдесят личного общения проходит в письменной форме. Эсэмэски, всяческие сообщения в приложениях и в соцсетях, при этом формулирование эмоций происходит не вербально, а при помощи смайликов и наклеек. У девочки банально нет навыка обратиться к незнакомым людям и заговорить первой. Они ведь теперь и знакомятся не лично, как мы когда-то, а в Тиндере или на других сайтах знакомств, их полно.

— А у Наташи, выходит, такой навык есть? — спросил я. — Откуда? Она ведь тоже красивая девочка, на мой вкус — даже красивее Марины, и тоже современная.

— Она не современная, — возразил Назар. — Она совсем другая. Ее тянет даже не в семидесятые, а вообще в шестидесятые годы. Она любит песни, которые во времена моей молодости пели у костра под гитару. А вы представляете, как давно она была, эта моя молодость? Некоторые из вас даже еще не родились, а я уже и на гитаре играл, и эти самые песни пел. В нашей Наталье современного вообще ничего нет. Не удивлюсь, если она почти ни с кем не общается в соцсетях. Помните термин «преждевременный человек»? Так вот Наталья — «человек, опоздавший родиться вовремя». Рискну предположить, что Марина растерялась перед необходимостью обратиться к незнакомым людям и задать вопрос, а для Наташи в этом нет ни малейшей проблемы.

— Тогда почему она не заговорила с нами, а вместо этого отправилась задавать свои вопросы вам, Назар Захарович? — заметила Ирина, весьма, надо сказать, справедливо.

— Она добрая девочка, чуткая и тонкая. Она понимала, что Марине будет неприятно, если окажется, что ведомый в чем-то успешнее лидера. И она быстро придумала, как получить ответы на вопросы, не демонстрируя открыто свои умения, которых нет у ее подруги.

— То есть пощадила ее самолюбие? — недоверчиво усмехнулась Ирина.

— Наталья продемонстрировала уважительное и бережное отношение к самооценке другого человека, — подтвердил Вилен. — Согласен с

Назаром Захаровичем. А насчет доброты и чуткости — откуда информация? Вы знакомы с этой девушкой близко?

— Это проявилось в ходе собеседования, — коротко пояснил Назар.

Я вспомнил, что Вилен не присутствовал на собеседованиях по скайпу и не слышал загадочного обмена репликами между Назаром и Наташей. У нас с Назаром было достаточно времени для долгих бесед, и он успел прочитать мне тексты всех песен, цитаты из которых прозвучали в том странном разговоре. Чтобы знать и любить такие тексты, нужно в наши дни действительно быть существом неординарным, несовременным, тут с Назаром невозможно не согласиться. И насчет доброты и чуткости я бы тоже спорить не стал.

Осталось обсудить только Елену, менеджера по продажам. На чтение книги она затратила чуть меньше двух часов, после чего отправилась в сопровождении Ирины по магазинам, ничего не покупала, внимательно изучала имеющийся ассортимент, читала этикетки, сравнивала цены. Одним словом, использовала свободное время для получения дополнительной информации, которая может оказаться полезной в профессиональной деятельности. Пыталась склонить куратора к совместному нарушению правил, предлагала зайти в ресторан, а также умоляла дать ей свой мобильник, чтобы сделать несколько совершенно необходимых и срочных звонков, очень важных для ее работы и вообще жизни. Получив от Ирины категорический отказ дать свой телефон, стала искать возможность купить телефонную карту и позвонить из автомата. «Неужели мы с вами не договоримся? Мы же никому не скажем! Никто не узнает!» — повторяла Елена через два слова на третье.

— Честно говоря, я с ней здорово устала, — призналась актриса. — Я вообще баба жалостливая, меня легко уговорить на что угодно, если по жизни. А тут-то у нас не жизнь, а работа, тут пришлось твердость проявлять, я же понимаю, за что мне платят. Вот у меня все силы и уходили на то, чтобы все время говорить «нет», отказывать и не разрешать. А у Елены напор — похлеще танковой бригады, произносит сто слов в минуту, кого угодно уболтает и на любую глупость уговорит. Жуткая девица!

— Почему жуткая? — не понял я.

— Она вообще не думает, а сразу делает. Я таких людей всегда боялась. У меня против них нет защиты.

Ирина улыбнулась смущенно и чуть виновато.

Поведение участников второго тура мы обсуждали больше часа. Пришло время подводить итоги. Я разложил перед собой сделанные в ходе разговора записи и взял слово:

— Итак, друзья мои, что у нас получилось? Один человек допустил явное нарушение, звонил на сотовые номера, это доказано. Еще один человек недвусмысленно выражал горячее желание нарушить правила, но ему не позволили обстоятельства в лице нашего стойкого бойца Ирины, — я улыбнулся симпатичной актрисе, которая мне очень понравилась с самого первого момента знакомства. Понравилась и чисто по-человечески, и как мужчине.

Ирина ответила мне тоже улыбкой, теплой и, как мне показалось, заинтересованной. Впрочем, я наверняка ошибался. Женщин я и вообще понимал не очень хорошо, а уж русских женщин — и подавно.

— Все остальные участники либо не допустили нарушений, либо оказались достаточно ловкими, чтобы кураторы ничего не заметили, — продолжал я. — Теперь о задании. На текущий момент два человека, Оксана и Алексей, к чтению книги даже не приступали, но у них впереди вся ночь. В их возрасте я тоже любил проводить вечера с друзьями, заниматься ночью, потом спать до обеда, так что поспешных выводов о добросовестности делать не станем. Один человек, Елена, уделила заданию слишком мало времени, так что ознакомилась с романом, вероятнее всего, по диагонали, хотя, вполне возможно, она владеет навыками скорочтения. Тимур тоже много времени заданию не посвятил. О том, что роман прочитан от первого до последнего слова, мы можем утверждать без сомнений только в отношении Сергея, которому книгу прочитали вслух. Остальные четверо, будем надеяться, подошли к работе ответственно.

— За Артема я ручаюсь, — твердо проговорил Вилен. — Он очень внимательный и добросовестный парень.

— И Наташенька моя все прочитала, — вступила Надежда Павловна. — Я как ни зайду в квартиру — она сидит над книжкой, еще и Маринку, вертихвостку эту, подгоняет, мол, не отвлекайся, читай, а то не успеешь. Вот и сейчас я на совещание уходила, а они так и сидят, Маринка еще дочитывает, а Наташенька книжку листает и в тетрадку записывает.

— Ну а в Евдокии я не сомневаюсь ни одной минуты, — заключил Назар. — Она геммолог, внимательность, усидчивость и точность — ее профессия. Ну и вообще, я в ней уверен. Теперь осталось обозреть результаты чистого эксперимента, но сделать это мы сможем только завтра утром.

Все недоуменно уставились на Назара. Все, кроме меня, поскольку со мной он уже поговорил об этом.

Назар хитро улыбнулся и продолжил:

— Вы все сообщили своим подопечным, что уходите на совещание.

Кто из вас может гарантировать, что в ваше отсутствие дети не побегут из дома туда, где есть интернет, телефоны-автоматы и вообще люди с девайсами в руках? Подъезд не запирается, домофона на нем нет — его сняли специально, поскольку в семидесятые никаких домофонов не существовало, так что выйти и войти обратно не составит проблемы.

— Дуня, пожалуй, не пойдет, — не раздумывая ответила Ирина.

— Дуня не пойдет, — тут же согласился Назар. — А остальные?

— Оксана слишком перебрала, вряд ли проснется, — подала голос Полина Викторовна.

— А я в Алексее не уверен, — признался Семен. — То есть я уверен, что он как раз немедленно смылся бы из дома, но не уверен, что он проснется, пока меня нет.

— Вот завтра и узнаем, кто как повел себя, оставшись без надзора, — сказал я, закрывая совещание. — А теперь наша любезная Надежда Павловна приглашает всех в столовую на вечерний чай, она в честь нашего первого полноценного рабочего дня испекла что-то необыкновенное, название чего я запомнить не смог, уж простите.

Все заулыбались, по полу зашаркали ножки отодвигаемых стульев.

— Чай скорее уже ночной, а не вечерний, — раздался звучный голос Полины Викторовны. — Для фигуры вредно наедаться на ночь.

— Да бросьте, Поляночка, — ответила Надежда Павловна, — вы и так тростинка, маленький кусочек курника вам не повредит.

Точно! Курник! Надо запомнить. Я торопливо записал новое для себя слово в блокнот два раза — кириллицей и латиницей. На всякий случай.

* * *

Диетологические устремления Полины Викторовны никто больше не поддержал, и от курника, сделанного из блинов, проложенных начинкой, в мгновение ока остались только рожки да ножки. Блюдо оказалось и в самом деле необыкновенно вкусным.

— Кажется, Полина вас всех сейчас на кусочки порвет, — тихонько произнесла Надежда Павловна, сидевшая рядом со мной. — Видно же, что она голодная, как сто волков, вон глаза как блестят, замаслились, как у алкоголика, который видит бутылку, а выпить не дают. Прямо жалко ее! Это ж какую силу воли нужно иметь, чтобы вот так себя сдерживать и ограничивать?

Я посмотрел на Полину, которая пила маленькими глоточками чай.

Тарелка перед ней была девственно пуста. Да, Надежда права, наша «возрастная» актриса умирала от желания присоединиться к трапезе, это было видно даже мне. Выдержке и самообладанию этой женщины можно было только позавидовать.

И еще можно было позавидовать энергии и неутомимости нашего повара и по совместительству буфетчицы. С раннего утра на ногах, в семь часов столовая и буфет уже открыты для завтраков, а закрываются в десять вечера, и целый день нужно кормить и подкармливать ораву из десяти взрослых и девяти молодых людей: варить, жарить, парить, выпекать, нарезать, носить, подавать... А вдобавок еще и курник!

— Надежда, как у вас хватает сил на все? — спросил я. — Неужели вы не устаете?

— Кто? Я?

Мне показалось, что удивилась она совершенно искренне. Впрочем, русские женщины — загадка не только для меня одного.

— Ну что вы, Ричард, я здесь отдыхаю. Видели бы вы меня дома! У меня двое детей и шестеро внуков. Дочки и их мужья работают, внуков на меня сгрузили. Вот где настоящий кошмар! Шум, гам, беготня, постоянно кто-то дергает, кричит, капризничает, одному конфетку дай, другому попить, третий описался, четвертому мультики включи... Я уж не чаяла когда-нибудь дух перевести, а тут такой случай подвернулся: работа по специальности, да с выездом, да еще и деньги хорошие заплатят. Дочки мои, конечно, в истерику кинулись, когда я им сказала, что уеду сначала на неделю, потом на месяц, мужей на подмогу позвали, стали меня совестить и уговаривать, мол, как же они будут справляться, из шестерых детей только двое в школу ходят, остальные маленькие, ни в садик, ни в ясли не записаны, временно няню нанимать — денег нет, дорого. Но когда я озвучила им сумму заработка, который вы обещали, они тут же приутихли. Вы же не откажетесь от своих обязательств, Ричард? — вдруг с тревогой спросила она. — Заплатите, сколько обещали?

— Я заплачу даже больше, — заверил я Надежду. — Суммы, которые я называл, — базовые, их сотрудники получают в любом случае, если не уволятся по каким-то причинам раньше срока. Но за высокое качество работы я обязательно выплачу хорошие премии. А ваша работа, вне всякого сомнения, соответствует самым высоким стандартам.

— Ой, ну что вы, — засмушалась она и сильно покраснела. — Какие уж тут стандарты? Советская столовая и буфет... Даже смешно! Вот если бы мне нужно было делать ресторанное меню — тогда конечно. А так...

— Вы не понимаете. Речь не об изысканности блюд, а о соблюдении

правил. И о том, чтобы девятнадцать человек, шестеро из которых — взрослые мужчины и еще четверо — молодые вечно голодные парни, всегда были сыты и не страдали от болей в животе. И это при рабочем дне длительностью в пятнадцать часов. Я чрезвычайно высоко ценю ваш труд, поверьте, я не шучу.

— Ну ладно, если так, то хорошо, — ответила она, успокоившись.

После чая стали расходиться по квартирам. Юра вызвался остаться, чтобы помочь Надежде Павловне убрать и помыть посуду. Назар, как мы договорились заранее, поднялся ко мне на пятый этаж. Как руководитель проекта, я нахально занял трехкомнатную квартиру. На втором этаже в такой квартире находилась столовая, на третьем поселили Галину Александровну, на четвертом сделали «конференц-зал», совмещенный с избой-читальней. Мне оставалось выбирать между первым и пятым этажами. Я — не большой любитель физических нагрузок, поэтому соблазнился сначала первым этажом, но Назар меня отговорил: придется либо ставить на окна решетки, либо жить в постоянном страхе перед воришками, а то и грабителями. Решетки на окнах меня почему-то не вдохновили, и я взял себе квартиру на самом верхнем этаже. Назар обосновался рядом, в соседней квартире, двухкомнатной. Квартирами на первом этаже не соблазнился вообще никто, из чего я сделал вывод, что Назар дал мне дельный совет.

Благодаря Юре, в своих трех комнатах я расположился относительно комфортно: мне были оборудованы гостиная, спальня и кабинет. Кухня тоже была, но пользоваться ею я не собирался, ибо готовить не любил и не умел. В моей европейской жизни питание обеспечивала экономка, а здесь меня вполне устраивало то, что готовила Надежда «для руководства», по отдельному меню. На кухне я пользовался только плитой, джезвой для заваривания кофе и диковинным предметом, внешне похожим на металлический чайник, но с огромной спиралью внутри. Этот предмет полагалось называть электрическим чайником и для нагрева воды втыкать вилку в розетку, а не нажимать кнопку, как я привык. Когда вода закипала, предмет не отключался автоматически, а продолжал работать, поэтому забывчивому владельцу грозил вполне реальный пожар.

— Ну что, Дик, завтра первая апробация твоей задумки? — сказал Назар, когда мы поднялись ко мне и уселись в гостиной в низкие неудобные кресла с круглыми спинками и жесткими сиденьями.

Между креслами стоял полированный журнальный столик на тонких, суживающихся книзу ножках. Юра сразу предупредил, что для сохранения товарного вида блестящей столешницы на нее нельзя ставить ни горячее,

ни мокрое, поэтому, если мне захочется выпить чаю в гостиной, придется подкладывать тканевую салфетку.

— Но это, конечно, в том случае, если вы хотите, чтобы было красиво, — добавил он, усмехаясь. — В обычной жизни в те годы большинство людей салфетками не пользовались, поэтому либо подкладывали какой-нибудь журнал, газетку, а то и книгу, либо такие столики довольно быстро покрывались белесыми кругами от блюдец, чашек, тарелок и рюмок. Некоторые, правда, накрывали столик скатертью или клеенкой, но это уж было совсем не комильфо. Самый шик был — импортные салфетки-подкладки из деревянной щепы или пластмассовых палочек, но их еще достать надо было. Просто так не пойдешь и не купишь.

Тканевыми салфетками Юра меня обеспечил, но они смотрелись на столике настолько чужеродными, что каждый раз после чая или кофе я их убирал, чтобы не раздражали глаз. Сейчас я выложил на столик толстую тетрадь в кожаной обложке: в эту тетрадь я заносил все важное, что говорилось на совещаниях. Завтра здесь, на этих страницах, появятся первые записи, имеющие самое непосредственное отношение к сути проекта. Я человек немолодой, даже, можно сказать, старый, и меня мало что может сильно взволновать. Но теперь я чувствовал нечто похожее на волнение. Что-то такое, что отдаленно напоминало мне об ожидании свидания с девушкой лет пятьдесят-шестьдесят назад. Господи, как долго я живу!

— Завтрашний день многое прояснит, — ответил я Назару. — Нужно быть очень внимательным, чтобы ничего не упустить и заметить все мои недочеты. Тогда за три-четыре недели можно будет внести коррективы в план основного мероприятия.

— А со вторым заданием ты определился? Сегодня днем ты еще не мог выбрать между общественным туалетом и неудачным свиданием. Выбрал наконец?

— Нет, — признался я и почувствовал себя школьником, не выучившим урок.

— Тогда бросаем монетку.

Назар полез в карман и вытащил десятирублевую монету.

— Орел — туалет, решка — свидание. Держи, сам бросишь.

Я послушно взял монетку, подбросил, поймал, разжал кулак и протянул раскрытую ладонь.

— Орел, — констатировал Назар. — Значит, пусть ищут туалет. Кстати, я с Виленом обсудил оба варианта, и он посоветовал разделить

мальчиков и девочек.

— Зачем?

— Чтобы они не могли услышать, что по этому поводу думает противоположный пол, и не подстраивали свои ответы под информацию, которую они в реальной жизни наверняка не получили бы.

Я задумался. Что ж, в этом было здоровое зерно. Молодец, Вилен! И молодец Вера Максимова, порекомендовавшая квалифицированного психолога.

— В целом результаты первого дня обнадеживают, — продолжал рассуждать Назар. — Из девяти человек явным образом накосячили только двое, Марина и Елена. Все остальные хотя бы сутки продержались. Если в течение вторых суток попадутся еще двое, то останется пятеро. Тебе на проект вполне хватит.

— А те двое, которые напились? Тебя не смущает?

— Абсолютно нет. Молодые люди, пьющие дешевое вино, это стандарт поведения в нашей стране в семидесятые годы. А вот те, кто не пил, считались чужаками или вообще придурками. Даже спортсменам поблажки не было, попробуй скажи, что у тебя режим, — засмеют. Наркотики — да, для молодежи в то время они были недоступны, а спиртное — литрами, хоть залейся. Так что если наш поэт Цветик и Оксана покажут себя завтра с хорошей стороны, то я бы советовал их оставить. Тем более твой родственник, как я понял, сильно этим делом увлекался. Я думаю, нетрезвый мозг и измененное алкоголем состояние могут оказаться тебе полезными.

Я не мог не согласиться. Действительно, старший сын Зинаиды Лагутиной, Владимир, с трудом окончил институт, работал на какой-то мелкой и незначительной должности, много пил и умер в 26 лет от кардиологического заболевания. Разумеется, в первоначальной версии записок, прошедших цензуру, о пьянстве Владимира сказано не было, а вот в американской версии, более поздней, Зинаида об этом упомянула.

— Ты сам-то как себя чувствуешь? — заботливо спросил Назар.

— Нормально.

— Таблетку принимать будешь?

— А куда деваться? — Я горестно вздохнул. — Я должен продержаться еще двое суток. Потом можно будет сделать перерыв до основной сессии.

— А потом опять целый месяц принимать препарат ежедневно?

— Придется.

Назар сочувственно покачал головой.

— Опасно ведь, Дик.

— Сам знаю. Но рисковать не могу.

— Ой, можно подумать, что, принимая эти таблетки, ты не рискуешь!

— Ну, там последствия отдаленные, они наступят еще не завтра и даже не послезавтра. А мигрень может в любой момент выпрыгнуть из-за угла и испортить весь проект. Знаешь, Назар, если у меня все получится, если проект даст нужный мне результат, который позволит заткнуть все дыры, и я напишу исследование и получу премию Уайли — Купера, то черт с ними, с последствиями, пусть они наступают. Если успеют, конечно, — улыбнулся я. — А то я ведь могу и не дожить до них. Но если доживу, если они действительно наступят, то я прошу тебя: сделай так, чтобы об этом все узнали. Последствия подтвердят мою правоту, а также порочность работы моего дальнего родственника Энтони. Если я умру обезумевшим старцем с разрушенной личностью, это должно послужить хорошим уроком и неопровержимым доказательством.

— Еще не факт, что я сам до этого доживу, — рассмеялся Назар. — Но мы с тобой потом обсудим организационные моменты, подумаем, как обеспечить выполнение твоей воли. А сейчас давай-ка расходиться, нам завтра нужны наши мозги отдохнувшими и в рабочем состоянии.

Назар ушел к себе, а я выпил таблетку и собрался ложиться в постель. Уже открыв дверь в спальню, не совладал с соблазном и отправился в кабинет, где на столе громоздились папки с распечатками набранных на компьютере рукописей, написанных на русском языке, и их переводов на английский. На одних папках красовалась надпись «Ульяна Кречетова», на других — «Зинаида Лагутина, СССР», на третьих — «Зинаида Лагутина, США», были и папки «Ульяна Лагутина». Но меня интересовала всего одна папка, самая тонкая — та, которую я получил благодаря неопишуемой любви Зинаиды к деньгам.

Ее сын Владимир в ведении записей для проекта Уайли — Купера не участвовал никогда. Ему это было неинтересно. Он умер в 1981 году, и все его тетради оказались на антресоли: читать их никто не собирался, а выбросить — рука не поднялась. Ну что интересного может быть в тетрадях молодого пьющего клерка из МИДа? Наверняка какие-нибудь конспекты лекций и научных работ, сделанные еще во времена студенчества, или выписки из сборника законов и учебников по международному праву, или переводы писем, статей, запросов, протоколов... Одним словом, ничего важного и нужного.

Перед отъездом в США, само собой, разобрали все вещи в квартире, наткнулись на тетради, Зинаида пробежала пару страниц и поняла, что этот

материал вполне можно выдать за те самые записи, которые оплачиваются деньгами Уайли — Купера. Разбираться никто не будет, в конторе Берлингтонов сразу сделают копии и отдадут кому-нибудь сначала для ввода текста в компьютер, чтобы не пришлось разбираться в чужих почерках, а потом на перевод, а оригиналы, как положено, спрячут в банковский сейф. Полученные переводы тоже никто читать не будет до тех пор, пока не найдутся желающие написать обобщающее исследование, а случится это еще очень не скоро. Зато деньги поступят сразу. И их можно будет использовать для себя, дочери и внука.

Все произошло именно так, как представляла себе Зинаида. Тетради приняли, деньги начислили. И тут нарисовался я, сумасшедший переводчик, страдающий мигренями...

Тетради Владимира Лагутина я изучил самым тщательным образом. Их было всего три. Две имели на титульном листе заголовок «Записки молодого учителя» и обозначения «1» и «2», иначе говоря — первый и второй тома. На третьей было написано «Роман-перенос». Из прочитанного мною вырисовывался облик молодого человека, который мечтал стать учителем литературы в школе, но вынужден был получить совсем другое образование и заниматься скучной и не интересной ему работой. Мысли и чувства, запечатленные в этих тетрадях, как-то не вязались с тем образом сына-отличника, который был прописан Зинаидой Лагутиной в ее записях. Более того, Зинаида сама, уже переехав в США, признавалась, что многое либо искажила, либо утаила, поскольку ее письма подвергались перлюстрированию и цензурированию в компетентных органах, и написала после эмиграции довольно много дополнений к своим предыдущим текстам.

Первым, на что я обратил внимание, было получение Владимиром Лагутиным высшего образования. По дневникам Зинаиды выходило, что мальчик был нацелен на учебу в институте международных отношений, легко поступил и с удовольствием учился, а на работу в посольстве за границей не попал исключительно потому, что не успел вовремя жениться, слишком уж высокие требования предъявлял он к кандидатуре будущей супруги. Из «Записок молодого учителя» следовало, однако, что Владимир мечтал о совсем другой профессии и становиться дипломатом не хотел ни одного дня. Кому же верить? Без всяких дополнительных разъяснений мне было сразу понятно, что моя троюродная сестра Зинаида Лагутина соткана из лжи и пропитана ею от кончиков волос до пальцев на ногах, но можно ли безоговорочно верить ее сыну? И тут же возникал еще один вопрос, не менее, а возможно, и более важный: если Зинаида и Николай Лагутины

считали необходимым для своих детей получить такое образование, которое позволит им выезжать за границу в капстраны, то как же получилось, что Владимир такое образование получил, а Ульяна — нет? Ульяна-то окончила текстильный институт, хотя в дневниках Зинаиды я читал о том, что девочка выбирает из трех языковых вузов. Что произошло? Почему она передумала? Почему Ульяне родители позволили получить профессию по ее собственному выбору, а Владимиру сделать то же самое запретили? Или он сам передумал становиться учителем? Но почему? Чем мотивировал свое решение? Эти вопросы были очень важны для исследования, задуманного Джонатаном Уайли, и освещение их, причем самое подробное, являлось одним из основополагающих условий. Ни Зинаида, ни Владимир об этом не написали. И этот пробел в информации очень меня беспокоил.

В «Записках» Владимир рассуждал о том, как преподавал бы литературу школьникам, какие вопросы обсуждал бы со старшеклассниками, на что предлагал бы обратить внимание, чтобы подростки, начитавшись «правильных» советских учебников, не прошли мимо важного, нужного и полезного. Я рассудил, что те вопросы, которые он хотел бы поставить перед своими учениками, были интересны и важны для него самого. Мы ведь обращаем мало внимания на то, что нас не задевает и не заставляет думать или переживать, и очень быстро забываем об этом. Стало быть, если проанализировать те моменты, на которые Владимир Лагутин обратил внимание, можно попытаться кое-что понять о его характере и менталитете и вообще о его жизни. Мне пришло в голову, что можно попросить молодых людей из семей русских эмигрантов прочесть те произведения, о которых писал Владимир, и поделиться со мной своими впечатлениями: я надеялся найти тех читателей, которых заинтересуют те же нюансы, эмоции, персонажи, коллизии. Тогда можно было бы предположить, что структура их личности более или менее похожа на личность Владимира Лагутина. Но ничего не вышло. Эти молодые люди выросли в США, реалий жизни в СССР в семидесятые годы не знали, и то, что так зацепило моего родственника, прошло полностью мимо их внимания.

Тогда я обратился к эмигрантам старшего поколения, жившим в нужный мне период в советской стране. Но и тут меня ждала неудача: рассуждения этих людей, их восприятие текстов стояли на крепком фундаменте жизненного опыта, которого Владимир на момент составления своих записок был лишен.

Вот так и появилась моя безумная идея собрать молодых людей,

живущих в России, и поместить их в обстановку, хотя бы немного приближенную к жизни в период «расцвета застоя». Не знаю, что из нее выйдет. Вполне возможно, что и вовсе ничего.

Самым первым в «Записках» шел роман Горького «Дело Артамоновых». С него я и решил начать, предложив для прочтения на отборочном туре.

Конец первого тома